

НАЦИО
НАЛЬ
НЫЙ
BEST
СЕЛЛЕР

Швеция

РИПОЛ КЛАССИК

HÅKAN
NESSER

*Borkmanns
punkt*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTSELLER
Швеция

ХОКАН
НЕССЕР

Точка Боркманна

РИПОЛ
КЛАССИК

МОСКВА

2015

УДК 82-31
ББК 84(4Шве)6-44
Н558

Перевод со шведского Ю. Колесовой

Нессер, Х.

Н558 Точка Боркманна / Х. Нессер ; [пер. со швед. Ю. Колесовой]. — М. : РИПОЛ классик, 2015. — 320 с. — (Национальный Bestseller).

ISBN 978-5-386-06070-1

Блестящий детективный триллер от одного из лучших авторов Швеции — Хокана Нессера, трижды лауреата премии Шведской академии детектива за лучшую прозу.

Если бы кто-то спросил инспектора Ван Вейтерена, он рассказал бы, что убийство в небольшом городке раскрыть гораздо сложнее, чем в мегаполисе... Казалось бы, куда проще — несколько жертв, одно орудие преступления... и никаких зацепок. Присланный на помощь местной полиции, инспектор должен не только расследовать совершенные убийства, но и предотвратить новые трагедии.

С каждой страницей романа ситуация в городке все больше накаляется. И инспектору Ван Вейтерену придется проявить удивительную пронацительность и поистине выдающиеся навыки сыщика, чтобы вывести убийцу на чистую воду.

**УДК 82-31
ББК 84(4Шве)6-44**

- © Håkan Nesser, 1994
First published by Albert Bonniers Förlag,
Stockholm, Sweden
Published in the Russian language by
arrangement with Bonnier Group Agency,
Stockholm, Sweden and OKNO Literary
Agency, Sweden
© Перевод, Колесова Ю. В., 2015
© Издание на русском языке, перевод на
русский язык, оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2015

ISBN 978-5-386-06070-1

Посвящается Санне и Юханнесу

...Но сама необходимость, разумеется,
не может являться ни причиной, ни оправданием.

А только лишь поводом.

*С. В. Вундермаас,
бывший комиссар
криминальной полиции*

УАСМб 1

31 августа – 10 сентября

1

Знай Эрнст Симмель о том, что вот-вот станет второй жертвой Палача, он бы наверняка позволил себе пропустить еще пару стаканчиков в трактире «Голубой фрегат».

Однако Симмель ограничился коньяком к кофе, после чего выпил виски с содовой в баре. Без особого энтузиазма он попытался поймать взгляд крашеной блондинки, сидевшей за столиком в углу, — ничего не вышло. Видимо, новая сотрудница консервного завода. Раньше он ее никогда не видел, хотя и знал местную публику, как никто.

Справа от него сидел Герман Шальке, репортер газеты «де Журнаал»; Шальке соблазнял его дешевой поездкой на уик-энд в Калининград или чем-то в этом духе, и, когда позднее восстанавливали события того вечера, сделали вполне достоверный вывод, что он — последний, кто беседовал с Симмелем при жизни. Если, конечно, не предполагать, что Палач тоже намеревался сообщить ему о чем-то, прежде чем зарубить. Но это было маловероятно, если учесть, что удар, как

и в первом случае, пришлось сзади, под углом и как бы немного снизу, так что по этому поводу особых дискуссий не возникало.

— Тьфу! — сказал Симмель, вливая в себя последние капли виски. — Пора домой, к жене.

Если, конечно, Шальке правильно запомнил. Так или иначе, он пытался удержать его. Говорил, что на часах всего одиннадцать, ночь только начинается, но Симмель остался непреклонен.

Вот именно — непреклонен. Просто встал со стула, и все тут. Поправил очки, провел рукой по пряди жидких волос, зачесанных поперек лысины, словно это могло кого-нибудь ввести в заблуждение... пробурчал что-то себе под нос и ушел. Последнее, что видел Шальке, — широкая спина Симмеля, когда тот на минуту застыл на пороге, словно раздумывая, каким путем пойти.

А это, в свете всех последующих событий, выглядело немного странно. Ведь не мог же Симмель не знать, в какой стороне его дом.

Хотя, возможно, он просто постоял минутку, вдыхая вечерний воздух. День выдался жаркий, лето еще не закончилось, и вечера приобрели ту благородную насыщенность, которая возникает, когда долгие солнечные часы накапливаются в пространстве и потом постепенно отдают свое тепло. «Они словно созданы для того, чтобы пить их большими глотками», — сказал кто-то о таких ночах.

Не самый плохой вечер для того, чтобы перейти из него в мир иной, если уж позволить себе такую точку зрения. В своей редакции Шальке в первую очередь ведал вопросами спорта и культуры, но уж коль скоро ему выпало стать последним

свидетелем, взял на себя миссию написать некролог о безвременно ушедшем директоре агентства недвижимости — так сказать, одном из столпов общества, который только что вернулся в родной город после нескольких лет, проведенных за границей (в солнечной Испании, среди единомышленников, столь же неохотно платящих налоги, но об этом вряд ли стоило упоминать). Жену и двоих взрослых детей он покинул в возрасте пятидесяти восьми лет, то есть в самом расцвете сил.

Ароматы вечера налетели на него, как невысказанные обещания, и он замер в дверях, размышляя. Может, все же неплохая идея прогуляться по Рыночной площади и по набережной?

Что ему делать дома в такое время? В сознании возник образ Греты с ее тяжелой фигурой и сладковатый запах спальни. Не сказать, чтобы картинка была приятной, и Симмель решил совершить небольшую прогулку. Всего лишь небольшой кружочек. Даже если не иметь никакой конкретной цели, сам по себе теплый ночной воздух оправдывал эти усилия.

Он пересек Лангвей и двинулся в сторону церкви Бунгекирке. В этот момент тень убийцы появилась из тьмы под липами парка Лейснера и последовала за ним. Тихо и осторожно... на почтительном расстоянии, бесшумно ступая на толстых резиновых подошвах. В тот вечер предпринималась уже третья попытка, но убийца не проявлял нетерпения. Он знал, какую миссию на себя взял, и менее всего намеревался делать дело впопыхах.

Симмель двинулся дальше по Хойстрат и спустился по лестнице, ведущей к порту. Возле Рыночной площади он замедлил шаг. Не спеша побрел по бульжной мостовой к опу-

стевшему крытому рынку. На углу Домского переулка стояли и разговаривали две женщины, однако он не проявил к ним никакого интереса. Возможно, он не смог определить их статус — или ему помешало нечто другое. Возможно, в тот вечер у него просто не было желания.

На набережной он постоял несколько минут, куря сигарету и рассматривая яхты, покачивавшиеся на волнах. Тем временем убийца тоже позволил себе выкурить сигаретку, укрывшись в тени за складами на другой стороне Эспланады. Чтобы его не выдал огонек, он прикрывал сигарету, сложив лодочкой ладонь, но при этом ни на секунду не сводил взгляда с избранной жертвы.

Когда Симмель выбросил окурок в воду и направился в сторону городского парка, убийца понял, что сегодня все получится.

Правда, отрезок пути через парк от Эспланады до фешенебельного района Риккен, где жил Симмель, составлял не более трехсот метров, и на этой дорожке было установлено немало фонарей, но многочисленные летние праздники и прочие мероприятия под открытым небом привели к тому, что часть фонарей вышла из строя, а триста метров — это порой долгий путь.

Когда Симмель услышал за спиной мягкие шаги, он успел углубиться в парк не более чем на пятьдесят метров, но вокруг уже была темнота. Теплая и полная обещаний, как уже было сказано, однако непроницаемая.

Скорее всего, он даже не успел испугаться. А если и успел, то лишь на сотые доли самой последней секунды. Отточенное острие топора вонзилось сзади между вторым и четвертым позвонком. Рассекло третий позвонок по диагонали, раз-

резало основание черепа, пищевод и шейную аорту. Если бы лезвие вошло на несколько сантиметров глубже, голова и все отлетела бы от туловища. Что само по себе сделало бы этот случай еще более скандальным, но в конечном счете имело конечно же второстепенно значение.

По всем мыслимым критериям Эрнст Симмель умер еще до того, как его тело коснулось земли. Лицо с размаху ударилось о поверхность утоптанной гравийной дорожки, очки разбились, и возникли некоторые вторичные повреждения. Из горла хлынула кровь, лилась она и из спины, и, когда убийца осторожно оттаскивал тело в кусты, он все еще слышал негромкое бульканье. Он бесшумно переждал, сидя на корточках, пока мимо прошла компания подростков, затем обтер свое оружие о траву и двинулся обратно в сторону порта.

Двадцать минут спустя он сидел за кухонным столом с чашкой горячего чая, прислушиваясь к звукам наполняющейся ванной. Будь рядом его жена, она бы наверняка спросила, трудный ли выдался день, не устал ли он.

«Да нет, не особенно, — мог бы ответить он. — Просто иногда уходит масса времени. Но потом все получается как надо».

«Вот и хорошо, мой дорогой, — могла бы сказать она. Возможно, даже подойти и положить руку ему на плечо. — Вот и хорошо».

Он кивнул и поднес чашку к губам.

2

Пляж казался бесконечным.

Бесконечным и однообразным. Серое спокойное море под бледным небом. Полоса влажного твердого песка у кром-

ки воды, по которому он мог прогуливаться в нормальном темпе. Выше нее — сухой серовато-белый песок, простирающийся до того места, где начинался склон с прибрежными травами и издерганными ветром кустами. Где-то вдалеке, над солеными просторами, медленно парили ленивыми кругами птицы, наполняя воздух тоскливыми возгласами.

Ван Вейтерен взглянул на часы и остановился. Заколебался на секунду. Правда, в туманной дали уже виднелась башня церкви с'Грейвин, но его отделяло от нее приличное расстояние. Если он продолжит двигаться в том же направлении, пройдет не меньше часу, прежде чем присядет за столик в кафе на площади с бокалом пива.

Возможно, ради этого и стоило напрячься, но если уж он остановился, то убедить себя снова тронуться в путь не так-то просто. Часы показывали три. Он отправился на прогулку после обеда — или завтрака, это уж как посмотреть. Около часу дня — после очередной ночи, когда он рано улегся в постель, но сон пришел у нему лишь под утро. Трудно сказать, в чем крылась причина его непонятной тревоги, когда он вертелся с боку на бок на мягкой двуспальной кровати, пока рассвет все отчетливее просачивался в окна... трудно сказать.

Отпуск продолжался уже три недели — невероятно долго по его меркам, и с каждым днем — во всяком случае, в последнюю неделю — суточный ритм понемногу смещался. Через четыре дня ему придется снова войти в свой рабочий кабинет, и его не покидало чувство, что он войдет туда не самой бодрой походкой.

Несмотря на то что он, собственно, только и делал, что отдыхал. Лежал на пляже с книжкой. Сидел в кафе в с'Грейвине

или поближе, в Хелленсрауте. Прогуливался взад-вперед по этому бесконечному пляжу.

Первая неделя, проведенная здесь с Эрихом, оказалась ошибкой — они оба осознали это уже к концу первого дня, но изменить планы было не так-то просто. Отпуск Эриху предоставили лишь на тех условиях, что отец будет нести за него ответственность и обеспечит его постоянное пребывание на взморье. До освобождения оставалось еще десять месяцев, а последние выходные на воле оставляли желать лучшего.

Ван Вейтерен поглядел на море. Оно казалось непостижимо спокойным, как всю последнюю неделю. Словно ничто не могло поколебать его, даже ветер. Волны, угасавшие у берега, казалось, долгое время катились вперед без всякой жизни и надежды.

«Это не мое море», — подумал он.

В последние рабочие недели июля он предвкушал, как проведет эти дни с Эрихом. Но когда они пришли, он ждал, чтобы они поскорее закончились и его оставили в покое, а теперь, проведя двенадцать дней и ночей в полном одиночестве, он мечтал лишь о том, когда снова вернется на работу.

Или все гораздо сложнее? Возможно, это лишь упрощенное описание того, в чем на самом деле заключалась его печаль — наступает момент, когда мы уже стремимся не к чему-то, а от чего-то. Мечтаем закончить и уйти, а не взяться за что-то новое. Как поездка, удовольствие от которой все уменьшается по мере отдаления от отправной точки — и сменяется горечью, нарастающей по мере приближения к конечной цели..

«Прочь, — подумал он. — Закончить. Похоронить».

Наверное, об этом и говорят — «жизнь пошла под уклон». Всегда есть другое море.

Он вздохнул и снял свитер. Накинув его на плечи, двинулся в обратный путь. Теперь ветер дул в лицо, и он понял, что путь до дому окажется дольше, чем предполагалось. Впрочем, несколько часов под вечер у него останутся. Надо еще прибраться в доме, опорожнить холодильник, отключить телефон. Он решил уехать завтра утром. Нет никаких причин откладывать отъезд.

Ван Вейтерен пнул ногой пластиковую бутылку, одиноко валявшуюся на песке.

«Завтра уже осень», — подумалось ему.

Едва дойдя до ворот, Ван Вейтерен услышал телефонный звонок. Машинально замедлив шаг, он долго возился с ключами в надежде, что телефон смолкнет, прежде чем он войдет в дом. Напрасно. Звонки настойчиво разрезали сумерки и тишину. Он снял трубку:

— Слушаю.

— Ван Вейтерен?

— Смотря кто его спрашивает.

— Ха-ха. Это Хиллер. Как у тебя дела?

Он подавил желание бросить трубку:

— Спасибо, замечательно. Просто мне казалось, что мой отпуск заканчивается только в понедельник, не так ли?

— Вот именно! Мне даже подумалось — а вдруг тебе понадобится еще парочка дней?

Ван Вейтерен не ответил.

— Ты ведь остался бы на побережье, будь у тебя повод?

— ...

— Еще на недельку, а? Алло, ты меня слушаешь?

— Вы не могли бы перейти к делу, господин верховный комиссар? — буркнул Ван Вейтерен.

Хиллер сделал вид, что закашлялся, и Ван Вейтерен вздохнул.

— Ну... хм... это самое... тут возникло небольшое дельце в Кальбрингене... это в четырех-пяти милях от твоей дачи. Не знаю, знакомо ли тебе это место. Во всяком случае, нас попросили прислать подкрепление.

— А в чем дело?

— Убийство. И не одно, а целых два. Какой-то псих ходит и отрубает людям головы. Не то топором, не то еще чем. Кстати, сегодня об этом написано во всех газетах, но ты, наверное, не...

— Три недели не открывал газету, — ответил Ван Вейтерен.

— Последнее... то есть второе, произошло вчера — точнее, позавчера вечером. Ну, в общем, мы так или иначе должны послать туда подкрепление, а поскольку ты уже почти на месте...

— Да уж, спасибо.

— ...то пока этим делом займешься ты. На следующей неделе пришлю тебе Мюнстера или Рейнхарта. Конечно, если ты до того не раскроешь это дело.

— Кто полицмейстер? В смысле — в Кальбрингене?

Хиллер снова закашлялся.

— Некий Баусен. Не думаю, что ты его знаешь. Ему остался месяц до пенсии, и он не в восторге от того, что как раз сейчас ему на голову свалилось такое...

— Неудивительно, — проговорил Ван Вейтерен.

— Значит, ты поедешь завтра утром прямо к ним? — Хиллер начал подводить итог разговору. — Так что тебе не придется ездить туда и обратно. Кстати, купаться еще можно?

— С утра до вечера не вылезая из воды.

— Даже так? Ну хорошо. Тогда я позвоню им и скажу, что завтра во второй половине дня ты появишься. Договорились?

— Я хочу Мюнстера, — сказал Ван Вейтерен.

— Если получится, — ответил Хиллер.

Ван Вейтерен положил трубку. Некоторое время стоял, зло глядя на телефон, потом выдернул шнур из розетки. «Черт, я забыл купить продукты!» — вспомнил он вдруг.

Почему он подумал об этом сейчас? Ему вовсе не хотелось есть, так что это, должно быть, как-то связано с Хиллером. Он достал из холодильника банку пива. Вышел на террасу и опустился в шезлонг.

Убийца с топором?

Он открыл банку и перелил ее содержимое в высокий бокал. Попытался вспомнить, приходилось ли ему когда-либо иметь дело с таким необычным орудием убийства. В полиции он проработал более тридцати лет, но, сколько бы ни размышлял, сколько бы ни рылся в памяти, ни одного убийцы с топором припомнить не мог.

«Значит, пришла пора», — подумал он и поднес бокал к губам.

3

— Госпожа Симмель?

Полная женщина распахнула дверь:

— Прошу.

Беата Мёрк переступила через порог и попыталась напустить на себя сочувственный вид. Она протянула свой плащ госпоже Симмель, которая с основательностью пристроила его на плечики и повесила на вешалку в холле. Затем хозяйка показала рукой в глубь дома и сама пошла впереди, показывая дорогу, на ходу нервно одергивая узкое черное платье, явно купленное несколько лет назад. В большой комнате на журнальном столике дымчатого стекла между мощными кожаными диванами стоял поднос с кофе. Госпожа Симмель опустилась на один из диванов:

— Вы работаете в полиции?

Беата Мёрк уселась, положив рядом с собой портфель. Вопрос не был для нее неожиданностью. Скорее наоборот — она ожидала его услышать. Судя по всему, люди еще как-то воспринимали женщин-полицейских в форме. Иное дело — понять, что профессионализм выражается не в одежде. Что можно ходить в штатском и даже вполне стильно одеваться — и тем не менее с успехом выполнять свои служебные обязанности.

Говоря по правде, допрашивать женщин — самая трудная задача. Мужчины смущаются поначалу, но потом раскрываются. А вот женщины, не стесняясь, задают ей свои вопросы, но остаются сдержанными.

Впрочем, она убеждала себя, что с госпожой Симмель проблем, скорее всего, не возникнет. Та сидела на диване, тяжело дыша. Грузная и неуклюжая, с наивными, немного заплаканными глазами.

— Я инспектор полиции, мое имя Беата Мёрк. Сожалею, что вынуждена побеспокоить вас вскоре после того, как... Рядом с вами сейчас никого нет?

— Со мной сестра, — проговорила госпожа Симмель. — Она просто ненадолго вышла по делу.

Беата Мёрк кивнула и достала из портфеля блокнот. Госпожа Симмель налила кофе:

— Сахар?

— Нет, спасибо. Не могли бы вы рассказать о событиях вечера вторника?

— Я уже... я рассказывала об этом другому полицейскому.

— Да-да, комиссару Баусену. Будьте так любезны, повторите еще раз.

— Не понимаю, зачем... ведь ничего особенного не произошло.

— Вы сообщили, что ваш муж вышел из дому около восьми.

Госпожа Симмель всхлипнула, но взяла себя в руки:

— Да.

— С какой целью?

— У него была деловая встреча... кажется, в «Голубом фрегате».

— У него часто бывают там деловые встречи?

— Иногда. Он занимается... занимался недвижимостью.

— Однако в «Голубом фрегате» ваш муж сидел один.

— Значит, он не пришел.

— Кто?

— Этот его деловой партнер.

— Видимо, так и было. Однако ваш муж не отправился домой, когда этот человек не пришел.

— Нет... нет, думаю, он решил поужинать, раз уж очутился там.

— А дома вы не ели?

— Нет, мы не ужинали.

— Вам известно, кто это был?

— Простите?

— С кем у него была назначена встреча?

— Нет... нет, я никогда не вмешиваюсь в дела моего мужа.

— Понимаю.

Госпожа Симмель сделала жест рукой в сторону блюда с пирожными и сама взяла шоколадное печенье.

— В каком часу вы ожидали его возвращения?

— Около... Пожалуй, около полуночи.

— В каком часу вы сами легли спать?

— Зачем вам это знать?

— Простите меня, госпожа Симмель, но ваш муж убит. Мы вынуждены задавать самые разнообразные вопросы. Иначе никогда не задержим убийцу.

— Убийца наверняка все тот же.

— В смысле?

— Тот, который убил в июне этого Эггера.

Беата Мёрк кивнула:

— Многие говорят за это. Но может оказаться, что это другой человек, так сказать, вдохновившийся примером.

— Вдохновившийся?

— Да, который решил воспользоваться тем же методом.

Мы пока этого не знаем, госпожа Симмель.

Женщина слотнула и взяла еще одно печенье.

— У вашего мужа были враги?

Госпожа Симмель покачала головой.

— Много знакомых?

— Да.

— Множество деловых знакомых, с которыми вы не встречались?

— Да, огромное количество.

Беата сделала паузу и пригубила кофе. Кофе был слабый и имел неприятный горьковатый привкус. Если положить в него два куска сахара, как сделала хозяйка дома, то и вовсе трудно было бы определить, что ты пьешь.

— Я вынуждена задать ряд вопросов, которые могут показаться вам нескромными. Надеюсь, вы понимаете серьезность ситуации и постараетесь ответить максимально искренне.

Госпожа Симмель нервно звякнула чашкой о блюде.

— Опишите, пожалуйста, вашу совместную жизнь.

— Что?

— Какие отношения были у вас с мужем? Вы женаты тридцать лет, если я не ошибаюсь.

— Тридцать два года.

— Да-да, тридцать два. Ваши дети давно живут отдельно... вы по-прежнему близко общались?

— С детьми?

— Нет, с мужем?

— Да...да, пожалуй.

— Кто ваши ближайшие друзья?

— Друзья? Чета Бодельсен и чета Лейне... ну и Клинфорты, конечно. И еще родственники. Моя сестра и ее муж. Брат и сестра Эрнста... и, естественно, наши дети. Почему вы об этом спрашиваете?

— Вам известно, были ли у вашего мужа отношения с другой женщиной?

Госпожа Симмель перестала жевать и сделала вид, что не поняла вопроса:

— С другой женщиной?

— Или другими женщинами. Он изменял вам?

— Нет... — Она медленно покачала головой. — Нет, да и с кем он мог бы изменять? Кто захотел бы быть с ним?

Интересная точка зрения. Беата Мёрк поспешно отхлебнула большой глоток кофе, чтобы скрыть улыбку.

— Не обратили ли вы внимания на что-нибудь необычное в последнее время? Я имею в виду — необычное в поведении вашего мужа?

— Нет.

— Может быть, вы еще о чем-то задумывались?

— Нет. О чем, например?

— Не знаю, госпожа Симмель, но было бы очень хорошо, если бы вы подумали о событиях последних недель. Возможно, что-нибудь вспомните. Кстати, вы куда-нибудь уезжали этим летом?

— Только на две недели в июле. Ездили в отпуск, хотя... хотя в разные места. Я была с подругой на острове Кос. Эрнст ездил с приятелем.

— Тоже на Кос?

— Нет, не на Кос.

— А куда же?

— Точно не помню.

— Понятно... А в остальном вы проводили время дома?

— Да, за исключением нескольких случаев, когда мы уходили на «Ванессе». Это наша яхта. Мы иногда плаваем на ней и ночуем на борту.

Беата Мёрк кивнула:

— Понимаю. Что-нибудь тревожило вашего мужа в последнее время?

— Нет... нет, не думаю.

— Никаких новых знакомых?

— Нет.

— Он не рассказывал вам о чем-то необычном в его жизни?

— Нет.

Беата Мёрк вздохнула и отложила ручку. Откинулась на спинку дивана:

— Как у него шли дела?

— Хорошо, — с удивлением ответила госпожа Симмель. — Насколько я знаю, хорошо.

«Словно никакой другой альтернативы просто не существует», — подумала Беата и стряхнула с юбки крошки.

— А вы работаете, госпожа Симмель?

Собеседница заколебалась:

— Я иногда помогаю мужу в его офисе.

— А что вы там делаете?

— Да так, всего понемногу... помогала его обставить. Ну, потом цветы, уборка... и все такое.

— Понимаю. Его офис расположен на Гроте Плейн, не так ли?

Госпожа Симмель кивнула.

— Когда вы были там в последний раз?

— В последний раз? Кажется, в мае.

«Какой самоотверженный труд!» — подумала Беата Мёрк.

Они обошли дом, но в первую очередь потому, что так приказал Баусен. Госпожа Симмель шла впереди тяжелым

шагом, и Беата вдруг поймала себя на том, что почти жалеет хозяйку, ведь ей приходится следить за таким количеством комнат и такой огромной площадью. Хотя у нее наверняка есть уборщица.

Трудно сказать, была ли необходимость в этом визите, но при расследовании убийства дело всегда обстоит так. Нужно собрать информацию и данные самого разного рода — чем больше, тем лучше, — сохранить их и ждать своеобразного прорыва, когда самая второстепенная деталь может оказаться ключом к разгадке этого дела... случая... загадки... мистерии или как там еще назвать.

Беате Мёрк не доводилось участвовать в расследовании убийств в последние шесть лет — с тех пор, как она проходила практику в Гёрлихе, но тогда ей выпала роль мальчика на побегушках: надо было стучаться в двери соседей, передавать сообщения, часами просиживать в холодных машинах в ожидании того, что так и не происходило.

И вот они столкнулись с настоящим убийством. Она сама, Кропке и комиссар Баусен. Неудивительно, что у нее временно возникало странное чувство гордости. Конечно, из главного управления пришлют какую-нибудь шишку, но все же это в первую очередь их дело. И именно от них город ожидает, что они разберутся.

Засадят за решетку этого психопата с топором.

Стоило ей подумать о Кропке и Баусене, как она ощутила, какая огромная ответственность за исход этого дела лежит на ней лично.

— Подвал тоже хотите осмотреть?

Она кивнула, и госпожа Симмель, пыхтя, начала спускаться вниз по лестнице.

В июне, когда это произошло в первый раз, Беата была в отпуске. В домике в Татрах с Яносом, с которым потом порвала или, во всяком случае, сделала большой перерыв в отношениях. Тогда она пропустила первые дни, и, хотя никогда бы в этом не призналась, ее разбирала большая досада.

Хайнц Эггерс... Само собой, она прочла все материалы и включилась в работу. Проводила допросы, обсуждала версии, пыталась сложить кусочки мозаики в течение всего лета. Однако им не удалось продвинуться ни на шаг — в этом она вынуждена была признаться. После многих часов допросов и размышлений из всего этого им не удалось выудить ни малейшего подозрения. На сегодняшний день они с Кропке так много протрубили сверхурочно, что этих часов хватило бы еще на один месячный отпуск. Возможно, она и воспользуется этим отпуском, но сперва надо поймать Палача.

Да, именно так его называли в газетах: Палач.

И он нанес второй удар.

Погруженная в свои мысли, она следовала за госпожой Симмель. Шесть комнат и кухня, если она не сбилась со счета... на двоих. Теперь — на одного человека. Плюс бильярдная и сауна в подвале. Веранда и огромный сад, выходящий к лесу. Операции с недвижимостью? Баусен велел Кропке поближе познакомиться с делами фирмы Симмеля. Кстати, неплохая идея. Всегда что-нибудь может выплыть.

Но что общего может быть у Хайнца Эггерса и Эрнста Симмеля?

Этот вопрос мучил ее с того момента, как было обнаружено тело Симмеля, однако пока она не могла представить ни одной версии или даже догадки...

Или связи вообще нет?

Просто человек выходит на улицу и убивает первого, кто попадется ему на глаза?

Без всяких на то причин, с интервалом в месяц. Когда у него возникает внутренний порыв. Неужели они и вправду имеют дело с сумасшедшим, как подозревают некоторые? С буйнопомешанным?

Она заметила, что по коже пробежал холодок и волосы на руках встали дыбом.

«Возьми себя в руки, Беата!» — строго сказала она себе.

С Гретой Симмель она попрощалась на выложенном каменными плитами въезде в гараж. Прошла наискосок по ухоженному газону и перешагнула через низенькую живую изгородь из растений, напоминающих жакаранду. Усевшись в машину, заколебалась, не позволить ли себе сигаретку, но подавила желание. Вот уже четыре недели, как она бросила курить, и требуется нечто посерьезнее, чем один-единственный убийца с топором, чтобы сбить ее с избранного курса.

Госпожа Симмель стояла неподвижно, глядя ей вслед, — унылая черная фигура, неожиданно ставшая обладательницей виллы стоимостью в миллион, яхты и фирмы по продаже недвижимости.

И бог знает чего еще.

Визит, по крайней мере, кое-что прояснил.

В том, что не Грета Симмель подкараулила в лесу свою жертву, Беата Мёрк была теперь убеждена на сто процентов.

Почти с такой же уверенностью она могла бы сказать, что жена не наняла киллера для совершения преступления и вообще не замешана в убийстве. Весомых аргументов, подтверждающих данные выводы, конечно же не имелось, но зачем отрицать то, что подсказывают здравый смысл и интуи-

ция, особенно если природа так щедро наделила тебя и тем и другим.

Беата Мёрк бросила взгляд на часы и решила, что как раз успеет заехать домой и принять душ, прежде чем отправиться на встречу с залетной шишкой из управления.

4

Ван Вейтерен припарковал машину перед бурно разросшимся садом. Еще раз проверил, совпадает ли номер дома на облупившемся почтовом ящике с записью на бумажке, лежащей в нагрудном кармане.

Похоже, это здесь. Сомнений быть не может.

— Ты легко меня найдешь, — пообещал ему по телефону полицмейстер Баусен. — Во всем городе нет ничего подобного!

Эти слова никак нельзя было назвать преувеличением. Выбравшись из машины, Ван Вейтерен попытался заглянуть в сад через разросшуюся живую изгородь. Но там царил мрак. Тяжелые ветки необрезанных фруктовых деревьев смыкались на уровне груди с травами — метровыми сорняками, буйно разросшимися розовыми кустами и прочими колючими растениями непонятного происхождения, образуя почти непроходимые джунгли. С тротуара никаких признаков человеческого жилья рассмотреть не удалось, но протоптанная дорожка указывала на то, что где-то в глубине мог находиться дом. «Здесь мне очень пригодилось бы мачете, — подумал он. — Хозяин этого дома явно не в себе».

Открыв ворота, Ван Вейтерен наклонился и вошел. Когда он углубился в заросли на десяток метров, впереди замаячил

угол дома, и навстречу ему вышел коренастый мужчина. Лицо у мужчины было грубоватое, изборожденное морщинами и загорелое — лето выдалось жарким. Волосы поредевшие и почти совсем белые — казалось, он уже давно на пенсии. Ближе к семидесяти, чем к шестидесяти, если определить возраст навскидку. Но, судя по всему, в теле еще остались немалые силы. Одежда подтверждала, что он находится у себя дома: тапочки, потрепанные вельветовые штаны и клетчатая рубашка с закатанными рукавами.

— Комиссар Ван Вейтерен, если не ошибаюсь?

Он протянул мощную ладонь. Ван Вейтерен пожал ее и кивнул.

— Прощу прощения, что сад в таком состоянии. Год назад я начал выращивать розы и все такое, но потом мне это надоело... просто невероятно, как быстро они размножаются! Теперь даже не представляю, как избавиться от всего этого буйства.

Он развел руками и виновато улыбнулся.

— Да ничего страшного, — ответил Ван Вейтерен.

— В любом случае — добро пожаловать! Пойдем вот сюда, позади дома у меня найдется парочка уютных кресел. Ты ведь пьешь пиво?

— В огромных количествах, — ответил Ван Вейтерен.

Полицейстер Баусен внимательно оглядел его поверх своего бокала, затем приподнял одну бровь.

— Ты уж извини, — пояснил он. — Я просто обязан был лично выяснить, какого типа нам прислали. В смысле — до того, как мы встретимся со всеми остальными. За твое здоровье!

— За знакомство! — откликнулся Ван Вейтерен.

Он откинулся в плетеном кресле и одним глотком выпил половину бутылки. Ему пришлось ехать по солнечной стороне не более часу, однако он чувствовал, как рубашка прилипла к спине.

— Кажется, жара еще продержится.

Полицейстер наклонился вперед, пытаясь отыскать за кронами деревьев хоть клочок неба.

— Да, — ответил Ван Вейтерен. — Отличное у тебя тут местечко.

— Неплохое, — кивнул Баусен. — Когда заберешься в джунгли, тебя обычно хоть ненадолго оставляют в покое.

В его словах таилась немалая доля истины. Вне всяких сомнений, это гнездышко тщательно укрыто от посторонних глаз. Грязно-желтые маркизы на окнах, разросшиеся молодые кусты и розы, карабкающиеся по деревянной решетке, густая высокая трава, тяжелый запах последних дней лета, жужжание пчел... И самый центр мироздания — восемь — десять квадратных метров, каменные плиты, веревочный коврик на полу, два вида кресла из ротанга, стол с книгами и газетами, трубка и табак. У стены дома стояла покосившаяся книжная полка, заполненная банками с краской, кисточками, цветочными горшками и прочей дребдедню... Из-за составленных друг на друга ящиков с пустыми бутылками выглядывала шахматная доска... Определенно, в этом месте аккумуляровалась какая-то мудрость.

Ван Вейтерен достал зубочистку и вставил ее между зубами.

— Бутерброд? — спросил Баусен.

— Если будет чем сполоснуть, а то у меня уже все кончилось.

Он поставил на стол пустую пивную бутылку.

Баусен выколотил трубку и поднялся:

— Пойду посмотрю, что можно сделать для исправления ситуации.

Он исчез в доме, Ван Вейтерен слышал, как он возится в кухне, напевая под нос нечто, напоминающее басовую партию из «Искателей жемчуга»¹.

«Да-да, — подумал он и сцепил пальцы на затылке. — Все могло начаться и похуже. Похоже, мозги у старика все же на месте!»

И тут его потрясло осознание того, что разница в возрасте между ними всего-то лет восемь — десять.

Он вежливо отклонил предложение Баусена пожить у него — правда, после некоторых колебаний и с расчетом на то, что решение еще можно будет пересмотреть в будущем. Во всяком случае, он надеялся, что комиссар примет его к себе, если что... то есть если это дело затянется.

Пока он снял номер в отеле «Сее Варф». Четвертый этаж с балконом на солнечной стороне. Вид на гавань, пирсы и бухту, а за ними — открытое море. Неплохое местечко, это ему пришлось признать.

Баусен ткнул пальцем в сторону моря:

— Прямо перед тобой вдали виднеется маяк «Ланге Пирс»... но это только ранним утром и в ясную погоду. В прошлом году таких дней было четыре. А вон там, на скале, расположен «Фишерманс Френд», ресторан для гурманов. Думаю, мы сможем выбраться туда поужинать, если дело застопорится.

¹ Опера Жоржа Бизе. — *Здесь и далее примечания переводчица.*

Ван Вейтерен кивнул:

— Ну что, пора немного поработать?

Баусен пожал плечами:

— Если господин комиссар настаивает, то конечно. — Бросив взгляд на часы, он воскликнул: — Ах, черт! Они ждут нас уже полчаса!

Полицейский участок Кальбрингена помещался в двухэтажном угловом здании на Главной площади. Стойка администратора, раздевалка, столовая и две-три камеры на первом этаже. Небольшой зал заседаний и четыре кабинета на втором. В силу своего положения Баусен занимал самый большой кабинет с письменным столом и полками темного дуба, потрепанным кожаным диваном и видом на площадь. У Мёрк и Кропке были кабинеты поменьше, окнами во двор, а в четвертом сидели ассистенты полиции Банг и Мосер.

— Разрешите представить вам комиссара Ван Вейтерена, который приехал, чтобы раскрыть это дело, — произнес Баусен.

Мёрк и Кропке поднялись.

— Все нити держит в руках Баусен, — сказал Ван Вейтерен. — Я прислан сюда как дополнительная рабочая сила, если таковая понадобится.

— Понадобится, вне всяких сомнений, — ответил Баусен. — Дело в том, что здесь присутствует весь личный состав. Плюс ассистенты, но я на вашем месте не стал бы особенно на них рассчитывать.

— Инспектор Кропке, — представился Кропке и вытянулся по стойке «смирно».

«Идиот», — подумала Беата Мёрк и поздоровалась.

— Инспектор Мёрк щедро наделена как очарованием, так и интуицией, — продолжил Баусен. — Не стоит ее недооценивать, господин комиссар.

— Да мне бы такое и в голову не пришло, — проговорил Ван Вейтерен.

— Ну что ж, начнем? — спросил Баусен и закатал рукава. — У нас есть кофе?

Беата Мёрк кивнула на поднос, стоявший на столике в углу.

Кропке провел рукой по своим светлым, коротко подстриженным волосам, в то время как его вторая рука стала нащупывать пуговицу под узлом галстука. Судя по всему, доклад предстояло делать ему.

«Видать, это первый претендент, — подумал Ван Вейтерен. — Наверное, Баусен потихоньку натаскивает его... Похоже, не помешает, если уж быть до конца честным».

5

— Предлагаю начать с Этгера, — начал Кропке и включил проектор. — Чтобы ввести в курс дела господина комиссара и обобщить ситуацию на сегодняшний день для нас самих. Я подготовил несколько слайдов, чтобы облегчить...

Он бросил взгляд на Баусена и тут же перевел его на Ван Вейтерена, ища одобрения.

— Отлично, — сказала Беата Мёрк.

Кропке откашлялся.

— Ранним утром двадцать восьмого июня некий Хайнц Этгерс был обнаружен мертвым во дворе за железнодорожной станцией. Его убили ударом топора по затылку... острие

рассекло позвонки, сонную артерию и все такое. Его обнаружил почтальон около шести утра, и к этому моменту он был мертв уже четыре-пять часов.

— Что за тип, этот Эггерс? — прервал его Ван Вейтерен.

На экране появился слайд, и Ван Вейтерен смог прочесть, что пострадавшему было тридцать четыре года от роду, когда он так неожиданно закончил свои дни. Родился и проживал в Сельстадте, в паре миль от побережья, но с начала апреля переехал в Кальбринген. У него не было постоянной работы ни в Сельстадте, ни в Кальбрингене, однако имелось обширное преступное прошлое: наркоторговля, нанесение тяжких телесных повреждений, кражи со взломом, сутенерство, мошенничество... В общей сложности он провел в тюрьмах около десяти лет, впервые попав за решетку в шестнадцатилетнем возрасте. Местным властям не было известно о том, что этот тип объявился в Кальбрингене. Эггерс проживал в двухкомнатной квартире на Андрейстрат, принадлежавшей его хорошему другу, который отбывал наказание за изнасилование и угрозы. У него были планы осесть в Кальбрингене, найти работу, зажечь нормальной жизнью, что, судя по всему, не очень-то получилось...

— Откуда данные? — спросил Ван Вейтерен.

— Из разных источников, — ответила Беата Мёрк. — В основном от его девушки.

— Девушки?

— Да, она так себя назвала, — кивнул Баусен. — Она жила с ним в его квартире. Но его убила не она, хотя не похоже, чтобы она уж очень сильно оплакивала его.

— Его никто особо не оплакивал, — добавила Мёрк.

— У девушки, во всяком случае, алиби, — пояснил Баусен. — Стопроцентное.

— Как вы работали? — спросил Ван Вейтерен и повернул зубочистку другим концом.

Кропке вопросительно глянул на Баусена и получил в ответ одобрительный кивок.

— Мы опросили около пятидесяти человек. Большинство из них — люди того же сорта, что и сам Эггерс. Его друзья-приятели — воришки, наркоманы и прочий сброд. Он еще не успел обзавестись большим кругом знакомств, так как провел в городе всего несколько месяцев. Дюжина, не больше, и все имена нам достаточно хорошо известны. Публика, в общем-то, обычная — те, кто сидит в парках, распивает пиво. Собираются дома друг у друга, чтобы уколоться, и продают своих женщин на портовом бульваре и Рыночной площади. Ну, еще мы допросили случайных людей по анонимным заявлениям...

Ван Вейтерен кивнул.

— Сколько человек проживает в городе?

— Примерно сорок пять тысяч, — ответила Беата Мёрк. — Летом добавляется еще пара тысяч.

— Как у вас обстоят дела с преступностью?

— Плохо, — проговорил Баусен. — То и дело вызовы по поводу бытовых ссор, летом — четыре-пять угнанных яхт. Парочка драк и немного наркотиков. Тебя ведь, наверное, не интересуют экономические преступления?

— Нет, — ответил Ван Вейтерен. — Во всяком случае, пока. Ну что ж, какие у вас версии по поводу этого самого Эггерса? Пожалуй, сегодня нет необходимости излагать мне все

в деталях. Я лучше прочту рапорты и задам вопросы, если они у меня возникнут.

Беата Мёрк решила взять слово.

— Версий никаких, — сказала она. — Пока ни черта ни ясно. Уже начали склоняться к тому — до того как появился Симмель, — что это какие-то внутренние разборки. Один наркоман, который по каким-то причинам убивает другого. То ли слишком обкурился, то ли Эггерс задолжал ему деньги, то ли что-нибудь в этом духе...

— Того, кто задолжал, не убивают, — возразил Кропке. — Ведь тогда денег точно не получишь...

— Напротив, инспектор, — вздохнула Мёрк.

Кропке на мгновение наморщил лоб.

«Вот именно», — подумал Ван Вейтерен.

— Кофе? — задал риторический вопрос Баусен и стал пересылать по кругу чашки.

— Если предположение инспектора Мёрк соответствует действительности, — проговорил Ван Вейтерен, — то злоумышленник, скорее всего, уже побывал у вас на допросе. Если вы перешерстили всю местную шпану, так сказать.

— Вероятно, — кивнул Баусен. — Но теперь добавился Симмель. Мне кажется, это в корне меняет дело.

— Еще бы, — вставила Мёрк.

Кропке показал новый слайд. Судя по всему, это было место, где обнаружили тело Эггерса... между мусорными баками на заднем дворе здания, предназначенного под снос.

— Его убили там же? — спросил Ван Вейтерен.

— В принципе, да, — ответил Кропке. — Тело переместили на несколько метров.

— А что он там делал?

— Бог знает, — пожал плечами Баусен. — Скорее всего, покупал или продавал наркотики.

— В какое время это произошло?

— В час-два... ночи, стало быть.

— Сам он был под кайфом?

— Не особенно.

— Зачем во дворе сносимого дома стоят мусорные баки?

Баусен задумался.

— Не знаю... если честно, понятия не имею.

Ван Вейтерен кивнул. Кропке разлил кофе, а Беата Мёрк открыла коробку, доверху наполненную булочками.

— Восхитительно! — сказал Ван Вейтерен.

— Из кондитерской Сильвии, — пояснил Баусен. — Очень рекомендую посетить это место. Тебе гарантирована скидка двадцать процентов, если скажешь, что ты полицейский... здесь, за углом.

Ван Вейтерен сломал зубочистку и запустил зубы в булочку.

— Увы, что касается Эггерса, мы оказались в полном застое, так сказать.

— А как обстоят дела с орудием? — спросил Ван Вейтерен, жуя. — Что говорит врач?

— Минуточку.

Кропке поставил еще один слайд — схему того, как лезвие топора или иного орудия, войдя в затылок, прошло через позвонки жертвы, рассекло сонную артерию, пищевод... ну и так далее.

— Мощный удар? — спросил Ван Вейтерен.

— Не обязательно, — проговорила Беата Мёрк. — Все зависит от качества лезвия, а оно было, по всей видимости, очень хорошо наточенное... и тонкое.

— В этом случае приложения большой физической силы не требуется, — вставил Кропке.

— Кроме того, — продолжила Беата, — мы видим, что удар нанесен под углом, но это тоже ничего не значит. Преступник мог быть низеньким или, наоборот, высоким. Все зависит от того, как он держал орудие... и какое оно, разумеется.

— Достаточно вспомнить, сколько существует способов ударить по теннисному мячу, — пояснил Кропке.

Ван Вейтерен взял еще одну булочку.

— Вероятнее всего, убийца орудовал топором? — спросил он.

— Чем-то в этом роде, — кивнул Баусен. — Предлагаю перейти к Симмелю. Инспектор Мёрк?

Беата откашлялась и перелистала свой блокнот.

— Ну, здесь мы пока мало продвинулись... его нашли позавчера утром, около восьми. Тело обнаружил в городском парке человек, совершавший утреннюю пробежку. Сначала он увидел на дорожке кровь, а остановившись, заметил чуть в стороне труп. Похоже, убийца не особенно заботился о том, чтобы спрятать тело. Он... бегун, я имею в виду, немедленно позвонил в полицию, мы с комиссаром выехали на место и констатировали, что... в общем, почерк похожий.

— Удар топором сзади, — сказал Баусен. — Еще чуть-чуть — и голова отделилась бы от тела. Зрелище чудовищное.

— Орудие то же самое? — спросил Ван Вейтерен.

— С вероятностью на девяносто процентов, — ответил Кропке.

— Хорошо бы на сто.

— Судя по всему, — сказал Баусен, — это не обычный топор. Лезвие длинное и узкое. Ширина составляет сантиметров пятнадцать — двадцать. Это по словам судмедэксперта... кстати, у Симмеля была бычья шея.

— Может быть, мачете? — предположил Ван Вейтерен.

— У меня возникала такая мысль, — сказал Баусен, — но у мачете загнутое острие, а в данном случае ровное.

— Хорошо, — проговорил Ван Вейтерен. — Возможно, это сейчас не самое главное. Существует ли какая-нибудь связь между Эггерсом и Симмелем?

В комнате повисла тишина.

— Хороший вопрос, — пробормотал Баусен.

— Пока мы не обнаружили никакой связи, — сказал Крокке. — Хотя мы, само собой, ищем ее...

— Оба проходимцы, — добавил Баусен. — Хотя из разных родов войск, так сказать. Подозреваю, что в делах Симмеля тоже не все чисто, но это вопрос скорее для налоговой службы. Он не был замешан в преступной деятельности. Я имею в виду — в стиле Эггерса.

— Во всяком случае, ни разу не попался, — уточнила Мёрк.

— А наркотики? — спросил Ван Вейтерен. — Они нередко сводят людей из разных социальных слоев.

— На это ничто не указывает, — вздохнул Крокке.

«Неплохо было бы найти разгадку до того, как произойдет смена поколений», — подумал Ван Вейтерен.

— Что он делал в парке?

— Шел домой, — ответила Беата Мёрк.

— Откуда?

— Из ресторана «Голубой фрегат». Там он просидел примерно с половины девятого до одиннадцати... есть несколько

свидетелей. Судя по всему, после этого решил прогуляться по городу. Последними его видели две женщины у Рыночной площади... примерно в двадцать минут двенадцатого, плюс-минус пара минут.

— Что сказано в заключении судмедэксперта о моменте наступления смерти?

— Окончательный отчет будет готов завтра, — сказал Баусен. — На сегодняшний день — в интервале от половины одиннадцатого до часу ночи.

Ван Вейтерен откинулся на стуле и устремил взгляд в потолок.

— Тогда есть два варианта... — сказал он и сделал паузу.

— Вот именно, — подхватила Беата Мёрк. — Либо убийца затаился у дорожки, готовый напасть на любого прохожего, либо следил за Симмелем от самого ресторана.

— Может, он столкнулся с ним по дороге, — сказал Кропке. — Случайно.

— И у него случайно оказался при себе топор? — спросила Беата Мёрк.

«Отлично, — подумал Ван Вейтерен. — Интересно, не задумывался ли Баусен о том, чтобы передать свой пост женщине? Хотя это, конечно, решает не он».

6

В холле полицейского участка их поджидали четверо журналистов, но Баусен привычным жестом разогнал стервятников.

— Пресс-конференция завтра в одиннадцать. До того — ни слова!

Ван Вейтерен вежливо отказался от ужина и от предложения подвезти его до отеля:

— Мне нужно прогуляться. Кроме того, собирался купить газеты.

Баусен кивнул:

— Вот мой номер телефона, если передумаешь. Я весь вечер дома.

Он протянул свою визитку, и Ван Вейтерен спрятал ее в нагрудный карман. Полицейстер залез в слегка потрепанную «тойоту» и уехал. Ван Вейтерен посмотрел ему вслед.

«Замечательный дядька, — подумал он. — Интересно, в шахматы он тоже играет?»

Часы показывали половину шестого. Поработать пару часов в номере, потом поужинать... неплохая программа, чтобы убить время. Единственное качество, которое ему удалось развить в себе с годами, — это умение убивать время.

Ну, и некоторую склонность находить злоумышленников, конечно.

Взяв в руку портфель, он двинулся в сторону порта.

Четырнадцать кассет и три пухлые папки.

Таков был объем материалов по делу Эггерса. Вывалив все это на кровать, он с минуту поколебался. Потом позвонил администратору и заказал в номер бутылку пива. Взяв папки под мышку, вышел на балкон и уселся в кресло.

Несколько минут ушло на то, чтобы подрегулировать зонтик, защищавший от лучей вечернего солнца. Окончив возню и получив свое пиво, он просидел на балконе

до тех пор, пока не прочел все документы до последнего слова.

Вывод, который он сделал, звучал довольно просто, и его лучше всего выражала формулировка инспектора Мёрк: ни черта ни ясно.

Его совершенно не прельщала перспектива прослушивать записи допросов. В нормальной ситуации, будь он на рабочем месте, конечно же предпочел бы распечатку. Однако выбирать не приходилось — придется надевать наушники. Решив отложить это дело до ночи или даже до завтрашнего утра, он взялся за следующее убийство и прежде всего раскрыл газеты. Ему удалось раздобыть целых четыре штуки — две общенациональные и две местные, вчерашний выпуск и сегодняшний.

Национальные газеты набрали заголовки достаточно крупным шрифтом, однако текст не отличался многословностью. Видимо, репортеров на место еще не выслали. Они наверняка появятся к пресс-конференции. Высказывания руководителя следствия комиссара Баусена ограничивались тем, что полиция прорабатывает несколько версий.

«Да-да, как же», — подумал Ван Вейтерен.

Местная газетенка именовалась «де Журнаал» и почти вся была посвящена убийству. Портрет Баусена, фотографии места, где обнаружили труп, портрет убитого — до того, как его убили. И фотография Этгерса. Заголовок гласил: «Палач наносит очередной удар. Город охвачен страхом». Далее в тексте статей ставились вопросы: кто станет следующей жертвой? достаточно ли компетентно руководство следствия?

Пробежав глазами статьи, он прочел некролог на Эрнста Симмеля. Достойный сын своего города, добропорядочный гражданин, судя по всему — член «Ротари клуба», член правления футбольного совета, заместитель председателя банковской комиссии. Ранее, до отъезда в Испанию, занимал целый ряд ответственных постов. Недавно вернулся в родной город — и вот зверски убит.

«De mortuis... — подумал Ван Вейтерен и швырнул газету на пол. — Какого черта я тут болтаюсь?»

Скинув рубашку, он пошел в ванную. Как там назывался этот ресторанчик? «Голубой фрегат?»

Предположение, что корреспонденты национальных газет вот-вот появятся, оправдалось. Когда он проходил по фойе отеля, к нему подскочили двое мужчин среднего возраста; злоупотребление никотином оставило заметный след на их лицах. Ван Вейтерен со вздохом замедлил шаг.

— Комиссар Ван Вейтерен? Крэйкшанк, газета «Телеграф».

— Мюллер из «Альгемайне», — вставил второй. — Мы, кажется, встретались.

— Моя фамилия Рёллинг, — ответил Ван Вейтерен. — Я занимаюсь продажей напольных часов. Это какое-то недоразумение.

— Ха-ха, — произнес Мюллер.

— Когда можно будет с вами побеседовать? — спросил Крэйкшанк.

— Пресс-конференция состоится в полицейском участке завтра в одиннадцать, — ответил Ван Вейтерен и открыл входную дверь.

— Кто ведет расследование — вы или Баусен? — спросил Мюллер.

— Какое расследование? — переспросил Ван Вейтерен.

Внутренне убранство «Голубого фрегата», вопреки ожиданиям, было выдержано в красных тонах. Бар был заполнен разве что наполовину, и в ресторане хватало свободных мест. Ван Вейтерен уселся за столик в глубине зала, в стороне от остальных, однако не успел он приступить к горячему, как перед ним возник сухощавый господин с блестящими глазами и нервной улыбкой.

— Прошу прощения, Шальке из «де Журнаал», — представился он. — А вы тот самый комиссар?

Ван Вейтерен не ответил.

— Я был последним, кто разговаривал с ним... Баусен и Кропке, конечно, допросили меня, но если вы желаете со мной побеседовать, я к вашим услугам.

Шальке бросил вопросительный взгляд на пустой стул.

— Давайте встретимся в баре минут через двадцать, — предложил комиссар.

Шальке кивнул и удалился. Ван Вейтерен вяло принялся за блюдо, обозначенное в меню под загадочным названием: «Гордость шеф-повара с грибами и моцареллой». Доев и расплатившись, он так и не понял, что именно съел.

— Он сидел как раз на том месте, где сейчас сидите вы, господин комиссар, — произнес Шальке. — Живой и в добром здравии. Ясно как день: он понятия не имел, что его собираются убить... был совершенно таким же, как всегда.

- Каким? — спросил Ван Вейтерен и всосал пивную пену.
- Каким? Ну... с отсутствующим видом, немного высокомерный, если уж говорить честно. С ним трудно было разговаривать... он всегда так держался... словно думал о чем-то своем.
- «Ничего удивительного», — подумал Ван Вейтерен.
- Пытался флиртовать с одной из девушек, сидевших вон там... — Он указал пальцем направление.
- Флиртовать?
- Ну, флиртовать — это, пожалуй, слишком сильно сказано... во всяком случае, посматривал на нее.
- Ван Вейтерен приподнял бровь:
- Вы хотите сказать, что Эрнст Симмель имел обыкновенные волочиться за женщинами?
- Шальке заколебался, но лишь на секунду:
- Нет, не волочиться, этого я не могу сказать. Впрочем, я не особенно хорошо его знал, к тому же он несколько лет прожил за границей. Иногда у него случались интрижки, но ничего серьезного.
- Тогда, видимо, его брак — тоже ничего особенно серьезного, — сказал Ван Вейтерен.
- Нет. То есть... ну да... конечно, можно и так сказать.
- А ушел он отсюда около одиннадцати?
- В две минуты двенадцатого.
- В какую сторону он направился?
- Туда... — Шальке снова указал пальцем. — В сторону площади и порта.
- Разве его дом не в другой стороне?
- На самом деле можно пройти и так и этак... через порт дорога получается чуть длиннее.

— Вы не заметили никого, кто пошел бы следом за ним?

— Нет.

— Как вы думаете, почему он выбрал этот путь?

— Не знаю. Возможно, женщины.

— Проститутки?

— Да. У нас есть несколько... Они обычно стоят там по вечерам.

— Вы не обратили внимания, еще кто-нибудь вышел из бара вслед за Симмелем?

— Нет. Я размышлял над этим, но мне показалось, что такого не было.

Ван Вейтерен вздохнул:

— Какие вопросы задали бы вы, будь на моем месте?

Шальке задумался.

— Черт его знает. Понятия не имею.

— У вас нет собственного объяснения случившемуся?

Шальке снова задумался. Видно было, что ему хотелось представить какую-нибудь оригинальную версию, но через некоторое время он сдался.

— Нет, честно говоря, у меня нет никаких версий, — проговорил он. — Наверное, какой-то маньяк. Сбежавший из психушки.

«Психушка? — подумал Ван Вейтерен. — Отличная формулировка из уст работника словесного фронта».

— Баусен исследовал этот вопрос, — ответил он. — Единственный человек, сбежавший из закрытого учреждения, — пожилая дама в возрасте девяноста лет. В инвалидном кресле и с синдромом Альцгеймера.

— Похоже, это не она, — хмыкнул Шальке.

Ван Вейтерен допил пиво и решил пойти домой. Он слез с высокого барного стула и поблагодарил собеседника за помощь.

— Кстати, здесь всегда бывает так пусто? — спросил он.

— Да нет, черт побери! — воскликнул Шальке. — Тут по вечерам обычно яблоку негде упасть. Тем более сегодня пятница, сами понимаете. Люди просто боятся. Не решаются носу из дома высунуть.

«Боятся? — подумал Ван Вейтерен, уже стоя на тротуаре. — Ну да, естественно, они боятся».

Город объят страхом?

Дорога от «Голубого фрегата» до отеля в порту заняла меньше десяти минут. Время от времени попадались машины. Но пешеходов он встретил всего-то дюжину, и все шли группками. В немногочисленных работающих кафе и барах бо́льшая часть мест пустовала. В кинотеатре «Палладиум» шел поздний сеанс, но у Ван Вейтерена возникло ощущение, что и там зал не заполнен. Кальбринген и так мало чем мог похвастаться по части ночной жизни, но теперь оцепенение чувствовалось совершенно отчетливо.

Убийца... Палач... Маньяк с топором никого не оставил равнодушным.

Чего уж тут удивляться! Постояв минутку у отеля, Ван Вейтерен размышлял, не предпринять ли ему прогулку в городской парк, чтобы осмотреть место происшествия, однако в конце концов решил повременить. Осмотр при дневном свете наверняка даст куда больше.

Само собой, завтра ему предстоит масса других дел. Но, когда он залез под гостиничное одеяло и включил маг-

нитофон, в голове у него зазвенели слова инспектора Мёрк:

«Ни черта не ясно!»

«Кстати, очень красивая женщина, — подумал он. — Вот когда пожалеешь, что нельзя сбросить годков эдак двадцать пять».

Уже после полутора допросов он спал как убитый.

7

Во сне его снова преследовали картины прошлого. Одни и те же. Все то же отчаянное чувство собственной беспомощности, тот же раскаленный до белого каления гнев — Битте с исколотыми руками, забившаяся в уголок дивана, ее глаза — как два черных пустых колодца. Тощий сутенер с иссиня-черными волосами, свисающими сосульками... он насмешливо улыбался ему... И еще одна картина — ее лицо над плечом обнаженного мужчины. Потная волосатая спина, тяжелые ягодицы, совершающие мощные толчки, прижимая ее к стене. Широко расставленные ноги Битте, ее глаза, в которых отражался его взгляд, — глаза, видящие то, что видит он... всего лишь секунду, прежде чем он повернулся и вышел.

Все те же воспоминания... и сквозь них как красная нить — образ хохочущей десятилетней девочки с пшеничными косичками, которая бежит ему навстречу по песку пляжа с раскинутыми руками и сияющими глазами. Битте...

Он проснулся, как всегда, в холодном поту. Прошло несколько секунд, прежде чем он все вспомнил и вновь почувствовал свое превосходство... Оружие... пьянящее чувство счастья, когда топот свистит, рассекая воздух, и тихий звук,

когда он входит в тело. Безжизненные тела, пузырящаяся кровь...

Кровь.

Если бы она могла смыть картины его снов. Затуманить их, сделать неузнаваемыми, уничтожить. Свести все счеты к полному нулю... И все же речь не о его мучениях. И не об образах, а о той реальности, которая стоит за ними. Короче, речь о том, что произошло на самом деле.

Это ее месть, не его. Девочки, бежавшей по пляжу и вдруг остановленной на бегу, в самой начале жизни. Только ее все это касается и никого более. Ее, и только ее.

Он пошарил в темноте, ища сигареты. Зажигать свет не хотелось. Темнота была кстати — ему не хотелось ничего видеть...

В конце концов спичку зажечь удалось. Он сделал несколько глубоких затяжек. Снова подступило ощущение тепла, распространяющегося по телу, поднимающегося к голове и вызывающего невольную улыбку. Он снова подумал о своем оружии. Увидел его перед собой в темноте — в неожиданном радостном возбуждении, как Макбет, и подумал о том, сколько нужно выждать, прежде чем снова дать ему заговорить...

8

При ясном утреннем свете, под дуновением свежего ветра с моря Кальбринген, казалось, позабыл о том, что он — город, объятый страхом. За поздним завтраком у себя на балконе Ван Вейтерен рассматривал толпы людей на Рыночной площади. Судя по всему, на прилавках под разноцветными шатрами были разложены не только деликатесы со

дна моря — скорее там продавалось все на свете. Суббота — базарный день, солнце светило в небе, и жизнь продолжалась.

Часы на башне маленькой белой церкви пробили десять, и он осознал, что проспал почти одиннадцать часов.

Одиннадцать часов? Стало быть, для того, чтобы восстановился нормальный ночной сон, ему всего-то нужно убийство — и погоня за убийцей.

Разбив яйцо, он продолжал размышлять над этим... Мысль показалась ему абсурдной. И что за странное чувство охватило его этим тихим утром? Ван Вейтерен заметил это чувство, еще стоя в душе. Он попытался стряхнуть его с себя, но сейчас на открытом воздухе, пропитанном солями моря, оно накатило с новой силой. Душа окуналась во что-то мягкое, как в вату, ее окутывала легкость, и в ушах звучал соблазнительный шепот.

Что ему не надо напрягаться...

Что решение просто упадет ему с неба...

Придет, как результат совпадения многих случайностей. Как дар свыше... при помощи бога из машины!

«Да, встать на колени и помолиться о такой благодати, — подумал Ван Вейтерен. — Черта с два я в это поверю!»

Однако приятная мысль не покидала его.

Крэйкшанк и Мюллер сидели в фойе отеля, поджидая его. К ним добавился фотограф, бородатый молодой человек, бесцеремонно пальнувший вспышкой прямо ему в лицо, едва он вышел из лифта.

— Доброе утро, комиссар, — поздоровался Мюллер.

— Похоже на то, — ответил Ван Вейтерен.

— Мы могли бы мы побеседовать с вами после пресс-конференции? — спросил Крэйкшанк.

— Если вы обязуетесь писать то, что я скажу. Одно лишнее слово — и вы будете удалены на два года!

— Разумеется, — улыбнулся Мюллер. — Правила игры те же.

— Я буду находиться у Сильвии с двенадцати до половины первого, — сказал Ван Вейтерен и положил ключ в протянутую руку портье.

— У Сильвии? А кто... а что это такое? — спросил фотограф и снова щелкнул фотоаппаратом.

— Это вам придется выяснить самим, — буркнул Ван Вейтерен.

Комиссар Баусен восседал в президиуме перед представителями прессы. Его авторитет был непререкаем. Он начал с того, что выждал несколько минут, пока в набитом до отказа помещении не воцарилась тишина; слышно было, как падают капли пота.

Затем он заговорил, но стоило кому-нибудь что-то прошептать или кашлянуть, как он немедленно умолкал, бурявая нарушителя тишины суровым взглядом. Если же кто-то решался перебить его, он делал предупреждение и заявлял, что при повторении нарушения виновный будет выпровожен из зала заботами Мосера и Кропке. Да и с его помощью, если это понадобится.

На те вопросы, которые все же были заданы, он отвечал спокойно и методично, с хорошей долей высокомерия, которая безошибочно обнажала некомпетентность того, кто задавал вопрос.

«В прошлом он наверняка был актером», — подумал Ван Вейтерен.

— Как скоро вы планируете засадить преступника за решетку? — спросил красноносый репортер из местной газеты.

— Примерно через десять минут после того, как мы его найдем, — ответил Баусен.

— У вас есть версии, по которым вы работаете? — спросил редактор Малевич из «де Журнаал».

— А как мы смогли бы работать без версий? — ответил Баусен. — У нас тут ведь не редакция газеты.

— Кто же все-таки руководит следствием? — спросил корреспондент «Нэве Блатт». — Вы или комиссар Ван Вейтерен?

— А вы как думаете? — проговорил Ван Вейтерен, разглядывая изгрызенную зубочистку. Больше он не стал отвечать ни на один вопрос — переводил на Баусена кивком головы. Если он и улыбался в душе, внешне это не было заметно.

Через двадцать минут тема казалась исчерпанной, и полицмейстер перешел к приказам:

— Я хочу, чтобы местные газеты и радио призвали всех, кто перемещался по городу во вторник вечером — примерно от одиннадцати до полуночи, в районе «Голубого фрегата», улицы Хойстрат, лестницы, ведущей к Рыночной площади и Эспланаде, в сторону городского парка, — срочно обратиться в полицию, начиная с завтрашнего дня! Мы выделим двух человек для приема всех сведений, и будем подходить очень строго, если кто-то решит отсидеться и не заявит о себе. Не забудьте, что мы имеем дело с преступником крупного калибра.

— Но ведь получится огромное количество народу! — произнес кто-то.

— Когда ловишь убийцу, госпожа Мелих, — ответил Баусен, — приходится мириться с мелкими неудобствами.

— Ваше мнение, комиссар? — спросил Крэйкшанк. — Так сказать, с глазу на глаз.

— Тут восемь глаз, если я правильно считаю, — ответил Ван Вейтерен. — У меня нет никакого мнения.

— Этот самый Баусен производит впечатление человека на своем месте, — сказал Мюллер. — Как вы думаете, сотрудничество с ним пойдет хорошо?

— Можете быть уверены на все сто, — проговорил Ван Вейтерен.

— У вас есть какие-нибудь зацепки?

— Да, напишите, что есть.

— Но на самом деле у вас их нет?

— Этого я не говорил.

— Когда в последний раз у вас было нераскрытое дело? — спросил Крэйкшанк.

— Шесть лет назад.

— Что это была за история? — с любопытством спросил фотограф.

— Дело Г. — Ван Вейтерен перестал жевать и посмотрел в окно.

— Да, точно, — кивнул Крэйкшанк, — я писал об этом.

Две только что вошедшие молодые дамы намеревались присесть за соседний столик, но Мюллер жестом отогнал их.

— Вам лучше сесть вон там, в уголке, — сказал он. — Здесь такой ужасный запах.

— Так что, — вернулся к теме Крэйкшанк, — мы имеем дело с маньяком или убийства запланированы?

— А кто сказал, что маньяки не планируют? — возразил Ван Вейтерен.

— Есть ли связь между жертвами?

— Да.

— Какая же?

— ...

— Откуда вы знаете?

— Передайте, пожалуйста, булочку.

— Сюда придут еще какие-нибудь высокопоставленные лица?

— Если потребуется.

— Вам приходилось раньше иметь дело с убийцами, которые орудуют топором? — снова попытался вступить в разговор фотограф.

— Я кое-что знаю об убийцах, — проговорил Ван Вейтерен, — и все они прекрасно осведомлены о том, как действует топор... Кстати, ваши газеты вас надолго откомандировали? На полгода?

— Ха-за, — засмеялся Мюллер. — Думаю, на пару дней, не больше. Разумеется, если это не повторится.

— Повторится, но не так скоро.

— Откуда вы знаете?

— Спасибо за кофе, — сказал Ван Вейтерен и поднялся. — Боюсь, мне придется сейчас вас покинуть. Не сидите слишком долго по ночам и не пишите глупостей.

— Да разве мы когда-нибудь писали глупости? — воскликнул Крэйкшанк.

— Какого черта мы здесь делаем? — спросил фотограф, когда журналисты остались одни.

«Какого черта я здесь делаю?» — подумал Ван Вейтерен, садясь на пассажирское сиденье рядом с полицмейстером Баусеном.

— Зрелище не самое аппетитное, — сказал Баусен. — Я, пожалуй, останусь здесь, займусь планированием.

Ван Вейтерен последовал за хромым судмедэкспертом.

— Мэритц, — представился тот, когда они вошли в помещение. — Моя фамилия Мэритц. На самом деле я работаю в Оствердингене, но раз в неделю бываю здесь. А сейчас выходит даже чаще.

Он выкатил из холодильной камеры тележку и широким жестом скинул покрывало. Ван Вейтерен вспомнил слова Рейнхарда.

Есть только одна профессия — матадор. Все остальное — суррогаты и жалкое подобие.

Баусен, вне всяких сомнений, был прав. Если Эрнст Симмель и при жизни не отличался красотой, то Палач с Мэритцем довершили ситуацию. Симмель лежал на животе, и по причинам, до конца Ван Вейтерену непонятным — видимо, из соображений наглядности, — Мэритц положил голову под прямым углом к шее.

— Удар нанесен умелой рукой, тут ничего не скажешь, — проговорил он, тыча в рану шариковой ручкой.

— Умелой рукой? — переспросил Ван Вейтерен.

— Взгляните сюда! — Мэритц показал ему рентгеновский снимок. — Это Эггерс... обратите внимание на угол, под которым нанесен удар! Разница не более чем в два-три градуса. Кстати, раны одной глубины.

Ван Вейтерен разглядывал изображение белых позвонков на черном фоне.

— Удар нанесен сверху, справа налево, наискосок...

— Правша? — спросил Ван Вейтерен.

— Может быть. Или левша, играющий в бадминтон или теннис. Привыкший отбивать удар с обратной стороны ладони, если вы меня понимаете...

— Я сам играю три раза в неделю, — буркнул Ван Вейтерен.

Кто только что говорил о теннисных мячах?

Мэритц кивнул и сдвинул очки на лоб.

— Орудие то же? — спросил Ван Вейтерен. — Пожалуйста, уберите ручку от горла!

Патологоанатом вытер ручку о свой белый халат и засунул в нагрудный карман.

— Стопроцентно! — воскликнул он. — Возьмусь даже утверждать, что я готов его описать — топор с очень острым лезвием, вне всяких сомнений, специально заточенным. Шесть сантиметров в ширину и, думаю, довольно длинное. Сантиметров пятнадцать, может, больше.

— Откуда вы знаете?

— В обоих случаях острое вошло на одну и ту же глубину — дальше его остановило топорщице. Будь лезвие шире, голова бы точно отлетела. Вы видели инструмент, который используют мясники, чтобы рубить кости?

Ван Вейтерен кивнул. Он уже начал сожалеть, что съел целых три булочки в кондитерской Сильвии.

— А момент смерти?

— От половины двенадцатого до половины первого, примерно в этом промежутке.

- А с точностью до минут можете предположить?
- Ближе к половине двенадцатого... одиннадцать сорок, если вы настаиваете, господин комиссар.
- Вам приходилось сталкиваться с таким раньше? — проговорил Ван Вейтерен, делая жест в сторону бледно-сизого трупа.
- Нет, всю жизнь узнаешь что-то новое.

Несмотря на то что прошло трое с половиной суток с того момента, как было обнаружено тело Эрнста Симмеля и почти четверо с тех пор, как его убили, место преступления еще не утратило привлекательности. Полиция поставила ограждение, натянув красно-белые ленты и поставив колышки с табличками, однако за пределами огороженного участка не иссякал людской поток: сюда стекались жители Кальбрингена, не желавшие упустить случая посмотреть на белые столбики в кустах и потемневшие пятна человеческой крови на дорожке.

Ассистенту полиции Эрвину Бангу было поручено следить за порядком и держать на расстоянии наиболее любопытных, и он выполнял это задание с той аккуратностью и величием, какие позволяла его стодвадцатикилограммовая фигура. Как только у ограждения собиралось больше двух посетителей, он начинал командовать:

— Та-ак, не скапливаться! Шевелим батонами! Циркулируем!

Ван Вейтерену показалось, что все это больше смахивает на действия регулировщика уличного движения. Впрочем, это имело второстепенное значение.

— Ты можешь убрать людей, чтобы мы с комиссаром могли спокойно осмотреть место? — сказал Баусен.

— Разойтись! — Банг проревел так, что туча галок и лесных голубей в ужасе взлетела с веток. — Немедленно! Идет осмотр места преступления!

— Ты можешь пойти попить кофейку, — сказал Баусен, когда они остались одни. — Мы пробудем здесь около получаса... затем, думаю, пора снять ограждение. Отвезешь все эти штуки в участок.

— Есть! — выкрикнул Банг и отдал честь.

Взобравшись на свой служебный велосипед со специально укрепленной рамой, он отправился в сторону Эспланады и портового кафе.

— Вот так-то, — сказал Баусен и засунул руки в карманы. — Это у нас ассистент Банг.

Ван Вейтерен огляделся.

— Хм... — произнес он.

Баусен достал из кармана пакет сигарет:

— Хочешь?

— Нет, — ответил Ван Вейтерен, — однако возьму. Можем мы с тобой провести небольшой эксперимент?

— Ваше желание для меня закон, — сказал Баусен и поджег две сигареты. Одну из них он протянул Ван Вейтерену. — Что будем делать?

— Отойдем по тропинке метров на двадцать — тридцать. Потом я пойду вперед, а ты за мной, и проверим, смогу ли я услышать твои шаги.

— Хорошо, — кивнул Баусен. — Но я это уже проверял. Здесь все утрамбовано до чертиков. Ты не услышишь ни звука.

Эксперимент был проведен, и предсказание Баусена оправдалось на все сто.

Отдаленный шум моря и шорох ветра в кронах деревьев создавали звуковой фон, заглушавший все остальные звуки. Баусену удалось почти что положить руку на плечо Ван Вейтерену, прежде чем тот заметил его...

— Да еще и поздним вечером, — сказал Баусен.

Ван Вейтерен кивнул.

— Вы тщательно осмотрели место? — спросил Ван Вейтерен.

— Место убийства? Да уж, можешь не сомневаться! Прочесали каждую травинку. Никаких следов! Только кровь. Видишь ли, сейчас совсем сухо. Дождя не было недели три... нигде не осталось мягкой земли, стало быть, никаких следов. Нет, боюсь, здесь нам не придется рассчитывать ни на какие зацепки. Похоже, что в одном месте он вытер оружие о траву, и все.

— А как обстояло дело с Эггерсом?

— Та же история. Мы долго занимались одним окурком, но позднее выяснилось, что он на пару дней старше, чем нужно... хотя два человека работали над ним целую неделю.

— Кстати, этому самому Мэритцу помогали ассистенты?

— Четверо. Но мне кажется, это лишнее. Чертовски светлая голова, хотя работать с ним не всегда легко.

Ван Вейтерен наклонился и стал разглядывать пятна в траве.

— Ты слышал о Гелиогабале? — спросил он.

— Тот, который любил кровь на траве?

— Он самый. Римский император, убивавший людей, потому что ему нравилось видеть красное на зеленом. Эстет, судя по всему... хотя кровь недолго сохраняет свой цвет...

— Вряд ли это подходящий мотив в данном случае, — проговорил Баусен. — Вечером в среду здесь, должно быть, было темно как в желудке. Два фонаря подряд вышли из строя.

— Хм... — проговорил Ван Вейтерен. — Тогда Гелиогабал отменяется. Всегда приятно вычеркнуть хоть одно имя из списка подозреваемых.

Со стороны Риккена к ним приближались несколько частных детективов. Видимо, Банг поставил заслон со стороны порта, потому что целых десять минут полицейским комиссарам никто не мешал.

Баусен посмотрел на часы.

— Половина пятого, — сказал он. — У меня в морозилке жаркое из баранины. Только разогреть. Что скажешь?

Ван Вейтерен заколебался:

— Если ты дашь мне сперва пару часов в отеле.

— Само собой, — кивнул Баусен. — Приходи в мое гнездышко около семи. Надеюсь, мы сможем посидеть под открытым небом.

9

Беата Мёрк залезла в ванну и выключила свет. Погрузилась в теплую воду и представила, что лежит в матке. Мысль об этом возникала у нее довольно часто, так что наверняка это что-нибудь да значит.

Она ощупала талию и бедра и подумала, что теперь ей удастся держать вес на одной точке. Пятьдесят семь с половиной. Она пробежала восемь километров, последние два — в быстром темпе. Правда, некоторые утверждают, что жир

эффективнее всего сгорает, если бежать вполсилы, но, черт побери, неужели не слетят несколько лишних граммов, если приналечь от души?

Хватит ерунды. Она положила голову на край ванны и почувствовала, как усталость распространяется по всему телу. «Мне тридцать один год, — подумала она. — Я женщина-полицейский, мне тридцать один год от роду. Ни мужа, ни детей. Ни семьи, ни дома, ни яхты...»

Эта мысль также часто посещала ее. Ну, без дома и яхты вполне можно обойтись. Без мужчины — тоже, во всяком случае, в данный момент. С детьми сложнее. Куда сложнее... Это вопрос совсем иного порядка. Может, именно для того, чтобы убежать от него, она любила представлять себя в матке? Кто знает? Из ее семи-восьми ближайших подруг еще со школьных времен пять-шесть уже всюю занимались своими детишками. Кстати, и мужья, и яхты у них тоже есть. Слава богу, что она уехала из Фрисена. Как ни крути, это было важнейшее условие ее свободы. Недолго бы она продержалась, живи с ними рядом. Ее независимая и свободная жизнь сморщилась бы, как... как использованный презерватив. Родители, грехи детства, ошибки молодости — все это как отметины на лбу. Как обязательная метка соответствия на товаре — крупными буквами! «Ни за что на свете!» — подумала она.

И все же... Рано или поздно она должна будет обзавестись ребенком, рано или поздно ей придется создать семью, она знала об этом. Знала уже несколько лет, но в самом начале января, в каждый свой день рождения, она давала себе отсрочку еще на год. Она называла это «мораторий на двенадцать месяцев». Еще немного. Что ж, отлич-

ный подарок на день рождения, и мораторий еще будет значиться в списке пожеланий — во всяком случае, еще один раз...

Найдя на ощупь мыло, она переключилась на другое. В конце концов, сейчас самое неподходящее время, чтобы думать о муже и детях... кстати, на женщинах-полицейских женятся только мужчины-полицейские, так что выбор ограничен. Банг, Мосер и Кропке... какая прекрасная идея! Она начала намыливать грудь — по-прежнему упругую и остро-конечную... Ее преследовала еще одна мысль — что однажды она начнет ненавидеть свою грудь, свое тело... Этот мучительный период предстоит всем женщинам — одна из неизбежностей жизни, с которой придется смириться... Кстати, Кропке и Мосер женаты, если уж быть совсем точным. Какое счастье!

Однако сегодня ей хотелось посвятить свои размышления не им. Да и с какой стати? Нет, в ближайшие часы она будет думать о человеке, который вообще не полицейский. Наоборот. Это тот, другой...

Палач. Он — и больше никто.

Я хочу его.

Она улыбнулась этой своей мысли. Улыбнулась и зажгла свет с некоторой поспешностью.

Едва она успела усесться за свой письменный стол с чашкой крепкого чая, бросив взгляд на два блокнота в овале света от настольной лампы, как зазвонил телефон.

Конечно же это мама... ну что ж, уж лучше поговорить сейчас, чем прерываться потом.

Так она приедет домой в воскресенье? — вот главный вопрос. Папа так обрадуется. Всю неделю он пребывал в подавленном настроении, и врачи сказали, что... ну, об этом они поговорят при встрече. Чем она занимается? Работой? Неужели ей и впрямь придется заниматься этой ужасной историей с убийствами, ведь это дело мужчин! Что у них там, в полиции, совсем нет мужчин? Что же это за местечко такое?

Через десять минут Беата закончила разговор, и теперь совесть ныла, как загнивший зуб.

Она стала смотреть в окно, на последние лучи заката, еще освещавшие небо символическим светом, и решила поехать к родителям на пару часов в воскресенье вечером. Может быть, ей останется переночевать и вернуться первым утренним поездом? Да, пожалуй, никакого другого совета она сама себе не может дать.

На всякий случай она выдернула шнур из розетки. Можно предположить, что Яносу тоже вступит мысль позвонить, а на угрызения совести по этому поводу она точно не желает тратить целый вечер. Во всяком случае, пока что.

Палач.

Она открыла оба блокнота, положив их рядом перед собой на столе, и начала изучать записи в левом.

«Хайнц Эггерс» было написано в верхней части страницы и подчеркнуто двумя чертами.

«Родился 23.04.1961 в Сельстадте.

Умер 28.06.1993 в Кальбрингене».

Это, конечно, неоспоримые факты.

Далее следовал длинный ряд сведений. Родители и братья-сестры. Учеба в школе. Различные адреса. Женские имена.

Даты, когда Эггерс попадал в различные заведения, по большей части тюрьмы, даты судов и выписки из приговоров.

Двое детей от двух разных женщин. Первая — девочка, родившаяся 2 августа 1985 года в Водзе. Мать — некая Кристина Лаугер. Второй, мальчик, родился 23 декабря — за два дня до Рождества, как она отметила раньше, — 1991 года, стало быть, ему еще не исполнилось двух лет. Имя матери — Матильда Фукс, адрес и место пребывания неизвестны... Ей она уделила несколько секунд, подумав, что этой женщине как раз удалось то, к чему стремилась она сама. Ребенок без отца, хотя разве это нужно ей, Беате? Впрочем, Матильда вполне могла быть опустившейся наркоманкой и проституткой, которая давно отдала своего нежеланного сына в другие, более подходящие руки. Да, это очень достоверная гипотеза.

Ну, и на чем же она остановилась вчера? Вне всяких сомнений, очень важный вопрос... Она перелистала несколько страниц вперед. Черт побери, вот оно!

Что привело Хайнца Эггерса на тот самый двор? Вот где собака зарыта! Почему это спившееся существо, этот неудавшийся сын общества находился на Бургислан, 24, в час ночи (или позднее) на 28 июня 1993 года?

Беата понимала, что это хороший вопрос, и, хотя ответа на него пока не было, она могла, не перенапрягая логику, не впадая в традиционное гадание на кофейной гуще, сделать некоторые выводы... да их мог бы сделать на ее месте кто угодно!

Первое. Хотя Эггерс и относился к разряду алкоголиков / наркоманов, в его поведении можно было предположить наличие некоторого рационального начала... В тот вечер

в его жилах было не слишком много яду, он умер почти трезвым и чистым (как следовало бы надеяться истинному христианину, и это зачтется ему, когда на той стороне начнут подводить итоги всем его земным деяниям). Так или иначе, Эггерс находился на Бургислан не случайно. У него было там дело. Среди ночи. Двадцать восьмого июня. И он пошел туда один.

Она отхлебнула маленький глоток чая.

Второе. Никто из сомнительных знакомых Эггерса, а их она допросила очень подробно, понятия не имел, в чем это дело могло заключаться, даже его так называемая девушка, которая, судя по всему, проспала всю ночь как бревно после продолжительной пьянки в течение последних суток... Когда они с Кропке надели на них, требуя выдать хоть какое-нибудь предположение, единственное, что удалось услышать, — что Хайнц получил от кого-то наводку. Наводку? Ну, информацию о том, что у кого-то что-то есть на продажу... Товар, так сказать. Какие-нибудь наркотики... героин, или амфетамин, или просто травка. Ему самому было без разницы. Хайнц балдел от всего. А то, что не вкалывал себе, тут же продавал малышне.

Третье. Вывод из предыдущего рассуждения. Палач назначил ему встречу. Потенциальной жертвой был Эггерс, и никто другой. Убийство было тщательно спланировано и подготовлено. В этом случае не остается места для маньяков и буйнопомешанных, а также прочих, эпитеты которым так охотно придумывают некоторые. Единственная допустимая классификация — убийство первой степени! Не под влиянием эмоций, никаких смягчающих обстоятельств, и не наркоман, случайно треснувший по башке другого.

Первая степень. По этому поводу не может быть никаких сомнений, а также по поводу того, что за фигура этот Палач — педантичный и рассудочный, прекрасно отдающий себе отчет в том, что он делает, не допускающий никаких случайностей, и у которого...

...у которого — это в-четвертых — должен быть мотив!

Беата откинулась на стуле и отпила большой глоток чая.

Весьма целеустремленный убийца.

Она взялась за второй блокнот.

Эрнст Леопольд Симмель.

Здесь записей было совсем мало. Всего пара страничек. Ей просто лень было вносить в блокнот ту гору сведений, которые Крокке выудил из реестров различных структур. Регистрация предприятий, банкротства, слияние фирм, выборные посты, экспертиза по оценке имущества, поездки и бог знает что еще...

Пробежав глазами то, что ей все же удалось записать, она перешла к вопросам в конце, которые набросала вчера вечером, прежде чем отправиться спать. Искусство следователя заключается в том, чтобы задавать правильные вопросы, как неустанно подчеркивал Вундермаас, ее любимый преподаватель в годы учебы в Геншене. «Переформулируйте! — нетерпеливо требовал он, буравя слушателей черными глазами. — Ответов может быть не меньше, чем иглок в стоге сена! Во всяком случае, надо убедиться, что вы ищете в том стоге сена, где надо!»

Так каковы же вопросы по поводу Эрнста Симмеля? Правильные? Она снова отпила глоток и принялась думать.

Что он делал на улице вечером во вторник? Ответ она знала.

Почему он пошел через Рыночную площадь? И так понятно.

Почему выбрал дорогу через парк? Очевидно.

Где Палач начал следить за ним? Возможно, неплохая отправная точка. Так каков же ответ?

От самого «Голубого фрегата?» Более чем вероятно. Затем тенью проследовал за жертвой практически через весь город... ну да, а как же иначе?

Что это значит?

Беата подняла глаза и посмотрела в окно. Весь Кальбринген как на ладони. Она погасила настольную лампу, и город сразу же засиял ночными огнями... россыпь светящихся точек, освещенные магистрали и яркие доминанты — церковь Бунгескирке, Хойстрат, Главная площадь и фасад ратуши, высотные дома возле Дюннингена... «Фишерманс Френд» — да, должно быть, ресторанчик приютился там, на краю скалы; просто она раньше не думала об этом. Убийца прошел весь этот путь, от «Голубого фрегата» до парка, на почтительном расстоянии от своей жертвы, и стало быть...

Стало быть, есть свидетели.

Это совершенно очевидно. Кто-то должен был заметить убийцу, когда он шел, прижимаясь к стенам, по Лангвей и Хойстрат, когда спускался по ступенькам, пересекал Рыночную площадь... Предположить что-либо другое просто невозможно; кем бы он ни был, он же не невидимка. А что из этого следует?

Из этого, само собой, следует, что завтра, едва откроются двери, частный детектив по имени Общественность хлынет в полицейский участок, и рано или поздно появится кто-то,

кто действительно видел его. Кто не подозревал о том, что это убийца, но это по большому счету ничего не меняет. Кто взглянул ему прямо в лицо. И даже, возможно, поздоровался!

Вот так обстоит дело. Беата снова включила лампу. Через пару дней имя Палача будет занесено в протоколы, скрытое среди огромного количества совершенно ненужных сведений, и никто не сможет сказать, кто из всех упоминавшихся — он, и нет метода, позволяющего выудить Палача из этого водоворота... или имеет смысл сесть и перешерстить все материалы допросов? Неужели кто-то сочтет, что игра стоит свеч? Кропке?

«Тьфу! — подумала она. — Самое подходящее занятие для Кропке. Если придется работать по такой схеме, лучше уж сразу признать себя побежденной».

Но ведь есть какие-то обходные пути? Какие-то подсказки, какие-то ориентиры. Есть какой-то способ пробраться через весь этот рой ненужной информации. Должен быть. Какой вопрос она могла бы написать на следующей странице и подчеркнуть четырьмя чертами?

Да он уже есть.

«Связь???» — было написано на следующем листе. Некоторое время она разглядывала эту надпись. Потом начертила треугольник. Написала имена Эггерса и Симмеля в двух углах. Поколебавшись, написала в третьем: «Палач». Посмотрела на картинку.

«Чем я занимаюсь? — мелькнуло у нее в голове. — Что за ерунда? Просто детский сад!»

Однако рисунок выглядел, вне всяких сомнений, соблазнительно. «Если бы у меня был компьютер, — подума-

ла она, — тогда я могла бы ввести туда имя Симмеля с одного конца и Эггерса — с другого... и в причудливом узоре, который развернулся бы на экране, рано или поздно нашлась бы точка пересечения, пучок линий, соединяющихся в одной точке. Из хаоса, из мириада точек возникло бы одно-единственное имя, и это было бы имя Палача. Как просто!»

— Тьфу, что за чушь! — потрясла головой Беата Мёрк. — Я просто спятила! В чем я совершенно не разбираюсь, так это в компьютерах.

Она захлопнула блокноты. Посмотрела на часы и обнаружила, что уже поздно и итальянский фильм по телевизору, который все равно не собиралась смотреть, давно закончился... Нет, ее метод не количественный. Не трудоемкое перетряхивание одного стога сена за другим, этим пусть занимаются Кропке вместе с Мосером и Бангом. У нее есть нечто иное.

Она снова подняла глаза и увидела луну, вползающую в прямоугольник ее окна. Полная, идеально круглая луна. Это знак, вне всяких сомнений. Здесь все совершенно по-другому. Иное мышление. Интуиция! Она все-таки женщина! Куда всем этим унылым левополушарным существам. Инь, а не ян. Беата поймала себя на том, что сидит и улыбается луне. «Самой смешно, — подумала она. — Дурра набитая! Пора ложиться. Да уж, давно пора. Слава богу, никто не знает, на что я трачу свои мозги. Просто чревоугодие какое-то!»

Она встала и вышла в холл. Скинула халат и некоторое время стояла перед зеркалом. «Однако я неплохо выгляжу, — пришла ей в голову мысль. — На вид не больше двадцати пя-

ти или двадцати шести. Даже жаль, что в кровати не лежит мужик».

Однако каковы шансы, что ей захочется видеть его завтра утром?

И когда пятнадцать минут спустя она уже засыпала, в голове проносились только смутные образы Палача.

Палач?

Можно ли быть уверенным, что это действительно мужчина?

Этот вопрос возник в тот момент, когда она уже сдала свое последнее укрепление и отдалась во власть сна, так и не успев поразмышлять о том, счит бы Вундермаас это правильным стогом сена или нет.

10

— Иногда у меня все же бывает ощущение, что есть некая рука всемогущая, — проговорил Баусен, протягивая Ван Вейтерену бокал.

— Десница Господня?

— Или чья-то еще. За твое здоровье! Это вино некрепкое, я не хочу перебивать тебе аппетит. Мы продегустируем еще кое-что чуть попозже.

Они отпили вина, и кресла из ротанга приятно зазаскрипели. Ван Вейтерен закурил. Он все же поддался соблазну и купил пачку в киоске возле отеля. Это была первая пачка с тех пор, как он расстался с Эрихом, так что вполне можно было себе позволить.

— Ну вот, — продолжал Баусен, вынимая потрепанный мешочек с табаком, отдаленно напоминающий нечто, уви-

денное Ван Вейтереном в горле Эрнста Симмеля. — Живем мы здесь припеваючи. Сажаем народ за решетку за управление транспортным средством в нетрезвом виде, иногда разбираемся в семейных драках, арестовываем контрабандную водку с круизных судов из Восточной Европы... и вдруг такое! Как раз в тот момент, когда уже вроде бы пора подводить итоги. Неужели ты возьмешься утверждать, что в этом нет какого-то особого смысла?

— Есть определенный... повторяющиеся паттерны, — проговорил Ван Вейтерен.

Баусен пососал свою трубку:

— Даже нацистам я сумел показать, где раки зимуют!

— Ах да, у вас ведь есть лагерь беженцев под Таублицем, — вспомнил Ван Вейтерен.

— Именно. Пару лет назад эти типы начали выступать, а в ноябре прошлого года одна компания вышла за рамки... сожгли дотла два барака. Я засадил восьмерых.

— Отлично, — кивнул Ван Вейтерен.

— Представь себе, четверо из них сейчас заново отстраивают эти бараки. Вместе с беженцами. Им предложили выбрать — два года тюрьмы или общественно полезные работы. Чертовски толковый судья. Его зовут Генрих Гейне — как великого поэта. И теперь они многое осознали.

— Впечатляет, — проговорил Ван Вейтерен.

— Я тоже так думаю. Похоже, из кого угодно можно сделать человека, надо просто задаться этой целью... хотя оставшиеся четверо выбрали тюрьму.

— Ты собираешься уйти на пенсию первого октября — при любом повороте дел? Руководство не собирается продлить твой срок?

Баусен фыркнул:

— Понятия не имею. Пока, во всяком случае, со мной никто на эту тему не разговаривал... они наверняка надеются, что ты быстренько распутаешь это дело, так что они смогут отблагодарить меня за безупречную службу в срок и надлежащим образом. Кстати, я тоже очень на это надеюсь.

«Да и я бы не против», — подумал Ван Вейтерен. Он поднял бокал и огляделся. Баусен освободил стол и постелил скатерть, но в остальном все было, как и в прошлый раз, — горы книг, журналов и прочего хлама, ползучие стебли роз и неухоженный сад, приглушающий все посторонние звуки и впечатления; временами возникало ощущение, что ты переместился в мир Грина или Конрада. Заросли мангровых деревьев в устье реки на еще неизученном континенте. Сердце тьмы. Пара тропических шлемов, баночка с таблетками хинина и москитная сетка дополнили бы картину... однако он сидит в самом центре Европы. В маленьких игрушечных джунглях, омываемых европейским морем.

Ван Вейтерен пригубил напиток с мягким запахом корицы и испытал удовлетворение.

— А твоя жена?.. — спросил он. Рано или поздно этот вопрос все равно пришлось бы задать.

— Умерла два года назад. Рак.

— А дети?

Баусен покачал головой.

— А ты? — спросил он.

— Развелся. Также примерно пару лет назад.

— Понимаю, — проговорил Баусен. — Ты готов?

— К чему?

Баусен улыбнулся:

— К небольшой экскурсии по подземелью. Хочу показать тебе свою сокровищницу.

Они опорожнили бокалы, и Баусен повел его в подвал. Вниз по лестнице, мимо котельной и кладовок, также заполненных хламом — старые велосипеды, сломанная мебель, отслужившая свое бытовая техника, заржавевший садовый инструмент, бутылки, рваные ботинки и сапоги...

— Все руки не доходят отделаться от этого, — пробормотал Баусен. — Береги голову! Здесь низкий косяк.

Спустившись еще на несколько ступеней и преодолев узкий проход, где пахло землей, они очутились перед мощной деревянной дверью, запертой на два засова и висячий замок.

— Здесь! — гордо произнес Баусен. Он отпер дверь и включил свет. — Такого ты еще не видел!

Распахнув дверь, он пропустил Ван Вейтерена вперед.

Вино. Целый винный погреб!

В темноте Ван Вейтерен различил матовый отсвет бутылок, сложенных штабелями вдоль стен. Ровными рядами от пола до потолка. Вне всяких сомнений, тысячи бутылок. Он вдохнул ноздрями затхлый воздух подземелья.

— Ого! Вы выросли в моих глазах, господин полицмейстер. Это ведь, как ни крути, высочайшее проявление цивилизации.

Баусен с довольным видом засмеялся:

— Именно! То, что ты видишь перед собой, будет моим главным занятием, когда я выйду на пенсию. Я подсчитал, что если ограничиваться тремя бутылками в неделю, то запасов хватит на десять лет... а больше мне, пожалуй, и не надо.

Ван Вейтерен кивнул. «Как я сам до этого не додумался? — подумал он. — Начну копать, как только вернусь домой».

Правда, могли возникнуть некоторые проблемы в связи с тем, что он жил в многоквартирном доме, — но, может, начать с закупок? А потом на длительный срок арендовать дачный участок или что-нибудь в этом роде? Он решил обсудить это с Рейнхартом или Доригосом, как только вернется домой.

— Выбери две для нас с тобой, — сказал Баусен. — Предлагаю взять белого и красного...

— «Мерсо», — откликнулся Ван Вейтерен. — Белое «Мерсо» — есть у тебя такое?

— Пара дюжин найдется. А красное?

— Отдаю этот вопрос на усмотрение руководства следствием, — сказал Ван Вейтерен.

— Хорошо... ну что ж, тогда я выбираю «Сент-Эмильон» урожая семьдесят первого года. Если господин комиссар не возражает.

— Думаю, с некоторыми усилиями смогу себя заставить.

— Прекрасный вечер, — констатировал он пару часов спустя. — Хотелось бы, чтобы в жизни находилось побольше места для таких удовольствий... вкусная еда, интеллектуальное общение, изысканные вина и вот такой сыр. — Он облизал пальцы и откусил от ломтика груши. — А что с меня за все это причитается?

Баусен хохотнул с довольным видом:

— Ты разве до сих пор не понял? Поймай Палача, черт побери, чтобы я мог состариться достойно.

— Я так и знал, что все это неспроста, — проговорил Ван Вейтерен.

Баусен вылил в бокал последние капли бордо.

— Не волнуйся, — сказал он. — Под занавес закруглим наш ужин виски с содовой. Ну так что?

— Хм... — пробормотал Ван Вейтерен. — Давай сперва обсудим твои размышления. Ты ведь наблюдал все это с самого начала.

Хозяин дома кивнул и откинулся на спинку стула. Сбросив ботинки, положил ноги на ящик со стеклянными банками. Некоторое время он шевелил пальцами, будто это помогало ему думать.

— А черт его знает, — произнес он через минуту. — У меня в голове так много зацепок и случайных ниточек, что я даже не знаю, за какую из них потянуть... сегодня я весь день ломал голову над тем, есть ли вообще какая-нибудь связь.

— Поясни свою мысль! — попросил Ван Вейтерен.

— Само собой, мы имеем дело с одним и тем же злоумышленником, я исхожу из этого... хотя бы простоты ради. Один и тот же убийца, один и тот же метод, одно и то же оружие. Но связь между жертвами — вот тут я начинаю сомневаться... опасаясь, что мы найдем что-то, за что зацепимся лишь потому, что ничего другого нет... что они вместе ездили в турпоездку на Сицилию в восемьдесят восьмом году, или лежали в одной и той же больнице в октябре семьдесят девятого либо что-нибудь подобное.

— Говорят, что два человека всегда пересекают след друг друга, — кивнул Ван Вейтерен.

— Да, примерно так и есть... и тот факт, что их пути где-то пересеклись, сам по себе ничего не значит. Может, и значит, но это совершенно не обязательно.

— Не забывай, что речь идет о трех путях, — сказал Ван Вейтерен. — Ведь есть еще убийца.

— Само собой, мы должны искать третьего, если найдем точку пересечения. Однако у меня есть предчувствие, что в данном случае речь о другом...

— Что Эггерс и Симмель выбраны наобум?

— Возможно, — проговорил Баусен, глядя в темноту. — Ясно, что он избрал именно Эггерса и Симмеля, но не факт, что это связано с какими-то личными мотивами. Бывают основания куда более зыбкие...

— Случайный выбор из телефонного справочника? — предположил Ван Вейтерен. — Примеры есть, сам знаешь. Харридж, если помнишь, который с закрытыми глазами поставил наобум крестики против десяти фамилий в телефонном каталоге Ковентри¹. А затем пошел и задушил людей, одного за другим...

— Знаю, — кивнул Баусен. — По одному в неделю — по субботам... успел отправить на тот свет пятерых, прежде чем его повязали. А знаешь, на чем он срезался?

Ван Вейтерен покачал головой.

— Один из десяти, кого он себе наметил, Эмерсон Кларк, если я правильно помню, оказался в прошлом чемпионом по боксу. С ним Харридж просто не смог справиться.

— Вот как, — сказал Ван Вейтерен. — Мог бы вычеркнуть из списка боксеров, прежде чем начинать.

— Так ему и надо, — фыркнул Баусен.

¹ Крупный город в Англии.

Они закурили и некоторое время сидели молча, прислушиваясь к едва различимому шуршанию розовых кустов. Двое ежей пришли к блюду с молоком, поставленному у стены дома, понюхали и попили немного, да ласточки все еще сновали под крышу и обратно... не совсем те существа и звуки, которые характерны для джунглей, однако некое ощущение экзотичности окружающего не покидало Ван Вейтерена.

— Ситуация кардинально изменится, если он зарубит еще одного, — проговорил Баусен.

— Без сомнения, — кивнул Ван Вейтерен.

По саду внезапно прокатился холодный ветер.

— Хочешь, переберемся в дом?

— Нет.

— Так у тебя нет никаких подозрений?

Баусен покачал головой. Пригубил коктейль:

— Не слишком много содовой?

— Нет, нормально. Никаких идей... пусть самых незначительных?

Полицейстер вздохнул:

— Я просидел в своем кресле более двадцать пять лет. Про большую часть жителей нашего города мне известна вся подноготная... остальных я знаю в лицо и по имени. Возможно, найдется пара тысяч таких, кто переехал сюда недавно, кого я не держу под контролем, но в общем и целом... черт побери, я перебрал в уме всех и каждого, и никаких идей! Пусто!

— Трудно представить себе человека в роли убийцы, — вздохнул Ван Вейтерен. — Пока не увидишь этого собственными глазами. Хотя... он может быть и пришлым.

Баусен помолчал.

— Может быть, ты и прав, но я так не думаю, — сказал он через некоторое время. — Почему-то уверен, что это кто-то из наших. Как бы то ни было, я был бы рад хоть что-нибудь предложить. Мы уже потратили на этого проклятого Эггерса тысячи человеко-часов!

— В нашей работе нет никакой справедливости, — улыбнулся Ван Вейтерен.

— Ни на грош, — согласился Баусен. — С таким же успехом можно вложить все деньги в частного детектива. Общественность... она всегда хоть что-нибудь да подскажет.

— Будем надеяться, — проговорил Ван Вейтерен.

Баусен стал выколачивать трубку. Видно было, что он принимает какое-то решение.

— А в шахматы ты играешь? — спросил он.

Ван Вейтерен закрыл глаза от удовольствия. «Чтобы всем жизнь медом показалась», — подумал он.

Пожалуй, лучше насладиться всем сразу. Ибо многое указывает на то, что впереди тяжелые времена.

11

На просьбу полицмейстера Баусена откликнулись не только местные газеты и радиостанция — несколько общенациональных газет также обратились к сознательным гражданам Кальбрингена с призывом без промедления прийти в полицию, если они располагают хотя бы малейшими сведениями, которые могли бы привести к скорейшему аресту Палача.

Когда инспектор Кропке и ассистент Мосер ближе к вечеру свели воедино результаты первого дня работы со свидетелями, многое начало проясняться. Кропке, конечно, не успел заготовить слайды для доклада, но все данные были четко систематизированы в его блокноте с отрывными листами и обложкой из синей кожи.

В течение дня участок посетили и дали свидетельские показания сорок восемь человек. Из них одиннадцать ранее уже опрашивались. Из оставшихся тридцати семи показаний шести признаны лишёнными значимости, поскольку эти люди находились либо не в той части города (три человека), либо не в то время (два человека) или ошиблись датой (один человек — пожилая вдова Лёве, которая выходила купить корм кошке в понедельник утром и обратила внимание на целый ряд странных типов с топором под одеждой).

Все сорок два свидетеля, как старые, так и новые, находились в районе Лангвей — Хойстрат — лестница Михеля — Рыночная площадь — портовая Эспланада — городской парк в интервале от 23.00 до 24.00. Имена, адреса и телефоны этих свидетелей зарегистрированы Кропке, который взял также с них подписку о невыезде — на случай, если кого-нибудь придется вызвать для уточнений. (Данная мера наводила на мысль о превышении служебных полномочий, однако Ван Вейтерен проглотил свои возражения. В конце концов, следствием руководит не он.)

Все свидетели, так или иначе, обратили внимание друг на друга. Это показывала исключительно сложная, растущая в геометрической прогрессии схема, которую Кропке, несмотря на многократные попытки, так и не смог ввести

в свой компьютер. (В соответствии с полицейской субординацией его разочарование по этому поводу вылилось на ассистента Мосера.)

Полученные ранее свидетельские показания, данные фрёкен де Ветц и госпожой Альгер, которые стояли и беседовали в Домском переулке и обратили внимание на Эрнста Симмеля, когда тот пересекал площадь, подтвердились словами еще четырех свидетелей. Две пары, проходившие через площадь около 23.20, хотя и в разных направлениях, обратили внимание на одинокого пешехода, которого после некоторых раздумий идентифицировали как Эрнста Симмеля.

Двое подростков (видимо, балансирующих на грани закона) пронеслись через площадь в направлении Эспланады на своих самокатах несколькими минутами спустя и обогнали человека, который, судя по всему, являлся Симмелем.

Влюбленная пара (женщина по некоторым причинам предпочла остаться анонимной и подтвердила показания своего партнера по телефону, вместо того чтобы являться в участок; она сидела или, вернее, полулежала в машине на набережной в интервале от 23.00 и 01.00 и примерно в 23.30 заметила мужчину, который стоял и курил у самого края причала, не более чем в десяти метрах от их машины). Оба с уверенностью утверждали, что это был Эрнст Симмель.

На Хойстрат еще трое свидетелей (в дополнение к двум предыдущим) видели Симмеля по пути от «Голубого фрегата». Все трое обратили внимание еще на одного или двоих прохожих — наиболее вероятно, что свидетели видели друг друга.

Единственный свидетель заметил одинокого мужчину, который свернул с Хойстрат в сторону лестницы Микеля между 23.10 и 23.15, — мужчину, который точно не являлся Симмелем. Расстояние между свидетелем и неизвестным достигало двадцати метров, однако тот мужчина как раз прошел под уличным фонарем, что позволило свидетелю разглядеть его довольно отчетливо.

Наиболее интересная деталь — на неизвестном был головной убор: шляпа с широкими полями, отбрасывающая тень на его лицо. Это вполне могло указывать на то, что речь идет об убийце, — единственное непосредственное наблюдение. Ни в одном из рассказов других опрошенных человек в шляпе не фигурировал. Свидетеля звали Винсент Перховенс, и он, к сожалению, в момент наблюдения находился в нетрезвом состоянии, о чем с готовностью сам же и сообщил и что подтверждалось другими свидетельскими показаниями. Тем не менее его сведения, вне всяких сомнений, представляют определенный интерес для дальнейшей поисковой работы.

И наконец, важнейшее наблюдение того воскресенья — во всяком случае, такого мнения придерживался комиссар Баусен, прокомментировавший материалы, — сделали четыре мальчика младшего подросткового возраста, которые прошли пешком от порта через городской парк в сторону Риккена... по той самой дорожке и, стало быть, миновали место убийства около 23.40. Поскольку Эрнст Симмель, по показаниям влюбленной пары, стоял и курил на набережной примерно десятью минутами раньше и поскольку никто из подростков не видел его, можно с большой уверенностью сделать вывод, что убийца в тот момент, когда ребята

проходили мимо, как раз нанес своей жертве удар и сидел в кустах рядом с трупом. В компании была еще девушка, вернее, даже две. Одна из них впала в истерику, когда узнала об убийстве... Кстати, это была та самая девушка, из-за которой подростки не обратились ранее в полицию. Ее отец — пастор Свободного Синода, и в тот вечер или, вернее, в ту ночь она должна была мирно спать у подруги (второй девушки в компании), а не находиться в парке в обществе юношей.

Как бы то ни было, в соответствии с полученными данными можно было с большой вероятностью определить момент убийства: 23.40 плюс-минус пара минут.

— У меня все, — сказал Кропке и захлопнул блокнот.

— Мэритц заслужил сигару, — проговорил Ван Вейтерен. — Он с точностью определил момент смерти. Как убийца пробрался через площадь, хотел бы я знать... В это время там находилось... дайте взглянуть... не менее шести или семи человек.

— Восемь, — поправил его Кропке. — Не менее восьми. Думаю, он прошел по аркаде. По западной стороне площади проходит галерея Вальского дворца — не знаю, обратили ли вы на него внимание, господин комиссар. Галерея довольно плохо освещена. К тому же ни один из свидетелей не шел этим путем...

— Да уж, эта чертова галерея просто создана для убийц... — вздохнул Баусен. — Что скажите, господа? Удачно ли прошел день?

Мосер почесал карандашом за ухом и зевнул. Кропке сидел, уткнувшись в свои записи. Ван Вейтерен допил послед-

ние капли из пластикового стаканчика и констатировал, до чего огромна разница между некрепким остывшим кофе и белым «Мерсо».

— Трудно сказать, — проговорил он. — Во всяком случае, нам удалось кое-что собрать. И потом, завтра тоже будет день.

— Да, понедельник, — осмелился уточнить Мосер.

— Если, конечно, он не поджидал в засаде в лесу, — сказал Кропке, который, судя по всему, все это время обдумывал эту мысль. — Думаю, такую возможность не следует полностью сбрасывать со счетов.

— Мне, во всяком случае, хотелось бы побеседовать кое с кем, — сказал Ван Вейтерен. — Если, конечно, руководство не планирует поручить мне что-то другое.

— Никаких других заданий, — заявил Баусен. — Хороший полицейский сам найдет, чем заняться.

Мосер снова зевнул.

12

— Вы были его юридическим советником? — спросил Ван Вейтерен и достал из нагрудного кармана зубочистку.

— Скорее хорошим другом семьи, — улынулся адвокат.

— Но ведь одно не исключает другого?

— Никоим образом.

Контора Эугена Клингфорта была оформлена в стиле роскошной каюты. Светлые тиковые панели с тяжелыми медными заклепками. Встроенные книжные шкафы с длинными рядами французских книг, которые явно никто не открывал с того момента, как они покинули стены типографии. Обши-

тый кожей шкаф для документов, выдвижной барный столик в боковой стенке письменного стола, сейф марки «Вассерманн и Фриш».

«Воплощение дурного вкуса, — подумал Ван Вейтерен. — Чем больше у них денег, тем выше уровень безвкусицы».

— Как давно? — спросил он.

— Как давно? А... вы имеете в виду... ну, лет двадцать пять — тридцать, что-то около того. С тех пор как я открыл в городе свое адвокатское бюро. Желаете сигару, господин комиссар?

— Спасибо, нет, — сказал Ван Вейтерен. — В каком состоянии были его дела?

— Его дела? Что вы имеете в виду?

— Я хочу знать о состоянии дел Эрнста Симмеля. Вы ведь его экономический консультант, как мы выяснили.

Адвокат Клингфорт откинулся в кресле, от чего его многочисленные подбородки опустились на грудь. «Налет ожирения», — подумал Ван Вейтерен.

— Его дела были в полном порядке.

— А завещание?

— Никакого завещания не существует. В нем не было необходимости. Грета и дети получают каждый свою долю, никаких особенностей.

— О какой сумме идет речь?

— Послушайте, комиссар Вейтерен...

— Ван Вейтерен.

— Ван Вейтерен. Я уже потратил на этот вопрос предостаточно времени с инспектором Кропке. Если вы воображаете, что я начну рассказывать все это еще раз только потому, что вы обладаете более высоким званием, то...

— То что? — прервал его Ван Вейтерен.

— То вы ошибаетесь.

— Благодарю, господин адвокат. Я уже понял, что здесь не все чисто, но мы разберемся в этом без вашего участия.

Эуген Клингфорт фыркнул и закурил сигару.

— Разрешите прояснить вам одну вещь, — проговорил он, выпустив пару облачков густого дыма. — Ни в делах Эрнста Симмеля, ни в его наследстве нет никаких отклонений от законности.

— Вы исключаете, что убийца мог руководствоваться мотивами экономического характера? — спросил Ван Вейтерен.

— Да.

— Но ведь существовали люди, которые задолжали ему денег?

— Разумеется, у него имелись должники. Но не такого сорта, как вы намекаете.

— На что я намекаю? — спросил Ван Вейтерен и отложил зубочистку на ручку кресла. — Расскажите!

Адвокат не ответил, но лицо его начало краснеть.

— Что вы думаете об убийстве? — спросил Ван Вейтерен.

— Маньяк, — мгновенно ответил Клингфорт. — Я это утверждал с самого начала. Хорошо бы вы поскорее поймали его, чтобы добропорядочные граждане могли снова смело прогуливаться по вечерам.

— Вы имели обыкновение вместе ходить к проституткам? — спросил Ван Вейтерен.

Вопрос прозвучал в момент затяжки и вызвал у адвоката приступ кашля — довольно мучительный, как показалось Ван Вейтерену. Адвокат проворно вскочил, насколько позво-

ляла его грузная фигура, и, пошатываясь, подошел к окну. Затем вернулся на место и отпил глоток минеральной воды из стакана.

— Что вы имеете в виду, черт побери? — прорычал он, придя в себя. — Это превышение служебных полномочий!

— То, что Симмель имел обыкновение бегать к проституткам, общеизвестный факт, — спокойно продолжил Ван Вейтерен. — Меня интересует, можете ли вы назвать их имена.

— Оставьте меня в покое...

— Ну уж нет. Пока нет. Сядьте и отвечайте на мои вопросы. К вашему сведению, идет расследование убийства, и я могу смело забрать вас в участок, если у меня появится такое желание. Не горячитесь, господин адвокат! Угрозы — это не ко мне.

Эуген Клингфорт замер. Его подбородки по-прежнему лежали на груди. «Он похож на больного моржа», — подумал Ван Вейтерен.

— Смотрите, пепел сыплется на ковер, — сказал он, смягчив голос. — Ну? Имена женщин.

— Я не... не имею никакого отношения к этой стороне жизни Симмеля, — проговорил адвокат, усаживаясь в кресло. — Он наверняка навещал кого-нибудь из... обычных... иногда. Уверен, что господин полицмейстер знает их всех поименно.

— Мне нужны те, которые неизвестны полиции, — возразил Ван Вейтерен. — У вас прочный брак, господин Клингфорт. Жена, дети, вилла... разве вы не понимаете, что я могу создать вам неприятности, если вы будете упорствовать?

Адвокат порылся в ящике письменного стола. Вытащил листок бумаги, что-то начеркал на нем и придвинул Ван Вейтерену.

— Но я могу гарантировать, что все это не имеет ни малейшего отношения к убийству... — он вытер каплю пота на виске, — ни малейшего.

«А я и не думал, что имеет,— подумал Ван Вейтерен, выходя на улицу. — Просто сторожевой собаке нужно напоминать о том, что она собака».

— Ну что, ты сегодня трезвый? — спросил Баусен и уселся, поставив поднос с кофе на стол.

— По понедельникам я всегда трезвый, — ответил Перховенс. — У меня ведь работа.

— Собирать тележки на парковке?

— Именно. Но в такие времена приходится браться за то, что дают.

Баусен протянул ему пачку сигарет, и Перховенс вытащил одну:

— Кофе и сигареты... Я всегда говорил, что с властью надо дружить.

— А не придумал ли ты всю эту историю, чтобы выгадать себе... кое-какие льготы? — проговорил Баусен и наклонился вперед, упираясь ладонями в стол.

Перховенс вздрогнул и занервничал:

— Нет-нет, разрази меня гром, господин комиссар! Мне бы и в голову не пришло лгать полиции! Я видел его так же отчетливо, как сейчас вижу вас, господин комиссар... шел от «Клармана»... в смысле, я сам... посидели там с Ваутерсом

и Эгоном Шмидтом, если вы их, конечно, знаете, господин комиссар...

Баусен кивнул:

— Рассказывай, что же ты видел.

— ...шел мимо книжного магазина, в смысле, по пути домой. Я живу в Пампасах, если комиссар знает...

— Знаю, — сказал Баусен.

— ...и вот поворачиваю я за угол, выхожу, стало быть, на Хойстрат... я, конечно, шел по левой стороне... и вижу фигуру, которая спешит вниз по лестнице. Он шел со стороны... ну да, со стороны «Голубого фрегата»... и очень торопился...

— Торопился?

— Ну да, он почти бежал вниз по лестнице...

— Опиши его! — велел Баусен.

— Ну, все произошло очень быстро... На нем были такой легкий плащ, немного развевавшийся при ходьбе, и шляпа, стало быть, с широкими полями и натянута так низко, что ни хрена не было видно... простите... я имел в виду, лица не было видно.

— Какого цвета плащ?

— Цвета? Коричневый или темно-синий... во всяком случае, довольно темный.

— А шляпа?

— Еще темнее... но не черная. Надо сказать, он прошел мимо меня очень быстро, да я тогда и не задумывался особо над этим... пока Кован не рассказал мне, что кто-то дал по башке Симмелю.

— Кован?

— Ковальский... Радон Ковальский, мой сосед снизу. Потрясающая личность!

— Когда ты узнал о случившемся?

— Когда узнал? Кажется, на следующий день... ну да, похоже на то... ближе к вечеру. Мы столкнулись с ним на лестнице, и он мне сообщил. «Ты слышал, что Палач зарубил Эрнста Симмеля?» — он так сказал.

— Однако ты пришел с заявлением в полицию только вчера. Почему? — строго проговорил Баусен.

Перховенс замолчал и уставился в чашку с кофе.

— Ну... это самое... я... — пробормотал он. — Не знаю... почему. Подумал, что все это вряд ли имеет значение... кроме того, я же был немного под мухой, но потом, как услышал по радио...

— Сколько ты выпил в тот вечер?

— Трудно сказать, — задумчиво проговорил Перховенс. — Трудно сказать. Я ведь просидел в баре несколько часов, так что немало... И потом... у Ваутерса была с собой записка...

— Понятно, — кивнул Баусен. — А ты не узнал бы этого человека, если бы снова встретил?

Перховенс пожал плечами.

— Кстати, как он выглядел? Высокий или низенький? Толстый или стройный?

— Ой, нет, этого я не успел разглядеть. Нечто среднее, как мне показалось. Нет-нет, я бы его не узнал...

Баусен снова кивнул и спросил:

— А шляпу и плащ? Тоже бы не узнал?

Перховенс заколебался и получил еще одну сигарету.

— Спасибо, — пробормотал он. — Нет... точно могу сказать, не узнал бы.

Баусен вздохнул и поднялся, провожая Перховенса. «Во всяком случае, парень не дурак, и понимает, что это опре-

деленный риск, — подумал он. — В смысле, быть единственным свидетелем, который своими глазами видел Палача».

— Мария Зельник? — спросила Беата Мёрк.

Женщина, полулежащая на красном диване, была на несколько лет моложе ее, и это вызвало двойственное чувство. С одной стороны, в Беате пробудилось нечто похожее на материнский инстинкт, но с другой — приходилось сдерживать желание развернуться и уйти: слишком сильно было отвращение.

Враждебность, кажется, была взаимной. Мария Зельник демонстративно положила ногу на ногу так, чтобы коротенькая кожаная юбчонка задралась как можно выше. Она курила и рассматривала свои ногти.

— Я хотела задать несколько вопросов...

— Пожалуйста.

— Вы занимаетесь проституцией?

— Среди прочего, да...

— А чем еще?

Ответа не последовало.

— Расскажите, пожалуйста, об Эрнсте Симмеле. Он ведь был одним из ваших клиентов, не так ли?

— Что вы хотите узнать?

— Интерес для следствия представляют всякие сведения. Например, в течение какого периода вы с ним... общались?

— Полгода примерно... с тех пор, как он вернулся.

— Как часто?

— Не очень. Раз в месяц, а то и реже... он чаще бегал к Кате.

— Кате Симоне?

— Да.

— Мы знаем... инспектор Кропке уже беседовал с ней.

— Я в курсе.

Она загасила сигарету в пепельнице и тут же закурила новую. «Какая гадость!» — подумала Беата Мёрк.

— Каким он был?

— Симмель? Как все толстосумы.

Беата нарисовала в своем блокноте толстый кошелек.

— Как он обычно связывался с вами?

Мария Зельник на мгновение задумалась.

— Обычно в тот же день. Никогда заранее не договаривался... звонил из кабака и спрашивал, можно ли зайти.

— А вы отвечали, что можно?

— Иногда — да.

Беата Мёрк мучительно искала, что бы еще такое спросить. Осознание, что на этот раз к допросу следовало подготовиться более тщательно, пришло слишком поздно.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Примерно за неделю до смерти.

— Каким он вам показался?

— Как обычно... похотлив, но быстро сгорает.

К своему ужасу, Беата почувствовала, что краснеет.

— Он имел обыкновение что-нибудь рассказывать вам?

— В смысле?

— Ну, о своей жизни... о семье, например. О своей жене...

— Никогда.

— Вы не спрашивали?

— С какой стати?

— И он... исправно платил?

Какой идиотский вопрос! Наверное, пора уходить, пока она не наломала дров...

— Естественно, платил. — Мария Зельник посмотрела на нее с насмешкой.

Беата с трудом взяла себя в руки:

— Вы не заметили ничего необычного? Чего-нибудь, что... могло бы иметь отношение к убийству? О чем нам необходимо знать?

— Например?

— Не знаю, — призналась Беата Мёрк. — Сколько ты берешь? — вырвалось вдруг у нее.

— По-разному.

— От чего это зависит?

— От того, как трахаться, само собой. Есть несколько вариантов, хотя, возможно, вы не очень в курсе, инспектор... кроме того, я работаю только с мужчинами.

«Ах ты говнючка! Радуйся, что я не наслала на тебя Баусена!»

Некоторое время Беата Мёрк сидела, пытаясь придумать еще какие-нибудь вопросы, которые можно было бы задать этой нахалке, но на ум ничего не шло.

— Спасибо за интересную беседу, — сказала она, поднимаясь. — Исключительно интересную. Не будь я при исполнении, меня, вероятно, вырвало бы на этот синтетический ковер.

Тем самым она, по ее собственному мнению, хотя бы частично восстановила порядок вещей.

13

В среду он позволил себе поспать подольше. Мог позволить себе такое удовольствие. Прошла неделя с тех пор, как он поставил точку в жизни Эрнста Симмеля, и пока ничего не указывало на то, что полиция взяла след. Абсолютно ничего.

Впрочем, примерно этого он и ожидал. Что с первыми двумя он справится без особых проблем, об этом он знал с самого начала. Однако с третьим ситуация приняла совсем иной оборот. Теперь все уже поняли, о чем речь. Это не однократное нападение, как они думали до убийства Эггерса. И жертва выбрана не наобум... действует человек, у которого в списке несколько имен.

Прежде чем справедливость будет восстановлена, голову сложат несколько человек. Во сне ему по-прежнему являлись образы, и, как он и ожидал, чаще всего ему снился третий. Тот, который еще жив и которому выпало быть третьим. Однако картинка получалась размытая; от него, этого третьего, не осталось в памяти четких воспоминаний. Разве что тот момент, когда он сидел на зеленом диване, с холодным взглядом и надменным лицом... молодой избалованный щенок из высших слоев, привыкший всегда выходить сухим из воды — по причине своего происхождения и положения в обществе. Там, где другие шли на дно, он всегда выплывал — в безукоризненно белой рубашке и с прической волосок к волоску... Этому сосунку было обеспечено мягкое приземление там, где любой другой разбился бы вдребезги. Черт побери, как он ненавидел эту самозваную аристократию! Этот третий хуже всех...

Сравнивая его с другими, он видел его имя, написанное огнем. В нем — корень зла. Самая большая вина лежит на нем, и ему — самая суровая кара. В том числе и поэтому дело требовало особо тщательной подготовки.

Надо как-то обозначить особую роль третьего... так, чтобы она стала очевидна всем — какая-нибудь яркая деталь, это входило в его планы с самого начала. Не ради других, они все равно не поймут... разве что придут в ужас... но ради самого себя.

И ради нее.

В первой половине дня он занимался практическими делами. Еще раз осмотрел свое оружие. Отполировал острие, пока оно не стало почти нереально острым... затем завернул его в тряпочку и спрятал в обычном месте. Спалил в камине плащ и шляпу — настало время переодеться в другой костюм. Затем он долго сидел за кухонным столом и курил, размышляя, как лучше поступить. Перебрав несколько вариантов, он решил выбрать немного артистичный способ. Да, это было связано с определенным риском, однако он убеждал себя, что риск все же минимален. Риск невелик, а с точки зрения сенсационности вариант, без сомнения, соблазнительный. Он ни на секунду не сомневался, что на этот раз станет героем дня и в теленовостях, и в газетах... во всяком случае, на один день... или на пару дней.

Странно, что он начал размышлять таким образом. Изначально он был движим совсем иными соображениями, но, наверное, прав был тот, кто сказал: «На миру и смерть красна». Разве главное — не сама борьба? Действие, игра...

Или он все же чего-то недопонял? Так или иначе, то, что происходит, приобрело несколько иной оттенок, которого он

заранее не мог предугадать... и никак не рассчитывал. Неожиданно все это стало щекотать ему нервы, манить соблазнами, не имеющими никакого отношения к исходной проблеме.

К жизни. К смерти.

К необходимости.

Вечером он отправился побродить. Отчасти для того, чтобы осмотреться на месте, где ему предстояло действовать, отчасти — чтобы удовлетворить смутную потребность пройтись по городу. Своему городу.

Кальбринген... Маленький городок, примостившийся на полпути между равнинными просторами и высоким восточным побережьем. Округлая бухта, мыс, словно показывающий палец открытому морю, вход в порт с пирсами и волнорезами, гавань с роскошными яхтами, трущимися боком о мостки...

Он долго просидел на горе у руин церкви Святого Ханса; слушая крики чаек, он смотрел вниз на улицы, площади и цепочки домов. Церкви: Бунге, Святой Анны и Святого Петера, медные кровли и красный кирпич... Оба отеля, поставленные спиной к суше, грудью к морю: «Сее Варф» и старый «Бендикс», городской парк, врезающийся в застройку, как зеленый клин, виллы и коттеджи в Риккене и Вердингене. С другой стороны едва различимые в вечерних сумерках многоэтажки в Пампасах, Врейсбакк и промышленная зона за рекой — все как на ладони.

Его Кальбринген...

Он вдруг остро почувствовал, что давно не испытывал такого прочного единения со своим городом, как сейчас. Возможно, в этом смысл и утешение... Он — Палач. Под ним —

город, который он держит железной хваткой. Там, внизу, люди по вечерам ходят теперь только группками или сидят дома. Его тяжелая тень легла на город. Если в стране и произносили название городка, то только благодаря ему...

Именно это и оказалось для него неожиданностью. От его истинных целей это было так далеко... И от мотива.

Может, она была бы против? Нет, вряд ли. Возможно, она бы даже немного порадовалась.

Бригитте. Битте...

Только когда внизу начали зажигаться огни, он осознал, что его накрыла тьма. Засунув руки в карманы, он медленно побрел обратно в сторону города, размышляя о временных рамках. На это дело он дал себе два дня, не больше. Завтра вечером или послезавтра. Ритм тоже важен.

Надо следовать внутреннему голосу.

14

— Некая связь все же есть, — сказала Беата Мёрк, — но за нее трудно зацепиться.

— Какая же? — спросил Кропке, не отрывая взгляда от экрана компьютера.

— И Эггерс, и Симмель появились в городе недавно... ну, Симмель вернулся после долгого отсутствия. Но, к примеру, год назад ни одного из них в городе не было.

Ван Вейтерен, сидевший в оконной нише, сложил газету и встал.

— Когда появился Эггерс? — спросил он. — В мае или...

— Скорее в начале апреля... хотя поначалу он ездил туда-сюда. Симмель въехал в свой дом в феврале.

— И какие ты из этого делаешь выводы? — спросил Кропке.

— Никаких, — ответила Беата Мёрк. — Просто подумала, что это стоит взять на заметку.

Ван Вейтерен тщетно рылся в карманах в поисках зубочистки.

— Возможно, неплохая идея, — пробормотал он себе под нос. — Пожалуй, нанесу один визит...

«Визит? — подумал Кропке, когда за комиссаром захлопнулась дверь. — Что за визит, черт побери?»

По дороге Ван Вейтерен заглянул в кабинет Баусена, который разбирал содержимое ящичков письменного стола.

— Сжигаешь мостки?

— Да. Не хочу оставить после себя ничего компрометирующего. Кропке иногда бывает таким дотошным.

— Никаких новых идей?

Баусен покачал головой.

— Прошло девять дней, — сказал он. — Говорят, если не раскроешь преступление за две недели, то уже не раскроешь его никогда.

— Ну, тогда у нас еще вагон времени, — кивнул Ван Вейтерен. — Ты беседовал с этим Мандрэйном?

— Мандрэйн? А, ну да... а что?

— Просто у меня возникла одна мыслишка... Насколько я помню, реванш за мной?

— Милости прошу, — улыбнулся Баусен. — примени нимцо-индийскую защиту, и выигрыш тебе обеспечен.

— Я принесу с собой бутылочку. Не хочу больше расходовать твой пенсионный запас.

Баусен развел руками:

— Ну, если вы настаиваете, господин комиссар...

Ван Вейтерен откашлялся и позвонил в дверной звонок.

«Если я буду ходить и допрашивать людей наобум, — подумал он, — то рано или поздно наткнусь на Палача».

Если, конечно, это кто-то из местных — Баусен с некоторым нажимом утверждал, что это именно так... Встретившись с Палачом лицом к лицу, он наверняка догадается, кто перед ним. Именно так обычно и бывало, и в этом его главное преимущество — в способности уловить, что перед ним преступник. Его интуиция сродни женской, и она редко подводила его.

Почти никогда...

Он еще раз нажал на кнопку. В глубине дома послышались шаги, и за полупрозрачным стеклом двери возникла фигура.

— Минуточку!

Дверь открылась. Судя по всему, доктор Мандрэйн прервал свой полуденный сон. А может, был занят любовными делами. Черные волосы взъерошены, халат небрежно запахнут, босые ступни переминаются на мраморном бордовом полу.

«Тридцать пять лет, — наскоро оценил Ван Вейтерен. — Процветающий врач, отец семейства. Умные глаза. Не особенно увлекается спортом, немного сутулится. Близорук?»

Он поднес свое удостоверение к самому носу доктора:

— Комиссар Ван Вейтерен. Можете уделить мне десять минут?

— А в чем дело? — Мандрэйн провел рукой по волосам и потуже затянул пояс халата.

— Убийство, — сказал Ван Вейтерен.

— Что-что? Ах, да... — пробормотал Мандрэйн и закашлялся. — Опять Палач? Жуткая история. Проходите, пожалуйста.

Войдя в высокое помещение, облицованное белыми деревянными панелями, Ван Вейтерен огляделся. Огромное панорамное окно выходило в сад, на нетронутый газон. В косых лучах солнца танцевали пылинки... Когда-нибудь этом доме станет по-настоящему красиво.

— Сами строите?

Мандрэйн кивнул:

— Во всяком случае, покраска и обустройство на мне. Как видите, работа еще не закончена, но жить можно. Прошлой ночью совсем не спал: красил потолки. Поэтому сейчас позволил себе прилечь. Сегодня у меня ночное дежурство в больнице. Что вас интересует? Я ведь уже разговаривал с другим полицейским... на прошлой неделе...

— С комиссаром Баусеном, да-да. Я хотел бы получить кое-какую дополнительную информацию.

Мандрэйн указал рукой, и Ван Вейтерен опустился на один из двух стульев, находившихся в комнате.

— Так вы снимали виллу Симмеля, пока он находился в Испании, не так ли? — начал он. — Кажется, с восемьдесят восьмого года, верно?

— Да, с августа восемьдесят восьмого. Мы одновременно устроились на работу в больницу. Катрин и я... это моя жена. Оба только что закончили учебу и еще не знали, захотим ли остаться здесь. Поэтому предпочли снимать виллу, вместо того чтобы покупать или строить.

— Дети у вас есть?

— Двое... они в садике, — добавил он извиняющимся тоном. — У Катрин сегодня дежурство. Желаете чего-нибудь?

Ван Вейтерен покачал головой.

— И теперь вы решили остаться?

— Да. Нам здесь очень нравится. Правда, мы рассчитывали пожить в доме Симмелей еще полгода.

— Они вернулись раньше, чем ожидалось?

— Ну да. То есть... на самом деле вообще не предполагалось, что они вернутся, нам было сказано, что дом в нашем распоряжении на пять лет. Думаю, он собирался продать его, когда они обустроятся на новом месте.

— Где именно?

— Где? В Испании, само собой.

— У вас есть адрес Симмеля в Испании?

— Не-ет. Все необходимые контакты осуществлялись через адвоката Клиффорта. А почему вы спрашиваете?

Вместо ответа Ван Вейтерен продолжил расспросы:

— Каково ваше впечатление о чете Симмелей?

Некоторое время Мандрэйн смотрел в окно.

— Это останется между нами? — спросил он.

— Да.

— Не самое приятное, должен сказать. Не то чтобы они кому-то желали зла, просто несимпатичные люди... несколько заносчивые. Богатые и вульгарные. Никакой утонченности или вкуса. Особенно он, конечно.

— Почему они решили вернуться?

Мандрэйн пожал плечами:

— Понятия не имею. В начале декабря они сообщили, что возвращаются и хотели бы въехать на виллу первого февраля. Отвратительная манера — нет, чтобы предупре-

дить заранее, но мы не стали с ними ссориться. К этому времени мы уже купили участок, так что взялись срочно строить дом.

Ван Вейтерен размышлял.

— У вас есть какие-нибудь собственные соображения о поводе того, почему Эрнста Симмеля убили?

«Если он ответит „маньяк“ или „понятия не имею“, я услышу это в пятидесятый, наверное, раз», — подумал он.

Мандрэйн помедлил, массируя мочку уха.

— Есть, — неожиданно прозвучал ответ. — Я много над этим думал. Мне кажется, есть кто-то, кто просто не мог смириться с его возвращением. Он был порядочной сволочью, комиссар. Настоящей сволочью.

«Надо же!» — подумал Ван Вейтерен.

В гостиницу он решил пойти кружным путем. Резко ощущалась потребность в движении, возможно, даже в беге... Что ж, такое и раньше бывало, ничего удивительного.

Выбрать дорогу, по которой он не ходил раньше, оказалось нетрудно. Ван Вейтерен побродил по новым районам и пригородам и через некоторое время оказался на скале, откуда хорошо просматривался город.

Постояв немного, он пошел вдоль узкой полоски леса на восток, в сторону ресторана, о котором говорил Баусен. В лицо ему дул ветер, он заложил руки за спину и почувствовал прилив сил. Некоторые деревья уже сбрасывали листву после засушливого лета, и внезапно ему показалось... какое-то предзнаменование... знак. Да-да, конечно, всего лишь игра воображения, но интуиция — того же сорта.

У руин монастыря комиссар долго сидел, куря сигарету и обдумывая вопросы, пока еще не сформулированные точно. Услышав вдалеке собачий лай, он поднялся и стал спускаться по выдолбленным ступенькам в скале... скользким, предательским ступенькам.

«Идеальное место для несчастного случая», — подумалось ему.

Спуск окончился у кладбища. Церковь Святого Петера, если он правильно запомнил. Захоронения располагались прямо у моря. Площадку, видимо, выровняли и устроили террасы — давно уже, как только место определили под кладбище, — и некоторое время он пытался представить, что творится внизу, в зыбкой намытой земле со всеми ее полостями. Над могилами он внезапно разглядел силуэт «Сее Варф» и на этот раз решил пойти кратчайшим путем.

Ван Вейтерен двинулся зигзагом по тщательно подметенным дорожкам кладбища. В глаза бросались то годы, то имена на надгробиях. Выход был уже близко. Пройдя еще несколько метров, он положил ладонь на засов калитки с другой стороны и вдруг увидел... мощную спину комиссара Баусена, стоявшего с опущенной головой возле одной из могил.

Что он говорил? Два года назад?

Ван Вейтерен не мог понять, что делает комиссар, — возможно, молится, хотя вряд ли. В его фигуре было нечто торжественное и спокойное... почти возвышенное, и на мгновение Ван Вейтерен ощутил легкий укол зависти. Он не стал выказывать свое присутствие — оставил комиссара наедине с могилой.

«Как я могу завидовать человеку, который скорбит о своей жене? — подумал он, выходя за калитку. — Иногда сам себе удивляюсь».

В отеле Ван Вейтерен улегся на кровать и закинул ноги на деревянную спинку. Он лежал и смотрел в потолок, не находя себе никакого другого занятия, кроме как курить и думать, думать....

Курение снова вошло в привычку — как всегда, когда дело шло туго. Когда расследование не шло по той колее, которую он подготовил или по которой желал двигаться. Когда все застревало на мертвой точке... и озарение не наступало.

И все ж на этот раз было не так.

Он вспомнил о правиле двух недель, о котором говорил Баусен. Если так, то у них в запасе еще пять дней. Сам он провел в Кальбрингене уже неделю, но, пытаясь просуммировать свой вклад в расследование, неизбежно приходил к неприятно круглой цифре ноль.

Ноль. Ни-че-го...

«Я не собираюсь ждать еще пять дней! — решил он. — В воскресенье уеду домой. Пусть Хиллер пошлет кого-нибудь другого. Рота, или де Бриса, или кого ему заблагорассудится. Во всяком случае, мое пребывание здесь никому нечего не дает.

Живу в гостинице. Попиваю вино полицмейстера и проигрываю в шахматы. И это знаменитый комиссар Ван Вейтерен!

«Единственное, — сказал он сам себе, — что могло бы сдвинуть дело с мертвой точки, — это то, на что намекал Баусен несколько дней назад».

Он делает это еще раз... Палач.

Не самая благородная надежда со стороны приглашенного эксперта. Пусть зарубит еще одного, тогда мы его точно повяжем!

Но все же... все же его не покидало странное предчувствие. Что не стоит торопить события. Надо выждать. Гребаное дело разрешится, и это произойдет вопреки всем правилам — и никто, в том числе и он сам, не в состоянии на это повлиять...

Пройдя несколько кругов в своих размышлениях и выкурив не то четвертую, не то пятую сигарету, Ван Вейтерен залез в ванну. Там он течение часа размышлял над развитием партии при использовании русской или ниццо-индийской зашиты. Уж тут речь шла о вещах куда более конкретных, но и в этом случае он так и не пришел ни к какому определенному решению.

15

Когда Беатрис Линкс припарковала машину на Лейснер-алле, часы на башне Бунгескирке пробили одиннадцать вечера. Прогуляв последнее заседание конференции, она просидела за рулем с четырех часов и теперь в своих мечтах видела только три картинки:

бокал красного вина,
горячую ванну
и Мориса.

Подняв глаза на окна квартиры в третьем этаже, она отметила, что в кухне горит свет, и сделала вывод, что Морис ждет ее. Правда, ей так и не удалось дозвониться, пока ехала

сюда, но ведь Морис знает, что она вернется сегодня вечером... Наверняка открыл бутылочку вина, а может, приготовил горячие бутерброды. Колечки лука, шампиньоны, листья свежего базилика и сыр...

Она достала из багажника свои сумки и пересекла улицу. Тело затекло после многочасового сидения за рулем, но нетерпение заставляло ее двигаться быстро... ей так хотелось поскорее войти.

Беатрис Линкс не подозревала, что лампа в кухне горела уже более суток и что Морис и впрямь находился дома, но совсем не в том состоянии, в каком она желала бы его видеть.

Ее не ждали горячие бутерброды. И никто не выставил на стол бутылочку вина... а от горячей ванны ее отделяли еще многие часы. Когда она наконец опустится в воду, это будет происходить в ванной комнате у соседей, и сама она будет пребывать в таком состоянии, которое ей сейчас и представить было невозможно.

Дверь оказалась не заперта. Нажав на ручку, Беатрис вошла.

Позднее многие недоумевали по поводу ее поведения. В том числе и она сама. Правда, в такой ситуации любое поведение можно было считать нормальным, однако вопросы все же оставались...

Она зажгла свет в холле. Несколько секунд смотрела на Мориса, затем схватила сумку, которую успела поставить на пол, и, пятясь, снова вышла на лестницу. Оказавшись на улице, она на мгновение заколебалась, но потом перешла улицу и уселась обратно в машину.

Сидела в ней, сжимая руками руль, и пыталась сдвинуть тяжелый камень забвения, чтобы закрыть им отверстие в сознании. Ей хотелось повернуть колесо времени вспять, всего на несколько часов... вернуться к состоянию счастливого неведения... сладкая обыденность... дорога, редкие встречные машины, свет прожекторов, звуки вальдштейновской сонаты, льющиеся из колонок стереосистемы, дождь, стучащий в лобовое стекло, мятные конфеты в пакете на пустом сиденье рядом с ней... радостное ожидание возвращения.

Она ничего не видела. Еще не заходила в квартиру. Она просто сидит и отдыхает. Прежде чем подняться к Морису... к бутербродам и вину, к своему мягкому красному халату, дивану с подушечками и пледами, струнному квартету Гайдна, горящим свечам в высоких подсвечниках от «Патмос»... она просто сидит и ждет...

Двумя часами позже Беатрис наконец опустила боковое стекло машины. В салон проник холодный ночной воздух, залетели капли морозящего дождя, а с ними — реальность. Во второй раз она взяла свои сумки и пересекла улицу. На этот раз — не глядя на окна квартиры. Знала, что ее там ждет — только Морис, и ничего больше.

В десять минут второго она позвонила в полицию и сообщила, что Палач нашел еще одну жертву.

УАСМБ II

10-24 сентября

16

— Слон у тебя не на месте, — сказал Баусен.

— Вижу, — буркнул Ван Вейтерен.

— Лучше бы ты пошел на F6. В нынешней ситуации он у тебя заперт. Почему ты не выбрал нимцо-индийскую комбинацию, как я тебе советовал?

— Никогда не понимал ее до конца, — пробормотал Ван Вейтерен. — В русской больше динамики.

— Да уж, динамика, — усмехнулся Баусен. — Только пробивать брешь в собственной обороне. Сдаешься?

— Нет, — сказал Ван Вейтерен. — Я еще пока не побежден... — Он посмотрел на часы: — Боже мой, почти четверть второго!

— Ничего страшного. Ночь всегда рождает день.

— У тебя, если разобраться, нет никакого численного преимущества...

— При такой позиции это необязательно. Через три-четыре хода пешка на линии H выйдет в ферзи.

Зазвонил телефон, и Баусен направился в дом.

— Какого черта? — проворчал он. — Кто еще звонит в такое время?

Ван Вейтерен наклонился к столу, изучая позицию на доске. Никаких сомнений, Баусен совершенно прав — положение безнадежное. Черные могли навязать ему обмен ладьей и центральными пешками, а далее на линии Н путь оставался совершенно свободным. Его последний слон стоял без движения, дорогу ему перекрывала собственная пешка на королевском фланге. Плохая игра, чертовски плохая игра... Он мог смириться с поражением, играя черными, но разыгрывая русский дебют белыми... Тут ему не было никаких оправданий. Просто никаких.

Баусен выбежал из дома.

— Бросай эти глупости! — крикнул он. — Он снова сделал это!

Ван Вейтерен вскочил:

— Когда?

— Не знаю. Сигнал получен пять минут назад. Пошли, черт побери, надо торопиться! — Он двинулся к калитке, но вдруг остановился: — Ах ты, черт! Ключи от машины!

— Ты что, собираешься сесть за руль? — удивился Ван Вейтерен. — Ты же выпил не меньше литра!

Баусен заколебался.

— Пойдем пешком, — решил он. — Это в нескольких сотнях метров отсюда.

— Понеслись! — кивнул Ван Вейтерен.

Первым на место преступления на Лейснер-алле прибыл полицейский ассистент Банг, и всего за несколько минут ему

удалось перебудить весь дом. Когда из-за угла появились Баусен и Ван Вейтерен, во всех окнах горел свет, и на лестнице собралась толпа.

Но Банг предусмотрел это — он закрыл собой дверной проем так, что не было никакого риска случайного проникновения на место происшествия.

Баусен начал с соседей — вежливо, но решительно он отправлял их по квартирам. Ван Вейтерен занялся молодой женщиной, которая сидела на полу у ног ассистента и дрожала всем телом. Судя по всему, именно она обнаружила тело и позвонила в полицию.

— Меня зовут Ван Вейтерен, — представился он. — Вам дать воды?

Она отрицательно покачала головой. Он взял ее руки и отметил, что они холодны как лед и трясутся.

— Как ваше имя?

— Беатрис Линкс. Мы живем вместе. Его зовут Морис Рюме.

— Знаем, — откликнулся Баусен, к тому моменту уже разобравшийся с жильцами. — Вы можете пойти пока к госпоже Клаусевитц, она даст вам горячего чаю.

Из-за его спины выглянула пухленькая женщина.

— Иди сюда, Беатрис, моя дорогая! — позвала она, разворачивая желтое одеяло, чтобы накинуть его на плечи молодой женщины. — Тетушка Анна позаботится о тебе.

Фрёкен Линкс поднялась и послушно проследовала за соседкой нетвердой походкой.

— В людях есть доброта, — проговорил Баусен. — Об этом не следует забывать. Посмотрим? Я велел Бангу никого не подпускать.

Ван Вейтерен слотнул и заглянул в дверной проем.
— Вот чертовщина! — сказал комиссар Баусен.

Тело Мориса Рюме лежало у самой двери, и на первый взгляд казалось, что в нем не осталось ни капли крови. Напольное покрытие холла размером в четыре-пять квадратных метров было настолько пропитано кровью, что определить его исходный цвет не представлялось возможным. Полицейские замерли на пороге.

— Надо дождаться криминалистов, — сказал Ван Вейтерен.

— Там следы, — указал Баусен.

— Вижу.

— Удар примерно такой же...

Похоже, так и было. Рюме лежал на животе, руки оказались под телом, словно он упал лицом вперед, не успев на них опереться. Голова была соединена с шеей, но и на этот раз почти что слетела с плеч. Голова была повернута набок, широко открытые глаза уставились в одну точку на уровне колен полицмейстера Баусена. В крови были остатки пищи... здесь же виднелся державшийся на ниточке кусок мяса, который, по догадке Ван Вейтерена, являлся языком покойного.

— Похоже, он успел полежать, — сказал Баусен. — Чувствуешь запах?

— Не менее суток, — откликнулся Ван Вейтерен. — Скоро приедут криминалисты?

— Думаю, минут через пять, — ответил Баусен, взглянув на часы. — Во всяком случае, похоже, я был прав насчет орудия...

Да, действительно... В отношении Мориса Рюме убийца не ограничился одним взмахом... после смертельного удара по шее он нанес еще один, по пояснице, где и оставил свое орудие.

Сидело оно прочно. Короткая рукоять топора торчала вверх, напоминая гротескный перевернутый фаллос, а та часть острия, которая была видна, наводила на мысль, что топор именно такой, каким представляли его себе Баусен и Мэритц.

Неширокое длинное лезвие. Оружие мясника — высочайшего качества.

— Тьфу, черт! — снова проговорил Баусен. — Ты в состоянии стоять и смотреть на такое?

— Нет, — ответил Ван Вейтерен.

17

Шоссе казалось бесконечным. Бесконечным и однообразно серым. Правда, до поворота на Боккенхейм и Кальбринген оставалось не более шестидесяти километров, однако ему хотелось прокрутить ближайшие полчаса своей жизни на приличной скорости. Сидеть за рулем, преодолевая километр за километром, минуту за минутой, было тягостно. Усталость темным облаком давила на веки. Темным предательским облаком...

Он поднялся еще до рассвета. Сюнн и дети спали, когда он выехал из дому. После вчерашней ссоры он решил не будить ее. Уже выезжая задним ходом из гаража, он осознал, что поступил неправильно.

Впрочем, вполне вероятно, что она поступила так же... только притворялась спящей, пока он тихо ходил по комнате, собирая вещи. Откуда ему знать?

Во всяком случае, он решил позвонить, как только прибудет на место. Все эти недомолвки и невысказанные упреки — это просто невыносимо! У них с Сюнн такого быть не может.

Другие пусть живут, как хотят, но они — никогда! Обо всем можно поговорить начистоту, в этом они всегда были едиными. Он и его красавица Сюнн...

Возможно, она в чем-то права. Возможно, он все же имел право сказать «нет».

— Они обнаружили еще один труп там, в Кальбрингене, — сказал Хиллер. — ВВ нужен кто-нибудь, на ком можно отвести душу, иначе он не раскроет это дело. Тебе придется поехать туда, Мюнстер!

Он не нашелся что возразить. В этом-то и заключалась главная проблема. Мог бы привести хоть какие-нибудь контраргументы. Ведь есть еще три равных ему криминалиста — Рейнхарт, Рот и Стауф, все трое — бессемейные. Хиллер мог послать любого из них.

Однако он выбрал Мюнстера.

А тот взял под козырек, глазом не моргнув. Даже не подумав, что ему придется разлучиться с Сюнн и детьми... на сколько? Ответа на этот вопрос никто не знал. На несколько дней? На неделю? На больший срок? Пока этого Палача не засадят за решетку?

Когда он уже сказал «да», отказываться было как-то неудобно, с этим Сюнн в конце концов согласилась, однако ему следовало подумать об этом с самого начала. На том они и расстались вчера вечером, обиженные друг на друга. Сюнн пошла и легла, а еще долго сидел один... и, конечно, понимал, что она права. Сейчас он прекрасно осознавал это, сидя в самом мрачном расположении духа за рулем и мчась на полной скорости по невыносимо серой бессмысленной дороге.

«Я не хочу уезжать от нее, — думал он. — Я хочу ехать к ней. Не удаляться, а приближаться».

Тот факт, что, скорее всего, сам Ван Вейтерен пожелал видеть рядом с собой именно его, в другой ситуации польстил бы его самолюбию, но при сложившихся обстоятельствах это мало утешало.

«Я хороший полицейский, знаю, — подумал он. — Мне бы еще стать таким же хорошим мужем и отцом».

Это звучало несколько патетично, и он достал из кармана платок, чтобы высморкаться.

«Боккенгейм, Кальбринген, 49» — значилось на дорожном указателе. Еще десять километров остались позади.

Отель «Сее Варф» он разыскал без всякого труда, ему даже не понадобилось останавливаться и спрашивать дорогу. Комиссар Ван Вейтерен вышел, сообщили ему, но на его имя зарезервирован номер. По соседству с комиссаром. А что, его приезд связан с новым чудовищным убийством?

Он признался, что так оно и есть, взял свой чемодан и поспешил вверх по лестнице.

Едва войдя в номер, Мюнстер схватился за телефон. Ему пришлось ждать невыносимо долго, прежде чем коммутатор открыл ему линию, но когда зазвучали сигналы, он с удивлением заметил, что сердце забилось чаще... почти как в подростковые годы, когда он звонил рыжей Марии, дочери аптекаря, чтобы спросить, что задано по французскому. Как странно! Иди здесь нечто другое?

Трубку снял Барт. Мамы нет дома. Нет, он не знает, куда она пошла и когда вернется, они с тетей Алисой... А когда папа вернется?

— Как только смогу, — ответил он. — Передай привет Марике и маме. Скажи маме, что я позвоню позже и что я люблю ее.

— Как глупо! — констатировал его шестилетний сын и положил трубку.

Мюнстер вздохнул, но на душе полегчало. «Пора кидаться в огонь, — подумал он. — Однако от меня было бы куда больше проку, если бы мне удалось сперва поспать пару часиков в объятиях жены».

18

— Закройте, пожалуйста, дверь, Мосер, и будем начинать, — сказал Баусен.

Кропке включил проектор.

— Думаю, будет проще, если мы постараемся восстановить ход событий — насколько это возможно... чтобы сделать обзор текущей ситуации и одновременно ввести в курс дела интендента¹ Мюнстера.

— Спасибо, — пробормотал Мюнстер.

— Итак, убитый — некий Морис Рюме, — продолжил Баусен. — Тридцати одного года от роду, врач местной больницы со специализацией «ортопедия и травмы позвоночника». Проработал там с марта. Для наших гостей, — он кивнул в сторону Ван Вейтерена и Мюнстера, — хочу подчеркнуть, что фамилия Рюме хорошо известна в городе. Не так ли, Кропке?

— Жан-Клод Рюме — главврач больницы, — сказал Кропке. — Кроме того, у него частная клиника в доме на горе. И его нередко приглашают в медицинское управление в качестве эксперта. Морис — один из двух его сыновей. Второй находится в пансионате Седдона в Киркенау... неизлечимо болен после несчастного случая, произошедшего с ним в детстве.

¹ Чин в шведской полиции, на ранг ниже комиссара.

— Что за несчастный случай? — спросил Мюнстер, а Ван Вейтерен сделал отметку в своем блокноте.

— Упал вниз головой с кафедры в церкви Святого Петра, — пояснила Беата Мёрк. — Прямо о каменный пол — с высоты четырех метров. Это даже я знаю... часть местного фольклора, если так можно выразиться.

— Гм... — произнес Баусен. — Морис Рюме был обнаружен мертвым в своей квартире по адресу Лейснер-алле, дом номер шесть, его сожительницей Беатрис Линкс... тридцати лет от роду, она психолог, работает как раз в Киркенау...

— Даже так? — проговорил Ван Вейтерен.

Баусен сделал небольшую паузу, но продолжения со стороны комиссара не последовало.

— Фрёкен Линкс обнаружила его около двадцати трех часов в четверг вечером, то есть позавчера, когда вернулась домой после трехдневной конференции в Киле. Судя по всему, женщина была в состоянии шока... вышла на улицу, села в машину и просидела там два часа, прежде чем позвонить нам. Банг, дежуривший в участке, получил сигнал в ноль один одиннадцать.

— Так точно, — подтвердил Банг.

— Мы с Ван Вейтереном прибыли на место в двадцать минут второго и констатировали, что наш старый друг Палач нанес очередной удар... не желаете продолжить, господин комиссар?

— Хорошо, — кивнул Ван Вейтерен и вынул изо рта зубочистку. — На мой взгляд, в данном случае самый большой интерес представляет орудие убийства. Им по-прежнему занимаются эксперты, но тот факт, что преступник оставил его на месте преступления, указывает, что он выполнил свою мис-

сию и не собирается больше сносить головы. Так или иначе, оружие у него чертовски эффективное — удобное, легкое и невероятно острое.

— Таким топориком и ребенок мог бы убить, — вставил Баусен.

— Рюме пролежал в холле уже довольно долго, когда мы прибыли на место, — сказал Ван Вейтерен. — Что там у вас за спиной, ассистент Банг, не коробка ли с булочками?

— Мосер, сходите, пожалуйста, и распорядитесь насчет кофе, — сказал Баусен, и ассистент послушно вышел.

Банг открыл коробку и шумно вдохнул запах булочек.

— Свеженькие, — констатировал он.

— Ну вот, — вернулся к своей речи Ван Вейтерен. — Хотя Мэритц еще не сказал своего последнего слова, мы можем исходить из того, что смерть наступила примерно за двадцать четыре часа до нашего появления на месте преступления.

— В среду поздно вечером, — вставил Баусен. — Думаю, мы можем пока ориентироваться на это. Кроме того, у нас есть этот свидетель...

— Господин Мун, — проговорила Беата Мёрк. — Должна сказать, что он производит впечатление человека в ясном уме... несмотря на все обстоятельства.

— Давайте начнем с технических данных, — сказал Баусен. — Кроекке, ты связался с лабораторией?

Мосер вернулся с подносом и начал передавать чашки по кругу.

— Они пока не закончили... в смысле, с орудием убийства. Все следы на полу, в крови, принадлежат, судя по всему, фрёкен Линкс. Отпечатки подошв, следы от сумок... никаких следов, которые не принадлежали бы ей или убитому, обнару-

жить не удалось. Что касается орудия, то это специальный топорик для разделки туш, сделанный, судя по всему, несколько лет назад. На нем не оказалось названия фирмы-производителя — по всей видимости, владелец сточил его, — но, если повезет, нам все же удастся установить происхождение... через несколько дней, по предварительным оценкам.

— Почему же, черт побери, он оставил его на месте преступления? — воскликнул Баусен. — Кто мне объяснит?

— Спесь, — сказала Беата Мёрк. — Он хочет показать, что умнее нас... что мы все равно никогда его не поймаем.

— Вероятно, так и есть, — проговорил Ван Вейтерен, и Мюнстер не смог определить, с какой частью утверждения инспектора Мёрк он согласился.

— Еще немного фактических сведений, прежде чем мы пустимся в догадки, — произнес Баусен. — Как все произошло, комиссар?

— Удар нанесен сверху под углом, во всяком случае, с большой степенью вероятности, — сказал Ван Вейтерен. — Острие прошло примерно так же, как и в предыдущих случаях... и с тем же результатом. Смерть наступила мгновенно.

— Сверху? — переспросил Кропке. — Разве не странно? Ведь там нет никаких признаков драки или сопротивления, если я правильно понял.

Баусен и Ван Вейтерен переглянулись. Баусен откашлялся и подался вперед:

— Мы с комиссаром предполагаем, что это могло произойти следующим образом... судите сами! Раз — убийца звонит в дверь. Два — Рюме идет и открывает. Три — он узнает убийцу и приглашает его пройти. Четыре — убийца переступает порог и роняет на пол какой-нибудь предмет...

— Бумажку, монетки или что угодно другое, — вставил Ван Вейтерен.

— ...пять — Рюме наклоняется, чтобы поднять ее, и шесть — убийца наносит удар!

За столом воцарилась тишина. Слышалось только настойчивое чавканье ассистента Банга. Инспектор Кропке, ослабив узел галстука, с сомнением покачал головой.

— Здорово, — проговорила наконец Беата Мёрк. — Думаю, вы совершенно правы... Но только не монетку. Она могла покатиться не в том направлении.

— Точно, — согласился Ван Вейтерен. — Монетка не подходит. Но, так или иначе, он успел поднять этот предмет, прежде чем уйти.

— И воткнуть топор, — добавил Баусен. — Похоже, он не особенно торопился.

— А на него самого кровь не попала? — спросил Мосер.

— Возможно, но дальше он ее не разнес, — ответил Баусен. — Ни на лестнице, ни где-либо еще следов крови нет...

— Гм... — пробормотал Ван Вейтерен. — Очень профессиональный тип, как я погляжу, однако не уверен, что нам следует полагаться на то, что Рюме узнал его. Существует множество других альтернатив...

— Он мог заставить его встать на колени под угрозой пистолета, — предположила Беата Мёрк.

— Да, мог, — кивнул Ван Вейтерен.

— Теперь свидетель, — произнес Баусен. — Давайте подробно проанализируем показания господина Муна. Здесь мы не должны ошибиться — это чертовски принципиально для успеха дела.

— Несомненно, — согласился Ван Вейтерен.

— Мы побеседовали с ним — и я, и инспектор Мёрк, — продолжил Баусен, — но с различными результатами, мягко говоря... Итак, его зовут Александер Мун, он живет в квартире, расположенной непосредственно над квартирой Рюме и Линкс. Он утверждает, что наблюдал человека, который вошел в подъезд дома около одиннадцати часов вечера в среду и вышел почти бегом пятнадцатью минутами спустя. В течение всего этого периода Мун сидел за кухонным столом и смотрел в окно на парк Лейснера и аллею... в ожидании новостей, которые передают в одиннадцать, а потом слушая их.

— Нет никаких оснований подвергать это сомнениям, — сказала Беата Мёрк. — Сидеть на этом месте и слушать новости — часть его ежевечернего ритуала. Похоже, он проделывал это каждый день в последние тридцать лет...

— До семьдесят второго года новостей в одиннадцать вечера не передавали, — сообщил Кропке.

— Неужели? — переспросил Ван Вейтерен. — Впрочем, это вряд ли имеет большое значение в данной связи. Давайте послушаем его описание неизвестного мужчины. Это, естественно, самое интересное. Сначала Баусен!

— Я беседовал с ним в ту же ночь, — сказал полицмейстер. — Он проснулся по той же причине, что и остальные жильцы дома, хм... — В сторону Банга, который был по-прежнему занят булочками, полетел свирепый взгляд. — И не смог снова заснуть. В половине четвертого он стоял на лестнице в халате и в тапочках и настаивал на том, что хочет дать свидетельские показания...

— Ему девяносто четыре года, — пояснила Беата Мёрк Мюнстеру.

— Так или иначе, — продолжал Баусен, — он утверждает, что наблюдал мужчину, который появился со стороны парка и вошел в подъезд.

— А домофон? — спросил Мюнстер.

— Сломался пару дней назад, — ответил Кропке.

— Стало быть, вошел в подъезд. Он был высокий и стройный, одет в спортивный костюм, темный со светлыми вставками, а в руках держал пакет или тюк... в конце концов он остановился на слове «тюк». Лица свидетель не успел разглядеть, так как оно все время находилось в тени, но у него сложилось впечатление, что у неизвестного были борода и довольно длинные волосы. Итак, прошло около четверти часа, когда этот тип снова вышел и быстрым шагом направился в парк. Вот, пожалуйста, и все, но мне потребовалось не менее получаса, чтобы вытянуть из него эти сведения.

— А тюк? — спросил Кропке. — На обратном пути у него не было тюка?

— Этого Мун не помнит. В целом он сомневался по поводу каждой детали, в том числе по поводу даты... но когда мы начали соотносить его слова с тем, что передавали в новостях, то пришли к выводу, что речь все же шла о среде. Ну, и вопрос в том, действительно ли он видел убийцу. Я сильно в этом сомневаюсь.

— Даже если это и был наш Палач, нам все это мало что дает, — проговорил Ван Вейтерен. — Пожалуйста, инспектор Мёрк.

— Ну-у... — протянула Беата Мёрк, посасывая карандаш, — даже не знаю, что сказать. Я разговаривала с ним сегодня утром. Поначалу мне показалось, что он несколько рассеян, но когда мы добрались до главной темы, сознание у ста-

рика прояснилось... кажется, так у них обычно бывает? Они лучше помнят отдельные детали, чем целое... У моего отца первые проявления ранней деменции, так что я могу немного сравнивать.

— Да-да, — проговорил Кропке. — И что он тебе рассказал?

— Поначалу то же самое, что и комиссару. Временной интервал совпадает, тюк тоже фигурирует... зато словесный портрет совершенно иной.

— И что же на этот раз? — спросил Мосер.

— На этот раз незнакомец оказался маленьким и плотным... то есть даже толстым. Спортивный костюм остался без изменений, а вот волос он вообще не разглядел, поскольку на незнакомце была вязаная шапка, натянутая на уши.

— Ты напомнила ему о его предыдущих показаниях? — поинтересовался Кропке.

— Да, но он не очень помнит, что он тогда сказал. Все это происходило среди ночи, он был уставший. Да, боюсь, что вы правы, господин комиссар, большой пользы нам от него не будет.

— Что не мешает нам повнимательнее присматриваться к вечерним бегунам с тюками или без оных, — сказал Ван Вейтерен. — Как к высоким, так и к низеньким. Кстати, Мэритцу еще не установил момент смерти... посмотрим, когда это произошло — во время программы новостей или нет. Когда речь шла о Симмеле, он определил с точностью до минут, не забудьте об этом!

Разломив зубочистку пополам, он бросил долгий взгляд на пачку сигарет, лежавшую на столе перед Баусеном.

— Хорошо, — проговорил Баусен. — У кого какие соображения? Всем предлагается высказать свое мнение. После

обеда обсудим дальнейшие стратегии, а сейчас — без регламента. Ну, что скажете?

Банг рыгнул. Кропке удостоил его взглядом, дающим довольно ясное представление о том, какая жизнь ожидает ассистента, когда эпоха Баусена уйдет в прошлое... конечно, если на его место назначат Кропке. Ван Вейтерен откинулся назад, так что стул под ним затрещал. Мюнстер вздохнул.

— Одно, во всяком случае, ясно, — произнесла инспектор Мёрк. — В том, что касается мотива. Морис Рюме — третья жертва Палача и третий человек, недавно переехавший в Кальбринген. Только не говорите мне, что это ничего не означает.

19

Все началось многообещающе, но через десять минут вошло в привычную колею. Счет 5:1 в пользу комиссара сменился ничьей 6:6, затем последовало 7:10, после чего вернулось к привычному 9:15. В последующих сетах подвижность Мюнстера и точность броска обеспечили ему полную победу. Его резкие удары в угол, перемежающиеся с высокими подачами, заканчивались обычным триумфом. Все было как всегда... возможно, что и комиссар, несколько злоупотреблявший в последние дни сигаретами и вином, был не совсем в форме. После сетов, завершившихся со счетом 6:15, 8:15 и 5:15, он счел, что на сегодня достаточно, и они уступили площадку двум подросткам, которые уже давно сидели и наблюдали за ними с многозначительными ухмылками.

— В этом зале плохое освещение, — проворчал Ван Вейтерен, пока они шли к раздевалке.

— Отвратительное, — согласился Мюнстер.

- И пол неудачный. Ноги все время скользят.
- Именно, — кивнул Мюнстер.
- К тому же тяжело играть ракетками, взятыми напрокат.
- Просто бессмысленно, — сказал Мюнстер.
- Хотя завтра попробуем еще, — решил Ван Вейтерен. — Нам нужно поддерживать себя в форме, чтобы найти разгадку в этом деле.
- Да, наверное, — согласился Мюнстер.

Ресторан отеля был почти пуст, когда они устроились за столиком у окна. Только Крэйкшанк с Мюллером сидели чуть в стороне, на этот раз в компании двух телевизионщиков с шестого канала. Ван Вейтерен поговорил со всеми четверьмя на пресс-конференции двумя часами ранее, и теперь ни один из них не предпринимал попыток нарушить его покой.

— Кажется, местные рестораны скоро дружно обанкротятся, — констатировал Ван Вейтерен, оглядываясь. — У людей плохо с логикой. Последнее убийство произошло дома у жертвы... я имею в виду Рюме.

Мюнстер кивнул.

— Сдается мне, что это очень странная история, — проговорил Ван Вейтерен и от души положил себе салату. — Кстати, у них тут отличная рыба, особенно камбала, если ты любитель.

— Странная — в каком смысле? — вежливо переспросил Мюнстер.

— Черт его знает, — сказал Ван Вейтерен, не переставая жевать. — Просто у меня возникло какое-то предчувствие, а я обычно полагаюсь на свои чувства.

Мюнстер прижался лбом к стеклу, чтобы отражения не мешали смотреть. Море за окном казалось темным и бурным. Уже в первой половине дня погода изменилась, с северо-востока налетели плотные тучи, то и дело начинал лить дождь. Яхты у причала подсакивали на высоких волнах, и у Мюнстера внезапно возникло ощущение, что природа в ярости, что это протест стихии против человеческих дел и поступков... убийц, разгуливающих на свободе, и многого другого.

Или все это касается его отношений с Сюнн? Ему пока так и не удалось поговорить с ней, и он испытывал нарастающее раздражение по поводу самодовольных наблюдений комиссара. Однако опыт подсказывал, что все идет как обычно, и он надеялся, что все уладится, лишь бы ему удалось до нее дозвониться. Весьма эгоистично, мягко говоря, сидеть и переживать по поводу собственной личной жизни, когда от него ожидается, что он всю ставит ловушки на Палача... или маньяка с топором — какое там название у них принято в обороте на данный момент...

— Никак не получается разобраться с мотивами, — проговорил Ван Вейтерен. — Думаю, у него были веские причины на то, чтобы пойти и отрубить головы троим...

— Вы не верите в версию о маньяке, господин комиссар?

— Ни на секунду, — ответил Ван Вейтерен. — Напротив, я уверен, что это тщательно спланированные деяния. Он намеревался лишиться жизни именно этих троих... Эггерса, Симмея и Рюме... и он это сделал. Мы не найдем его, пока не выясним мотив, Мюнстер! Мотив!

— А других кандидатур в списке нет?

Комиссар отхлебнул пива и посмотрел на море.

— Черт его знает, — повторил он. — Надо нам сесть и подумать над этим. Есть несколько различных вариантов, так что мы должны решить, что для нас приоритетно.

— Какие варианты? — из чувства долга спросил Мюнстер.

— Хм... навскидку я могу назвать только два, — задумчиво проговорил Ван Вейтерен. — Первый — что между жертвами существует четкая и очевидная связь... и поэтому у Палача были весомые причины убить именно этих троих. На сегодняшний день мы пока не знаем, что это за связь, но может оказаться, что, как только мы ее обнаружим, все остальное станет яснее ясного. Он окажется у нас в кулаке.

Мюнстер кивнул.

— Идея Мёрк?

— Точно, — подтвердил Ван Вейтерен. — Пока это единственное, до чего мы додумались. Все трое переехали в Кальбринген в этом году, это неоспоримый факт. Конечно, может оказаться случайным совпадением, однако я так не думаю. Тут что-то можно нащупать, но что нам это дает?

— Ничего особенного, — ответил Мюнстер.

— Вот именно, — вздохнул Ван Вейтерен. — Нужно еще что-то. Хотя может оказаться и так, что между ними нет ничего общего, кроме отношений с убийцей. Мне кажется, местная полиция должна найти, где собака зарыта, раньше нас. Но если связь только такого рода, то тогда... это будет означать...

— ...что мы все поймем, только когда найдем его, — договорил Мюнстер. — А до того — ничего.

— А до того — ни черта, — уточнил Ван Вейтерен. — Ты возьмешь десерт или только кофе?

— Только кофе, — ответил Мюнстер.

* * *

— Ну что ж, нам остается работать и ждать, пока все произойдет своим чередом, — проговорил Мюнстер, стараясь скрыть свое нетерпение. — Рано или поздно мы на что-нибудь да наткнемся. Или он убьет еще кого-нибудь. Кстати, сколько в городе вновь прибывших? Возможно, он интересуется всеми.

— По словам Баусена, в этом году сюда перебрались около пятидесяти человек. Однако давайте будем надеяться, что мотив несколько более специфичен. Слава богу, что газеты пока не раздули тезис Мёрк. Организовать круглосуточную охрану всех новичков было бы непростой задачей... вполне хватит той паники, которую мы уже имеем. Нет, раскройте это дело как можно скорее, Мюнстер! Я хочу домой.

«А я-то как хочу», — подумал Мюнстер. Некоторое время он лелеял мысль предложить вахтовый метод... чтобы Рейнхарт и Рот приехали и сменили их, но эта идея не показалась ему реалистичной. Нет, пожалуй, придется в ближайшее время считать себя жителем Кальбрингена, и если только ему удастся переговорить с Сюнн, то он сможет смириться с некоторыми неудобствами своего положения.

— А второй вариант? — вспомнил он.

— Это самое... — проговорил Ван Вейтерен и почесал в затылке. — Что все это просто-напросто блеф. Убийство по схеме АВС... читал о таких?

Мюнстер покачала головой.

— Убийца совершает серию деяний с целью закамуфлировать, что на самом деле его интересует только одна жертва. Он убивает их в алфавитном порядке, но только жертва под буквой С имеет значение... с его точки зрения.

— Так-так, — проговорил Мюнстер. — В этом случае Эггерс и Симмель — всего лишь отвлекающий маневр, так сказать, для отвода глаз? А нужен ему один Рюме? Оригинально.

— Главным героем могут с таким же успехом оказаться Эггерс или Симмель, не забывай об этом! И тогда все получается еще оригинальнее.

— Что он продолжил убивать потом — для прикрытия? Нет, мне кажется, это немислимо с психологической точки зрения.

— Не то чтобы немислимо, просто чуть менее вероятно, — сказал Ван Вейтерен. — Кроме того, все может быть затеяно ради шестого или тринадцатого... хотя мне кажется, что все это не похоже на модель АВС.

— А что же это тогда? — рискнул спросить Мюнстер после долгого молчания.

Ван Вейтерен задумчиво помешал в кофе зубочисткой.

— Убийца, — проговорил он, — самый обычный житель этого городка, у которого были серьезные причины отправить к праотцам Хайнца Эггерса, Эрнста Симмеля и Мориса Рюме. Все мужчины, все недавно переехавшие.

«Отлично, — подумал Мюнстер. — Свежая мысль».

— И сколько же кандидатов у нас набирается?

— Я подсчитал, — ответил Ван Вейтерен. — Если отнять женщин...

— А мы можем их отнять?

— Нет, — ответил Ван Вейтерен, — но я все же позволил себе это сделать. Как и стариков и детей, что тоже не совсем правильно. В этом случае нам остается проверить примерно пятнадцать тысяч человек.

— Великолепно, — усмехнулся Мюнстер. — Стало быть, попросим всех жителей мужского пола в возрасте от пятнадцати до семидесяти пяти лет прийти в участок и представить алиби?

— Вот-вот, — ответил Ван Вейтерен. — Думаю, Кропке с удовольствием занесет их в свой компьютер. Как раз к Рождеству закончит.

— Неплохо было бы найти более короткий путь.

— Вот его-то мы и должны найти, — сказал Ван Вейтерен и допил свой кофе. — Ради этого мы здесь.

— А-а... — проговорил Мюнстер. — А я как раз думал — зачем?

— Как ты думаешь, на кого нам сделать упор? — спросил комиссар, когда Мюнстер уже стоял, положив руку на ручку двери.

— В смысле?

— Ну, даже если это не модель АВС, все равно было бы приятнее вынести парочку убийств за скобки. Сосредоточиться на одном из них, словно других и не было... чтобы не рассеивать внимание. Если мы раскроем одно, то раскроем все. Убьем трех зайцев...

Мюнстер кивнул.

— В таком случае предлагаю Мориса Рюме, — сказал он. — Глупо копать в старых трупах, если есть свеженький.

— Полностью совпадает с моим мнением, — воскликнул Ван Вейтерен. — Вы далеко пойдете, господин интендент!

— Сейчас меня вполне устроит, если я хотя бы дойду до кровати, — проговорил Мюнстер. — Спокойной ночи, господин комиссар!

20

Проснувшись, Беата Мёрк первым делом спустилась к киоску, чтобы купить газету. Это был ее воскресный ритуал, и в обычных случаях она успевала вернуться в квартиру, прежде чем закипал чайник. Но сегодня поход за газетой занял в четыре раза больше времени. Госпожа Соренсен остановила ее у дверей, чтобы рассказать, как она встревожена. Господин Маркович изложил ей с балкона свое видение ситуации, а госпожа де Мар, торгующая в киоске, отказывалась продавать газеты, пока она не расскажет, как продвигается расследование. Недавно переехавшая в их дом семья, пара с двумя маленькими плаксивыми детьми, подключилась к разговору о компетентности полиции и обязанности защищать обычных добропорядочных граждан. В конце концов ей удалось вырваться, но только со ссылкой на важные допросы, которые ей предстояли во второй половине дня.

— Допросы? Правда? — усмехнулся портье Гэртце, появившийся из ниоткуда. — Ну, это уже что-то. А когда вы рассчитываете найти следующую жертву?

В его голосе звучала злобная ирония. С другой стороны, старик Гэртце никогда не говорил никому доброго слова, напомнила она себе. С тех пор, как кто-то сжег несколько лет назад его крольчатник на дачном участке. Строго говоря, его можно было понять. В его мире добро попросту проиграло битву со злом. Не было никаких оснований ждать чего-то иного, кроме неприятностей и людской подлости... во всяком случае, это позволяло избежать новых разочарований.

Возможно, не самая бесплодная точка зрения — особенно для одинокого старика с простатитом, катарактой и слабым зрением.

Но если ты женщина в самом расцвете лет, следует, наверное, стремиться к более адекватному восприятию мира.

«Старый хрен», — подумала Беата и заперла за собой дверь.

Газеты демонстрировали полное единодушие. Два с половиной месяца прошло со дня первого убийства, двенадцать дней — с момента второго, и три — с момента последнего... настало время полиции, по крайней мере, перестать играть в молчанку. Какие имеются улики? По каким версиям ведется работа? Есть ли конкретные подозреваемые? Общественность имеет право знать.

Однако критика звучала не столь сурово, как на улице у киоска. Доверие к Баусену и двум приезжим экспертам оставалось непоколебимым. Видимо, полицмейстеру удалось в очередной раз поставить на место журналистов во время вчерашней пресс-конференции.

Зато на страницах всех, без исключения, изданий цвели пышным цветом догадки и предположения.

Кто же на самом деле этот ужасный преступник?

Маньяк? Психопат? Или самый обычный житель Кальбрингена — с женой, детьми и обустроенной жизнью?

Последний вариант, конечно, казался журналистам наиболее привлекательным... что это мог оказаться кто угодно! Человек, сидящий напротив тебя в автобусе. Тот, с кем перекинулся парой слов в очереди на почте. Кто-нибудь из временных учителей в гимназии... Целый ряд психологов самого разного пошиба высказывались по этому поводу; в своем воскресном приложении одна из газет сделала подборку похожих случаев, по большей части иностранных и достаточно давних, — убийца из Ниццы, Гюнтер Кац, убийца с косой из Вермстена, Эрни Фишер, расчленивший женщин в Чикаго

в тридцатые годы, а также Бостонский душитель и прочие заслуженные деятели преступного мира.

В отсутствие четкой информации со стороны руководства следствия страницы заполнялись предсказаниями и пророчествами. На первых страницах в «Нэве Блатт» представлялась так называемая «парковая теория», основанная на том факте, что в двух случаях из трех (Симмель и Рюме) преступник, по всей вероятности, вышел из парка Лейснера и, стало быть, его надо искать где-то в окрестностях этого парка. Готъен в «ден Пост» писал, что «нарастание темпов, вне сомнений, указывает на появление очередной жертвы уже в начале будущей недели, не позднее вторника — среды», а в «Телеграаф» можно было прочесть о наиболее эффективных способах защиты от убийцы с топором, а также предсказание пророчицы Ивонны, что следующей жертвой Палача станет мужчина сорока двух лет от роду, работающий в строительстве.

Беата Мёрк вдохнула.

Наконец, газета «де Журнаал», собственный голос Кальбрингена в медийном мире, естественно, посвятила убийствам самый большой объем — целых восемнадцать страниц из тридцати двух. Общее тревожное настроение в городе лучше всего отражалось в заголовке на первой странице — аршинные буквы, словно сообщение о начале войны:

КТО СТАНЕТ СЛЕДУЮЩЕЙ ЖЕРТВОЙ?

Беата бросила газеты на пол, откинулась на подушки и закрыла глаза.

Более всего на свете ей хотелось сейчас натянуть на себя одеяло и снова заснуть.

Однако часы показывали одиннадцать. Самое время для пробежки. Три километра на запад вдоль моря, а потом четыре-пять обратно по дорожке через лес. Погода была по-прежнему ветреная, но дождя не намечалось. По пути туда ветер будет дуть ей в спину, это самое главное. В лесу ей будет уже все равно, там ветер не ощущается.

— Что ты делаешь?! Не бегай одна по лесу! — велела ей мама во вчерашнем разговоре по телефону. — Не рассчитывай на то, что женщины его не интересуют! И то, что ты полицейский, тебе ни капельки не поможет.

Если бы эти слова произнес кто-то другой, она, пожалуй, была бы готова к ним прислушаться, но теперь... Еще много лет назад она выработала в себе умение обращаться с маминскими советами по принципу «в одно ухо влетает, в другое вылетает». И если она вспомнила эти ее слова именно сейчас, то лишь потому, что ей захотелось найти хоть какой-нибудь повод уклониться от пробежки.

Прислушаться к сигналам организма, остаться в постели, поваляться еще пару часиков... Нет уж, черт подбери!

Пятнадцать минут спустя она уже была одета и готова стартовать. Застегнула молнию спортивной куртки до самого подбородка и стянула волосы в хвост красной резинкой.

Посмотрела на себя в зеркало. Ничего.

Не боюсь ни бога, ни черта.

Ни грозы, ни ветра, ни маньяков с топорами.

Сумерки подкрались внезапно. Упали, как занавес, прямо перед глазами, и, когда она вернулась в квартиру, было уже совсем темно, хотя часы показывали всего семь. Тело болело от усталости. Два часа пробежки с последующей растяжкой,

а затем четырехчасовое совещание на работе... обсуждение того, как действовать дальше и как распределить обязанности... конечно, это не могло не сказаться. Кто мог ожидать другого — даже женщина в расцвете сил?

Однако она не пожелала просто рухнуть в кровать. Несмотря на внутреннее сопротивление, приготовила ужин из омлета, овощей и сыра. Поела, вымыла посуду и поставила вариться кофе. Два часа за рабочим столом в спокойной обстановке — вот что ей сейчас более всего необходимо. Два часа наедине с собой в окружении тишины и темноты, создающей уютный купол вокруг ее мыслей... вокруг блокнотов, записей и размышлений, потому что именно в такие вечерние часы она в конце концов и придет к разгадке. Только здесь, за письменным столом, в напряженных раздумьях полицейский инспектор Беата Мёрк вычислит, идентифицирует и переиграет Палача!

И если не сегодня, то, по крайней мере, в скорейшем будущем.

Есть ли в стране еще хоть один полицейский, считающий свою работу столь же романтической? Вряд ли. Как бы там ни было, существовало еще одно правило, от которого она неохотно отступала, хотя и не помнила, откуда его взяла: если в течение дня тебе не удалось хоть немного позаниматься любимым делом, то этот день потерянный.

Вот уж что правда, то правда.

Треугольник выглядел, как никогда, эффектно. Три имени, по одному в каждом углу: Эггерс — Симмель — Рюме. И вопросительный знак в центре.

Вопросительный знак, за которым скрывалось имя убийцы... это имя останется в памяти народной на века... Во всяком слу-

чае, среди жителей Кальбрингена. Потому что людей, совершивших чудовищные преступления, не забывают. Государственные деятели, художники, знаменитые артисты — всех покрывает сумрак забвения, но имя убийцы будут помнить всегда.

Три жертвы. Трое мужчин, недавно приехавших в город. Настолько не похожих, насколько это только возможно. Существуют ли более далекие друг от друга крайности?

Опустившийся наркоман, не вылезающий из тюрем.

Хорошо устроившийся, процветающий, но не слишком симпатичный предприниматель.

Молодой врач, сын одного из самых влиятельных людей города.

И чем больше Беата Мёрк смотрела на эти имена и в свои заметки, тем яснее становилось, что появление третьей жертвы никак не прояснило ситуацию.

Напротив. Похоже, в данном случае чем больше, тем хуже.

В половине одиннадцатого она обнаружила, что глаза закрываются сами собой. Беата погасила настольную лампу, почистила зубы и залезла в постель.

Завтра ей снова предстоит работать. Завтра будет новый день. Терпеливое перемалывание вопросов и ответов, вопросов и ответов... однако не это ли в конце концов даст результат, приведет к желанной цели? Из сонма различных сведений, протоколов, диктофонных записей в конце концов должна выкристаллизоваться одна точка, достигнув которой можно будет задать самый главный из самых важных вопросов.

Кто он?

И различить вдали ответ.

Но с каким удовольствием она увидела бы сейчас во сне лицо убийцы... контур за контуром, черту за чертой. Как хоте-

лось бы ей, чтобы ночная мгла прорисовала его портрет, который можно было бы положить завтра на стол полицмейстеру.

Краткий путь. Виадук, переброшенный через бесконечную следственную работу.

Как бы хотелось...

21

Жан-Клод Рюме полностью соответствовал типажу. Широкоплечий мужчина лет шестидесяти с роскошной гривой седых волос и умным, но совершенно неподвижным лицом. «Нечто среднее между человеком и монументом, — подумал Ван Вейтерен. — Или это скорбь заставила его окаменеть?»

Рюме принял его в своем кабинете, сидя за большим письменным столом темного дерева со вставками красного и цвета охры. Он поднялся в полный рост, чтобы поприветствовать вошедшего.

— Извините меня, господин комиссар. После несчастья я стал плохо спать. Прошу вас, садитесь. Желаете чего-нибудь выпить?

Голос у него был сочный и глубокий.

— стакан минеральной воды, — произнес Ван Вейтерен. — Если это вас не сильно затруднит. Соболезную вашему горю, доктор Рюме.

Доктор отдал указания по внутреннему телефону, и через полминуты в кабинете появилась темнокожая девушка с двумя бутылками на подносе.

— Благодарю, что вы дали мне эти несколько дней, — сказал Рюме. — Теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Ван Вейтерен кивнул.

— Я буду краток, доктор, — проговорил он. — Я хочу задать всего лишь пару уточняющих вопросов, но перед тем я хотел бы попросить вас... убедительнейшим образом... призвать на помощь весь ваш интеллект и интуицию, чтобы помочь в розыске. Лично я предпочитаю рассматривать убийство вашего сына как отдельный случай, в отрыве от двух других.

— Почему?

— По разным причинам, в первую очередь чисто техническим. Гораздо легче сосредоточиться на чем-то одном.

— Понимаю.

— Если у вас есть хоть какие-нибудь мысли по поводу того, каковы могли быть мотивы... кому понадобилось убрать с дороги вашего сына, прошу вас, не колеблясь, сообщить нам. Вы можете связаться со мной в любое время суток. Возможно, вы уже сейчас хотели бы что-нибудь сказать?

— Нет... нет, совершенно ничего.

— Понимаю, что горе парализует, но если вы что-нибудь вспомните, то...

— Разумеется, господин комиссар, но уверяю вас... однако же у вас были ко мне какие-то вопросы, не так ли?

Ван Вейтерен отпил глоток минеральной воды. Порылся в кармане, ища зубочистку, но потом решил воздержаться.

— Как бы вы описали отношения между вами и вашим сыном?

Доктор Рюме отреагировал, на миллиметр приподняв бровь. И это было все.

— Благодарю, — сказал Ван Вейтерен. — Я все понял.

Он молча нарисовал в своем блокноте какие-то непонятные закорючки, не желая нарушать паузу.

— Нет, — проговорил наконец доктор. — Вряд ли вы понимаете. У нас с Морисом были отношения, построенные на глубоком взаимном уважении.

— Я как раз только что это отметил, — сказал Ван Вейтерен. — Вы женаты, доктор Рюме?

— Развелся двенадцать лет назад.

— Значит, вашему сыну было тогда девятнадцать лет?

— Да. Мы ждали, когда он покинет отчий дом. Разъехались в тот же месяц, когда он начал учебу в Арлахе.

— И с тех пор он проживал в Арлахе, верно?

— Да, пока не поступил на работу в больницу в марте этого года.

— Понимаю, — проговорил Ван Вейтерен.

Он поднялся и начал ходить по кабинету, заложив руки за спину. Остановился возле книжной полки, внимательно рассмотрел корешки нескольких книг, подошел к окну, посмотрел на ухоженный газон и подстриженные кусты.

Доктор Рюме бросил взгляд на часы и кашлянул.

— У меня пациент через двадцать минут, — сказал он. — Может быть, вы перейдете к остальным вопросам, господин комиссар, если они у вас есть?

— Когда вы в последний раз были у него на Лейснералле?

— Я никогда там не бывал, — ответил Рюме.

— Ваше мнение о Беатрис Линкс?

— Хорошее. Она заходила ко мне пару раз... без Мориса.

— В качестве посыльного?

Доктор Рюме не ответил.

— Ваш сын начал изучать медицину в восемьдесят втором году... одиннадцать лет назад. Когда он получил диплом врача?

— Два года назад.

— Девять лет? Довольно большой срок, не правда ли, доктор Рюме?

— Знаю примеры, когда люди учились еще дольше.

— А сколько лет понадобилось вам, чтобы получить медицинское образование?

— Пять.

— Есть ли особые причины в случае с Морисом?

Доктор Рюме заколебался, но лишь на мгновение.

— Да, — ответил он.

— Если вы не возражаете, я хотел бы услышать какие.

— Злоупотребление кокаином, — проговорил доктор Рюме и сжал руки на столе.

Ван Вейтерен кивнул и снова сделал пометку в блокноте.

— Когда оно прекратилось?

— Мне стало известно об этом в восемьдесят четвертом году. Два года спустя с кокаином было покончено.

— Правовые последствия?

Доктор покачал головой:

— Нет, ничего такого.

— Понимаю, — кивнул Ван Вейтерен. — Все удалось уладить.

Рюме не ответил.

— А это место в больнице — довольно привлекательное, насколько я понимаю, — его тоже удалось... устроить?

Рюме поднялся:

— Это ваши слова, а не мои. Не забудьте об этом.

— С памятью у меня все в порядке, — сказал Ван Вейтерен.

— Благодарю, господин комиссар. Боюсь, мое время истекло, и я больше не смогу ответить на ваши вопросы.

— Ничего страшного, — ответил Ван Вейтерен. — Вопросов больше нет.

— Я пришел, чтобы поговорить о вашем сыне, — начал Баусен. — Морисе.

— Он умер, — сказала Элизабет Рюме.

Баусен кивнул и взял ее под руку:

— Вам нравится гулять в парке?

— Я люблю листья, — ответила госпожа Рюме. — Особенно когда они уже опали с деревьев. Но пока они еще крепко держатся на ветках... на дворе сентябрь, не так ли?

— Да, — проговорил Баусен. — Вы часто встречались с Морисом?

— С Морисом? Нет, не очень часто. Так, иногда... но она, Беатрис, часто приходит ко мне с цветами и фруктами. Как вы думаете, она не перестанет навещать меня теперь, когда...

— Уверен, не перестанет, — сказал Баусен.

— Иногда мне бывает одиноко. Конечно, я предпочитаю быть одной, но так приятно, когда кто-нибудь приходит... как ни странно, мне особенно приятно потом. Я имею в виду — когда кто-то навещал меня и ушел. Я чувствую себя в таком радостном возбуждении... меня переполняют чувства... это трудно объяснить.

— Когда вы видели Мориса в последний раз?

Элизабет Рюме остановилась и сняла очки.

— Мне нужно протереть их, — сказала она. — Я стала плохо видеть. У вас есть платок?

— К сожалению, нет, — ответил Баусен.

Она снова надела очки.

— Когда вы в последний раз видели Мориса? — повторил свой вопрос Баусен.

— Трудно сказать. Вы что, полицейский?

— Моя фамилия Баусен. Я полицмейстер здесь, в Кальбрингене. Вы не узнаете меня?

— О да, узнаю! — воскликнула Элизабет Рюме. — Вас зовут Баусен.

Он осторожно повернул ее, и они двинулись обратно в сторону желтого павильона.

— Здесь так красиво, — сказал он.

— Да, — откликнулась она. — Особенно когда опадут листья.

— А ваш второй сын... Пьер?

— Он болен. Никогда не поправится. Что-то произошло с ним в церкви — разве вы не знаете?

— Знаю, — проговорил Баусен.

— Я давно его не видела, — проговорила она задумчиво. — Может быть, теперь он сможет стать врачом... вместо Мориса? Как вы думаете, это можно как-то устроить?

— Все может быть, — ответил Баусен.

Им навстречу уже шла медсестра в белой шапочке.

— Спасибо за беседу, — сказал он. — Я передам Беатрис, чтобы она навестила вас на следующей неделе.

— Спасибо, — проговорила Элизабет Рюме. — С вами было приятно прогуляться. Надеюсь, мое общество не было вам в тягость.

— Вовсе нет, — заверил ее Баусен. — Вовсе нет.

«Доктор Рюме и все его благородное семейство», — подумал он, идя в сторону парковки и выколачивая на ходу трубку.

22

— Пойдем пешком, — сказала Беата Мёрк. — Какой смысл садиться в машину, чтобы проехать восемьсот метров.

Когда он шел по улицам Кальбрингена рядом с этой женщиной-полицейским, он вдруг снова подумал о дочери аптекаря, Марии. Эта мысль лишь промелькнула в мозгу, и Мюнстер даже не стал спрашивать себя почему. Два телефонных разговора с Сюнн, конечно, не могли все исправить, но дело пошло в нужном направлении... да, все станет как раньше, только бы ему выбраться отсюда. Только бы ему снова встретиться с ней, и как можно скорее.

Все так просто.

Волосы у инспектора были не рыжие. Скорее наоборот. Темно-каштановые, почти черные. Он старался не соприкасаться с ней плечами, пока они шли рядом... эта задача поддерживать почтительное расстояние потребовала немалой концентрации внимания, и, когда они наконец пришли, он очень смутно помнил, что она говорила по дороге.

«Думаю, я мало что потерял, — утешил он себя. — Наверняка она просто называла улицы, по которым мы проходили...»

Однако вся эта ситуация удивила его. Душевный баланс был утрачен, тревога не покидала, и игнорировать ее не получалось. Не самое лучшее состояние для работы детектива. Заноза на душе. Что с ним происходит, черт побери?

— Вот дом, — сказала она. — Вот там подъезд... Парк Лейснера через дорогу, как видишь.

Мюнстер кивнул.

— Ну что, зайдем? — спросил он с важным видом.

— А как же? — удивилась она.

Беатрис Линкс поприветствовала их и улыбнулась слабой улыбкой. На полу в холле появился новый ковер, как заметил Мюнстер. От крови не осталось и следа, но он догадывался, что под ковром, на деревянных досках, ее предостаточно.

«Кровь не уничтожить, — говаривал Рейнхарт. — Ее просто накрывают». Кажется, он добавлял еще что-то про Одиссея, который вымыл руки в море, но что именно — Мюнстер не мог вспомнить.

Бледный дневной свет падал в гостиную через высокие окна, и в таком освещении хрупкость Беатрис стала особенно заметна. Держалась она собранно, выглядела неплохо, но оболочка была тонка. «Как лед, намерзший за одну ночь», — подумал он и понадеялся в душе, что инспектор Мёрк не растопчет его.

Задним числом он понял, что его опасения были напрасными. Инспектор прекрасно вела допрос. Она держала все нити в руках и не давала ситуации ни на секунду выйти из-под контроля. Они не обсуждали заранее, как поделят обязанности, но по мере того, как разговор продолжался, по мере того, как пустели и снова наполнялись чайные чашки и исчезало с блюда невзрачное печенье (по всей видимости, наспех купленное фрёкен Линкс в ближайшем магазине), его уважение к коллеге росло.

Сам он не смог бы провести этот допрос лучше, а выпавшая ему роль оказалась приятной и неутомительной — си-

деть в уголке дивана, время от времени вставляя свои вопросы.

Как раз в меру. Похоже, дело было не только в ее волосах и ее внешности. Ко всему прочему она, похоже, очень толковый полицейский.

— Как давно вы с Морисом были вместе?

— Не очень давно...

Беатрис Линкс убрала с лица прядь волос. Справа налево, повторяющимся жестом.

— Пару лет?

— Мы встретились в сентябре восемьдесят восьмого. Стали жить вместе примерно год спустя.

— То есть четыре года?

— Да.

«Не очень долго?» — с удивлением подумал Мюнстер.

— Вы родились в Арлахе?

— Нет, в Гейнтце, но я жила в Арлахе с двенадцати лет.

— Однако с Морисом вы познакомились только в восемьдесят восьмом. К тому моменту он прожил там уже... шесть лет, если я не ошибаюсь?

— Арлах — не маленький город, инспектор, — проговорила Беатрис Линкс со слабой улыбкой. — Не такой, как Кальбринген. Хотя, конечно, мы наверняка видели друг друга пару раз в толпе. Кстати, мы с ним говорили об этом.

— Вам известно, как он жил в те годы, которые предшествовали вашей встрече?

Она заколебалась.

— Да, — проговорила она наконец. — Кое-что мне известно. Но мы никогда не говорили об этом. Ему было неприятно вспоминать. К тому же это все уже осталось в прошлом.

— Понимаю. Никаких старых друзей, оставшихся с тех пор? Я имею в виду — с которыми он поддерживал бы отношения.

— Их немного.

— Но некоторые все же остались?

Беатрис Линкс задумалась.

— Двое.

— Если вам не трудно, дайте нам, пожалуйста, их имена.

— Прямо сейчас?

— Да, если можно.

Она протянула свой блокнот, и Фрёкен Линкс поспешно написала пару строк.

— Телефоны тоже?

Беата Мёрк кивнула.

Фрёкен Линкс ушла в другую комнату и вернулась с записной книжкой.

— Спасибо, — проговорила Беата, получив обратно свой блокнот. — Вам неприятно, что мы ворошим прошлое?

— Вы делаете свое дело, насколько я понимаю.

— Почему вы переехали в Кальбринген?

— Ну... — Беатрис Линкс снова немного заколебалась. — Морис поначалу был настроен весьма отрицательно. Не знаю, известно ли вам про его отношения с Жан-Клодом, его отцом.

Беата Мёрк кивнула.

— В конце концов я его уговорила, как это ни печально. Разумеется, речь шла о работе, — надеюсь, вы понимаете. Две вакансии были выставлены одновременно, даже в один и тот же день, и мне показалось... что это знак. Хотя Морис не был суеверен.

— Чем вы занимались в Арлахе?

— Морис работал в доме престарелых, временно заменяя другого врача. Мягко говоря, не совсем его специальность. Я разрывалась между тремя-четырьмя разными школами...

— И вдруг в Кальбрингене вам обоим предложили работу вашей мечты?

— Ну, не то чтобы прямо мечту, но это обещало значительное улучшение нашего положения. И соответствовало нашему образованию, что немаловажно.

Беата Мёрк перевернула листок в блокноте и задумалась. Фрёкен Линкс подлила еще чаю. Мюнстер исподтишка разглядывал двух женщин. Пытался представить Сюнн в третьем, пустом кресле, но ему это не удавалось... все три одного возраста, всплыло у него в голове, и он задумался, почему эта мысль возникла. Может быть, настала пора задать вопрос? Не этого ли ожидает от него инспектор Мёрк?

— Давайте перейдем к серьезным вещам, — предложил он. — Чтобы нам не мучить вас слишком долго, фрёкен Линкс.

— Пожалуйста.

— Есть ли у вас хоть какое-нибудь представление о том, кто мог убить вашего жениха?

Вопрос, без сомнения, был поставлен довольно жестко. Он заметил, что Мёрк бросила на него странный взгляд, однако последовавший ответ звучал твердо:

— Нет. Понятия не имею.

— У Мориса были враги? — продолжила Беата Мёрк, раз уж он уже высадил дверь. — Кто-нибудь, кто по каким-то причинам его недолюбливал?

— Нет, мне кажется, его все любили.

— Конфликты? Может быть, профессиональные? — попытался Мюнстер, но фрёкен Линкс только с грустью покачала головой.

— Перед тем как уйти, — сказала Беатрис Мёрк, — мы попросим вас составить список ваших ближайших друзей и тех коллег, с которыми Морис больше всего имел дело. Но, может быть, вы назовете нам самых важных людей уже сейчас?

— Тех, кто мог его убить, — вы это имеете виду?

Впервые за все это время в ее голосе появилась нотка враждебности.

— Большинство жертв гибнут от рук близких, — сказал Мюнстер. — Это трудно принять, но, к сожалению, дело обстоит именно так.

— Чего вы от меня хотите? — проговорила Беатрис Линкс, и ее щеки порозовели. — Мне не приходит в голову ни одного имени... ни малейших подозрений. Я была уверена, что речь идет о маньяке... Разве не так? Он уже лишил жизни двух человек, не имеющих к Морису никакого отношения.

— Простите, фрёкен Линкс, — сказала Беата Мёрк. — К сожалению, мы вынуждены задавать самые разные вопросы, и иногда они могут показаться абсурдными и даже нескромными. Во всяком случае, пообещайте, что вы свяжетесь с нами, если вам придет в голову хоть малейшая деталь, имеющая отношение к убийству.

— Странный звонок, какие-то слова кого-нибудь из его окружения, необычное поведение самого Мориса, — подсказал Мюнстер.

— Разумеется, — сказала Беатрис Линкс. — Я совершенно не собираюсь критиковать работу полиции. Естественно,

я, как никто, заинтересована, чтобы вы задержали преступника.

— Вот и отлично, — сказал Мюнстер. — Кстати, о коллегах. Доктор Мандрэйн... с ним Морису часто приходилось общаться? Он тоже работает в больнице.

Она задумалась.

— По-моему, приходилось. Но не слишком часто. Я точно не могу вспомнить, кто это такой, но Морис упоминал пару раз его имя.

Инспектор Мёрк записала и закусила кончик карандаша.

— Вы работает в пансионате Седдона? — спросила она.

— Да.

— В качестве социального работника?

— Нет, скорее в качестве психолога.

— Вы поддерживаете контакты с Пьером, братом Мориса?

Беатрис подошла к окну и бросила взгляд на парк, прежде чем ответить.

— Никому не удастся войти в контакт с Пьером, — сказала она. — Ни одному человеку.

— Понимаю, — проговорила Беата Мёрк.

Когда они вышли на улицу, снова начался дождь, и Мюнстер без особого сопротивления принял предложение Беаты зайти в «Голубой фрегат» и выпить по бокалу пива. Правда, они накачались чаем так, что водный баланс в организме был обеспечен на несколько часов вперед, однако идея познакомиться с этим местечком ему понравилась. Если он правильно помнил, именно отсюда второй убитый, Эрнст Симмель, отправился на последнюю в своей жизни прогулку.

Он придержал ей дверь, галантно поклонившись. «Что я такое затеваю, черт побери?» — подумал он про себя.

— Интендент женат? — спросила Беата, когда они уселись за столик.

Мюнстер достал бумажник и показал ей фотографию Сюнн.

— Она красивая. Замечательно. Значит, я могу не волноваться.

— И к тому же двое детей, — добавил Мюнстер. — А ты?

— Ни мужа, ни детей, — улыбнулась Беата Мёрк. — Но это временно.

— За наше здоровье, — сказал Мюнстер и тоже улыбнулся.

23

— Кокаин? — переспросил Баусен.

— Во всяком случае, это ниточка, — сказал Кропке. — И она тянется к Эггерсу.

— Сомнительно, — покачал головой Мюнстер.

— Мне тоже кажется, что связь весьма зыбкая, — сказал Ван Вейтерен. — Кокаин — наркотик высших слоев, не забывайте. Я очень сомневаюсь, чтобы Хайнц Эггерс и его дружки сидели на столь... я бы сказал, изысканном препарате. Это просто не их стиль.

Баусен вздохнул:

— Однако мы все равно должны проработать эту версию. Хотя, если учесть, сколько народу сегодня сидит на наркотиках, вероятность не выше среднестатистической.

— Двое из трех? — спросила Беата Мёрк.

— Ну да, чуть побольше, признаю. И мы, конечно, должны потянуть за эту ниточку. Да нам сейчас больше особо и нечем заняться.

— Как далеко от Сельстадта до Арлаха? — спросил Мюнстер.

— Миль пятнадцать — двадцать, — ответил Баусен.

— Восемнадцать с половиной, — уточнил Кропке.

— Я только хотел убедиться, что ты следишь за нитью разговора, — сказал Баусен. — У вас есть предложения, комиссар?

Ван Вейтерен перестал вертеть в пальцах монетку.

— Есть, — ответил он — Мне кажется, чертовски важно проследить годы жизни Рюме в Арлахе — настолько детально, насколько это возможно. Я уже переговорил с Мельником, тамошним полицмейстером, и он пообещал выделить на это дело двух человек... кстати, он уже сделал это. Мельник пришлет нам рапорт, как только тот будет готов... через несколько дней, я надеюсь. В крайнем случае через неделю.

— И что? — спросил Кропке.

— Посмотрим, — ответил Ван Вейтерен. — По крайней мере, мы сможем извлечь оттуда все фамилии и сопоставить с материалами по Эггерсу и Симмелю... возможно, это задача для вас, инспектор, и вашего компьютера?

Кропке на мгновение наморщил лоб, но потом лицо его прояснилось.

— Хорошо, — ответил он. — По-моему, неплохая идея.

— Так-так, — произнес Баусен. — Как с соседями, Мосер? Мосер стал нервно перелистывать свои бумаги:

— Мы разыскали всех, кроме двоих... двадцать шесть человек. Никто ни черта не видел. В смысле — с десяти до двух

в ночь со среды на четверг. Мы ведь так решили ставить вопрос?

— Верно, — кивнул Баусен. — Мэритц считает, что смерть наступила в этом промежутке. В данном случае он не хочет уточнять... думаю, это и не представляется возможным. Да, похоже, нашему дорогому Палачу сопутствует невероятная удача. В случае с Симмелем он проходит следом за ним практически через весь город, а с Рюме он просто переходит через улицу и заходит в дом. Звонит и убивает. И никто его не видел. Никаких свидетелей...

— Кроме Муна, — напомнила Беата Мёрк.

— Да-да, — вздохнул Баусен. — Муна и Перховенса... Одному девяносто четыре года, второй был не совсем трезв.

— Ну да ничего, — сказал Ван Вейтерен. — Уверен, что мы его разыщем. Думаю, мы скоро возьмем след...

— Каков наш следующий шаг? — спросила Беата Мёрк.

Баусен полистал свой блокнот:

— Ты и... интендент Мюнстер, например?

Мюнстер кивнул.

— Вы возьмете на себя больницу. Коллеги, сплетни, конфликты — сами понимаете. Посмотрите, что там можно выудить. Действуйте совершенно свободно.

— Отлично, — сказала Беата Мёрк.

— Кропке и Мосер... Мне кажется, мы должны расширить сферу поисков среди соседей. Обойдите квартиры в других домах вокруг парка Лейснера... инспектор составит схему. Кстати, привлеките и Банга: ему полезно будет подвигаться. Только обязательно напишите ему заранее вопросы на бумажке. И конечно, вы, Кропке, продолжите собирать сведе-

ния о годах Симмеля в Испании. Там пока ничего интересного не всплыло?

Кропке отрицательно покачал головой.

— Много всякой всячины, но ничего существенного.

— Что касается нас с комиссаром, — продолжил Баусен, — то мы тем временем вплотную займемся топором. Эксперты дают очень расплывчатые сведения, однако им кажется, что это специальный топорик для разрубки мяса, изготовленный лет десять — двенадцать назад. Мы узнали имена четырех потенциальных производителей... и около десяти мест продажи. Звучит не слишком обнадеживающе, однако мы намерены потратить на это целый день. Ну и потом у нас остаются сын и дочь Симмеля, которые придут завтра. Не следует забывать о них, хотя лично я не стал бы делать на них ставку... впрочем, никогда не знаешь... Есть ли вопросы?

— Кто будет проверять друзей и знакомых? — спросил Мюнстер. — Я имею в виду, знакомых Рюме.

— Вы, — сказал Баусен. — Но начните с больницы... у вас ведь есть список?

— Может быть, стоит послать кого-нибудь в Арлах? — спросила Беата Мёрк. — Мне кажется, именно там наиболее велики шансы найти что-нибудь стоящее.

— Комиссар Мельник не потерпит вмешательства в свои дела, могу вас заверить, — ответил Ван Вейтерен. — Но это человек, который может определить возраст собачьей кашки, если на него снизойдет вдохновение.

— Ах, вот оно что! — сказала Беата Мёрк. — Он из таких...

— Кроме того, у меня встреча с двумя дамами из круга Симмеля, — сказал Ван Вейтерен. — Предвкушаю...

* * *

«Тьфу! — подумала Беата Мёрк, выйдя из полицейского участка. — Совершенно безнадежная компания!»

— Далеко до больницы? — спросил Мюнстер.

— Далеко. Придется поехать на машине.

24

Он огляделся. Затем занял место за одним из свободных столиков на застекленной веранде, заказал себе темного пива и разложил перед собой «де Журнаал». Вздохнув от удовольствия, он подумал, что давненько не захаживал в «Фишерманс френд».

Сделав два больших глотка, он принялся читать, что написано о его деле. Тоже не без некоторого удовольствия. На пятый день после последнего убийства текст по-прежнему занимал целый разворот. Новостей излагалось мало, теории выдвигались одна другой абсурднее, если уж пытаться их оценить... молчание полиции, похоже, начало вызывать раздражение у журналистов, и доверие к ней начало таять.

«Чего ж тут удивляться! — подумал он и окинул взглядом порт. — Чего ж тут удивляться!»

Одинокий траулер вырубивал в открытое море. Море и небо были окрашены одним и тем же серым оттенком, солнечный свет не пробивался через него. Все выглядело безнадежно.

Безнадежно? На долю секунды он задумался, почему именно это слово вертелось в голове.

Он убил трех человек, и полиции, судя по всему, не удалось напасть на его след. На самом деле он не отказался бы про-

честь, что говорится по этому поводу в других газетах, но они оказались раскуплены. По понятным причинам.

Он отпил еще пива, в уголках глаз выступили слезы... нет, если он правильно истолковал все сигналы, он по-прежнему в полной безопасности.

Недосягаемый и безнаказанный.

Ощущение было, пожалуй, немного странноватое, хотя, с другой стороны, именно на такое развитие событий он и рассчитывал... или все же нет? Рассчитывал ли он на что бы то ни было? Существовало ли для него это время, когда все останется позади? Представлял ли он себе, как все это будет? Этот затянувшийся эпилог... или как его еще назвать?

Он стал разглядывать чаек, которые летали кругами в вышине. Иногда они подлетали так близко, что крылья почти касались оконного стекла... Внезапно он вспомнил, как вот так же сидел на террасе и вдруг одна из чаек врезалась прямо в стекло. На полной скорости, даже не пытаясь притормозить. Видимо, она видела голубое небо за окнами на другой стороне, и смерть от удара о холодное стекло явилась для бедной птицы полной неожиданностью. Без всякого предупреждения... как его удары топором, подумалось ему, и он довольно долго сидел, размышляя о той птице, о том отпечатке крови и внутренностей, который она оставила после себя на стекле и который он до сих пор легко мог представить. А потом подумал о той, ради которой все это было затеяно... ее смерть не была неожиданностью, она больше походила на падение созревшего плода... и о том, что теперь все закончилось. О том, что справедливость восторжествовала, и теперь она могла бы подать ему знак. И где этот знак в таком случае мог бы проявиться?

«Только в одном месте», — подумал он.

Но что же ему делать с той новой пустотой, которая сменила старую и иногда ощущалась как космос, суровый и беспредельный. Хотя и внутри него.

«Чтобы засыпать яму, я вырыл другую, — подумал он. — И новая получилась гораздо больше. Подай мне знак, Битте!»

— Потрясающее местечко! — воскликнул Ван Вейтерен, оглядываясь по сторонам.

— На террасе лучше всего, — сказал комиссар Баусен. — Сидишь и смотришь на мир сверху вниз.

Ван Вейтерен уселся. На мгновение он подумал о «Голубом фрегате». Здесь тоже было довольно пусто, но, возможно, вечерами жизнь в ресторане бурлила. Сейчас в зале находились лишь одинокий господин с газетой, сидевший у панорамного окна, да две женщины в шляпках перед сценой с роялем. Официант в черном подскочил к ним и с поклоном протянул два меню в кожаных переплетках.

— Обед, — сказал Ван Вейтерен. — Мой черед угощать. Тебе надо пополнить запасы, чтобы продержаться еще некоторое время. Работается лучше всего на сытый желудок... во всяком случае, думается.

— Да ладно, я не вчера родился, — усмехнулся Баусен.

— Я больше не могу, — сказала Беата Мёрк. — Если мне придется поговорить еще с одним врачом, то я его просто удушю.

— Пойди пока на улицу и подожди меня в машине, — предложил Мюнстер. — Я только разделаюсь с этим Мандрэйном... он появится через пять минут.

— Тот самый, который жил у Симмеля?

Мюнстер кивнул.

— Хорошо, — вздохнула Беата. — Задай ему перцу. А я пока прилягу с пледом на заднем сиденье.

— Отлично, — сказал Мюнстер.

— Меня зовут инспектор полиции Кропке, — сказал Кропке.

— Труднопроизносимое имя, — откликнулась женщина и зевнула. — Но входите, так и быть.

— Стало быть, вы были соседями четы Симмель в Лас Брочас?

— Да.

— Вы с ними общались?

— Нет, я бы этого не сказала.

— Почему?

Ее брови чуть приподнялись.

— Почему? Потому что у нас не было никакого желания с ними общаться... Конечно, мы сталкивались пару раз на каких-то вечеринках, однако в этих людях не было стиля. Мой муж, правда, вел какие-то дела с Эрнстом, а вот ее я совсем не поняла.

— Ее?

— Ну да, его жену... Грету или как ее там.

— Известно ли вам о каких-нибудь... темных делишках семьи Симмель?

— Темных делишках? Что вы имеете в виду?

— Ну, не слыхали ли вы разговоров о чем-нибудь таком... были ли у семьи враги, не занимались ли они чем-нибудь незаконным? Дело в том, что мы ищем мотив...

— Дорогой инспектор, на Лас Брочас мы не шпионим друг за другом. У нас принято уважать покой друг друга.

Многие переехали туда именно для того, чтобы их оставили в покое всякие слишком умные государственные органы, которые постоянно суют нос куда не надо.

«И это называется стиль?» — подумал Кропке.

— Ах вот как, — проговорил он. — Может быть, нам бросить гоняться за убийцами?

— Вовсе нет. Делайте свое дело! За это вам платят деньги. Но честных людей оставьте в покое. У вас еще есть ко мне вопросы?

— Нет, спасибо, — ответил Кропке. — Пожалуй, с меня уже хватит.

— Фамилия и адрес? — спросил Банг.

— А это зачем? — насторожился двенадцатилетний подросток.

— Мы ведем следствие, — сказал Банг.

— Уве Клеймерт, — ответил мальчик. — Вот здесь написан адрес.

Банг записал в блокнот.

— Где вы находились вечером в среду, восьмого сентября?

— В смысле — на прошлой неделе?

— Да.

— Когда Палач зарубил Мориса Рюме?

— Да.

— Я сидел дома.

— Здесь?

— Да. Смотрел телевизор до часу ночи. А потом пошел и лег спать.

— Не заметили ничего необычного?

— Заметил. Сестра застелила мою постель.

— Ничего другого?

— Нет. Он кричал?

— Кто?

— Рюме.

— Думаю, что нет, — ответил Банг. — Во всяком случае, я первым прибыл на место и ничего не слышал. Родители дома?

— Нет, — ответил мальчик. — На работе. Они приходят после шести.

— Хорошо, — сказал Банг. — Передай им, чтобы связались с полицией, если располагают релевантной информацией.

— Реле... что?

— Релевантной. Если они слышали или видели что-нибудь необычное.

— Чтобы вы засадили Палача за решетку?

— Вот именно.

— Обещаю, — сказал Уве Клеймерт.

Банг засунул блокнот в нагрудный карман и отдал честь.

— А ты не спросишь, почему сеструха застелила мою кровать?

— Хорошо, — сказал Банг. — Почему она так поступила? Никогда ни от кого не слышал, чтобы сестра стелила ему кровать.

— Она брала мой плеер и сломала наушники.

— Ох уж эти девчонки! — вздохнул ассистент полиции Банг.

— Вы хорошо проводите время по вечерам в отеле, ты и комиссар? — спросила Беата Мёрк.

— Чудесно, — ответил Мюнстер.

— А то я могла бы пригласить тебя на бокал вина с горячими бутербродами.

— Сегодня вечером?

— Да, к примеру, — сказала Беата Мёрк. — Но боюсь, мне не удастся сдержаться и не говорить о работе.

— Ничего страшного, — ответил Мюнстер. — У меня такое чувство, что нам надо постараться как можно скорее раскрыть это дело.

— Ты просто читаешь мои мысли, — улыбнулась Беата Мёрк.

25

Она подскочила к нему у входа, и он догадался, что она стояла и поджидала его. Видимо, под прикрытием живой изгороди, тянувшейся вдоль всего фасада отеля. Или спрятавшись за одним из тополей.

Это была высокая, сухощавая женщина лет пятидесяти. Темная шаль с цветочным узором, накинутая на волосы, падала на сутуленные плечи. В какой-то момент он подумал, что это его бывшая учительница из гимназии, но мысль промелькнула у него в голове лишь на мгновение. Конечно, он не смог вспомнить ее имя — да он и не знал его.

— Комиссар Ван Вейтерен?

— Да.

Женщина положила руку на его рукав и посмотрела прямо в глаза с близкого расстояния. Впилась в него взглядом, словно страдала сильной близорукостью или пыталась установить какой-то сверхъестественный контакт.

— Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

— Да, конечно, — ответил Ван Вейтерен. — А в чем дело? Зайдем в фойе?

«А вдруг она сумасшедшая?» — подумал он.

— Если бы вы согласились прогуляться со мной вокруг квартала... Мне легче говорить на воздухе. Дело займет всего пять минут.

Ее глубокий грудной голос звучал горестно. Ван Вейтерен кивнул, и они двинулись в сторону порта.

У Домского переулкa они свернули вправо, и, только когда оказались в глубокой тени домов на узенькой улочке, она начала излагать суть своей проблемы.

— Речь идет о моем муже, — пояснила женщина. — Его зовут Лауридс, и у него давно пошаливают нервы... ничего серьезного, он никогда не лежал в больнице. Просто повышенная тревожность. Но теперь он не решается выходить на улицу...

Она сделала паузу, но Ван Вейтерен промолчал.

— С прошлой пятницы, то есть уже почти неделю, он сидит дома взаперти, боясь Палача. Не ходит на работу — и теперь ему сообщили, что, если так будет продолжаться, его попросту уволят...

Ван Вейтерен остановился:

— Да что вы говорите!

Она выпустила его рукав. Остановилась, глядя в землю, словно стыдясь чего-то:

— Ну вот, я и решила разыскать вас и спросить, как идут дела... я сама предложила ему такой вариант, и мне кажется, что он решится выйти на улицу, если я принесу от вас какое-нибудь утешительное сообщение.

Ван Вейтерен кивнул. О господи!

— Скажите вашему мужу... кстати, как вас зовут?

— Кристина Рейсин. Моего мужа зовут Лауридс Рейсин.

— Скажите ему, что он может быть совершенно спокоен. Он может смело ходить на работу. Мы очень надеемся задер-

жать убийцу в самое ближайшее время... дней через шесть — восемь, самое большое.

Она подняла глаза и снова посмотрела на него в упор:

— Спасибо, комиссар! Огромное спасибо! Я чувствую, что могу доверять вам.

Она повернулась и исчезла в каком-то переулке. Ван Вейтерен стоял и смотрел ей вслед.

«Как легко обмануть женщину! — подумал он. — Женщину, с которой знаком всего пять минут».

Этот эпизод запал ему в душу, и позднее, стоя под душем и пытаясь вытравить ее образ из памяти, он понял, что Лауридс Рейсен будет преследовать его как укор совести, пока не закончится это расследование.

Мужчина, который не решается выйти на улицу.

Человек, который вот-вот лишится работы... и, без сомнений, чувства собственного достоинства только потому, что он и его коллеги — Мюнстер, Баусен, Кропке и Мёрк — не в состоянии выследить этого проклятого убийцу.

Может быть, Рейсин не одинок? И таких несколько? Почему бы и нет?

Сколько страха, ужаса и тревоги аккумулировалось сейчас в Кальбрингене? Если бы такое поддавалось измерениям...

Он вытянулся на постели, уставившись в потолок.

Подсчитал.

Шесть дней прошло после убийства Мориса Рюме.

Пятнадцать — после убийства Симмеля.

Эггерс? Два с половиной месяца.

И что у них есть?

Да, что? Куча информации. Поток различных сведений о том о сем. И ничего конкретного.

Никаких подозрений и ни одной версии.

Трое мужчин, недавно переехавших в город...

Из Сельстадта, из Арлаха, из Испании.

Двое из них злоупотребляли наркотиками, причем один завязал несколько лет назад.

Орудие убийства ничего не давало. Убийца сам со спокойной душой передал его им.

Рапорт Мельника? Он еще не прислан, но стоило ли возлагать на него надежды? Материалы по Эггерсу и Симмелю, а также то небольшое, что удалось собрать по Рюме, пока не дали никаких точек пересечения, за исключением самого метода, которым их лишали жизни. Ни одного общего имени среди их связей в прошлом, ничегошеньки. Подкинет ли им что-нибудь рапорт из Арлаха? Он сильно сомневался.

Что за черт?

И никаких предчувствий, которые у него всегда бывают. Никакой мысли или зацепки, которая застряла бы в мозгу и требовала внимания... никаких странностей, никаких маловероятных совпадений, ничего.

Ни черта, как уже было сказано выше.

Словно всего этого вообще не было. Или все это происходило за стеной; за непроницаемым бронированным стеклом, через которое он едва различал множество непонятных человеческих фигур и событий, проплывающих мимо по законам непонятной ему хореографии. Все врозь, без причинно-следственных связей, начисто лишённые внутреннего единства....

Спектакль для одного абсолютно слепого зрителя — комиссара Ван Вейтерена.

Словно все это его не затрагивало.

И тут вдруг — Лауридс Рейсин.

«Хотя, наверное, так обычно все и случается?» — спрашивал он себя, роясь в карманах в поисках пачки сигарет. Разве это не то знакомое чувство отстраненности, которое то и дело накатывает на него? Разве не...

«К черту!» — грубо прервал он ход своих мыслей. Вытащил сигарету. Закурил, встал, остановился у окна, оглядел площадь.

На город опускалась темнота, магазины уже закрылись, людей на улицах было мало. Он отметил, что те, кто торговал на площади перед Крытым рынком, как раз начали собирать свои палатки. В аркаде несколько музыкантов играли при полном отсутствии публики. Он поднял глаза, увидел кладбище и подъем в гору, повернул голову влево — высотные дома Дюннингена. Вправо — городской парк, Риккен и этот, как бишь его, еще один коттеджный поселок. Где-то там...

...где-то там сидел убийца и чувствовал себя в безопасности.

«Я должен найти зацепку, — подумал Ван Вейтерен. — Настало время. Хотя бы ради того, чтобы люди не боялись выйти на улицу».

Баусен уже расставил фигуры.

— Твоя очередь играть белыми, — сказал Ван Вейтерен.

— Победитель играет черными, — ответил Баусен. — Правило Климке.

— Не возражаю, — сказал Ван Вейтерен и передвинул королевскую пешку.

— Я принес бутылку, — сказал Баусен. — Как вы считаете, комиссар, «Перго» восемьдесят первого года поможет нам выбраться из дерьма?

— Лучшего помощника и не придумаешь! — ответил Ван Вейтерен.

— Наконец-то! — воскликнул он полтора часа спустя. — А мне уже казалось, что ты все равно выскользнешь из моего железного захвата.

— Сильная игра, — признал Баусен. — Странный дебют.. по-моему, я никогда с таким раньше не сталкивался.

— Его я придумал сам, — сказал Ван Вейтерен. — Он требует определенной остроты ума, и его не удастся использовать более одного раза против одного и того же противника.

Баусен поднял бокал. Выпил и некоторое время сидел молча.

— Проклятие, — проговорил он. — Честно говоря, вся эта история начинает действовать мне на нервы. Как ты думаешь, мы раскроем это дело?

Ван Вейтерен пожал плечами:

— Ну...

— За полчаса до твоего прихода мне звонил Кейзенхольт, — продолжал Баусен. — Глава округа, сам знаешь. Спрашивал, не хочу ли я остаться. В смысле, пока мы не закончим.

Ван Вейтерен кивнул.

— Самое противное, что он не просил меня досидеть до конца. Просто спросил мое мнение.. Хотел, чтобы я сам принял решение. Прекрасное окончание карьеры, черт побери! Доказать свою полную профнепригодность — и выйти на пенсию!

— Ну, знаешь ли.... — попытался возразить Ван Вейтерен.

— Ситуация усугубляется тем, что я и сам не знаю, хочу я или нет. Не очень-то красиво будет выглядеть, если я дам себе пару дополнительных месяцев, а потом так и не раскрою дело. Как ты считаешь?

— Гм... — проговорил Ван Вейтерен. — Да, ситуация двусмысленная, что и говорить. Может, проще взять его до первого числа?

— Полностью согласен, — кивнул Баусен. — Однако я должен что-то ответить Кейзенхольту. Завтра он снова будет звонить...

— После тебя будет Кропке?

— Во всяком случае, до Нового года. В январе объявят конкурс на эту должность.

Ван Вейтерен кивнул. Закурил сигарету, некоторое время размышляя.

— Скажи этом Кейзенхольту, что ты не понимаешь, по поводу чего он переживает, — сказал он. — Палач будет сидеть за решеткой примерно дней через шесть — восемь.

— С какой стати я буду такое утверждать? — спросил Баусен, глядя на него с сомнением.

— Я пообещал все уладить до этого момента.

— Ах ты, черт! — воскликнул Баусен. — Тогда я могу быть спокоен. А как ты собираешься это осуществить?

— Пока не знаю, — ответил Ван Вейтерен. — Но если ты пойдешь и принесешь... дай-ка подумать... бутылочку «Мерло», я успею тем временем расставить фигуры. Думаю, мы найдем верный ход.

Баусен улыбнулся.

— Придумаем сами? — спросил он и поднялся.

— Да, так будет надежнее.

Баусен удалился в сторону подвала.

«Как легко обмануть старого честного комиссара полиции, — подумал Ван Вейтерен. — Чем я занимаюсь, черт побери?»

26

— Но если... — проговорила Беата Мёрк, соскребая ногтем каплю стеарина со скатерти, — если Рюме открыл, потому что хорошо знал убийцу, это означает, что имя Палача значится где-то в наших списках.

— Друг или коллега, да, — проговорил Мюнстер. — У тебя есть конкретные предложения?

— Сейчас принесу свои записи... ты закончил?

— Сыт до отвала, — сказал Мюнстер. — Очень вкусно... позор, что ты живешь одна.

— Хотя умею приготовить горячий бутерброд?

Мюнстер покраснел:

— Нет, нет, вообще. В смысле, позор мужчинам... что никто тебя до сих пор не окольцевал.

— Чушь собачья, — сказала Беата Мёрк и удалилась в кабинет.

«Во всяком случае, умения вести светскую беседу мне не занимать», — подумал Мюнстер.

— Если предположить, что это мужчина, у нас получается ровнехонько десять штук.

— Не больше? — удивился Мюнстер. — А сколько останется, если мы предположим также, что он живет здесь, в городе?

Беата Мёрк пересчитала.

— Шесть, — ответила она. — Шесть знакомых мужского пола... негусто, должна сказать.

— Они недавно переехали сюда, — сказал Мюнстер. — Еще не успели обзавестись достаточным кругом знакомых. Кто эти шестеро?

— Трое коллег по работе, с которыми они общались... и еще три пары, судя по всему.

— Имена, — потребовал Мюнстер.

— Геннер, Сопинский и Крейц — это врачи. Друзья — это Эрих Мейссе, кстати тоже врач, и... подожди-ка... Кессерлинг и Тэверс. Да, это все. Что скажешь? Мейссе, если я не ошибаюсь, коллега Линкс.

Мюнстер взял в руки ее блокнот и задумался.

— Мы общались со всеми, кроме Тэверса и Мейссе. Не думаю, чтобы это оказался кто-нибудь из них, но это нам ничего не дает. Давай предположим, что это... Тэверс?

— Отлично, — кивнула Беата Мёрк. — Тогда дело можно считать раскрытым. Есть только одно маленькое «но»...

— И какое же?

— Он уже три недели в отъезде. Где-то в Южной Америке, если я правильно помню.

— Вот незадача! — сказал Мюнстер.

— А если допустить, что это был незнакомый ему человек?

— С таким же успехом. Во всякое случае, не из этих шести. Это могла оказаться и какая-нибудь знаменитость. Я имею в виду, человек, которого все знают. К примеру, министр финансов или Мерил Стрип.

— А ты открыл бы Мерил Стрип? — спросила Беата Мёрк.

— Думаю, да.

Беата вздохнула:

— Мы топчемся на месте. Хочешь кофе?

— С удовольствием, — ответил Мюнстер. — Если ты возьмешь на себя приготовление кофе, я тем временем вымою посуду.

— Отлично. Или ты рассчитывал, что я откажусь от твоего предложения?

— Ни на секунду.

— Ты привык к таким делам?

— Да как сказать, — пробормотал Мюнстер.

— Сколько убийц в год ты ловишь?

— Штук десять — пятнадцать... — задумался Мюнстер. — Хотя большинство из них нам даже не приходится искать. Они проявляются сами. Приходят с повинной... или же их поймать проще простого — как яблоки с ветки сорвать. Можно сказать, что большинство дел раскрывается в течение двух недель.

— А такие вот случаи?

Мюнстер заколебался:

— Такие бывают не часто. Один-два в год, не больше...

— Но вы их все же раскрываете?

— В общем и целом, да. Комиссар терпеть не может нераскрытых дел. Если дело затягивается, он становится невыносим. Я знаю только один случай, когда он вынужден был отступить... случай с Г. Это было, наверное, лет пять-шесть назад... по-моему, он до сих пор переживает по этому поводу.

— Ты думаешь, что и в этом случае убийцу раскусит он?

Мюнстер пожал плечами:

— Вполне возможно. Главное, поскорее его поймать... а славы хватит на всех. Не так ли?

Беата вдруг покраснела, отвернулась и провела рукой по волосам, но Мюнстер успел отметить ее реакцию.

«Ага, — подумал он. — Молодой инспектор, жаждущий славы. Тут уже пахнет частным расследованием».

— У тебя есть собственные версии?

— Собственные? Нет, конечно. Само собой, я много об этом думаю, но пока ни к чему не могу прийти.

— Так обычно и бывает, — кивнул Мюнстер.

— В смысле?

— Создается впечатление, что топчешься на месте, и вдруг — лед тронулся. Какая-нибудь незначительная деталь вдруг разрастается, приобретает решающее значение, и потом все начинает происходить очень быстро.

— Гм... — проговорила Беата, пытаясь соскрести ногтем следующее стеариновое пятно.

— Можно, я тебе кое в чем признаюсь? — спросила она после паузы.

— Давай, — сказал Мюнстер.

— Несмотря ни на что, все это чертовски увлекательно... Понимаешь ли...

— Понимаю, — ответил Мюнстер.

— Умом я осознаю, что все это ужасно и чудовишно, что мне следует гоняться за этим убийцей, потому что он совершил страшные преступления, чтобы честные люди снова могли спокойно спать по ночам. Отчасти это так и есть, но... но должна признаться, я немного наслаждаюсь всей этой ситуацией. Это какое-то извращение, тебе не кажется?

Мюнстер улыбнулся:

— Вовсе нет.

— Так у тебя такое же чувство! — воскликнула Беата, и вдруг в голове интендента Мюнстера что-то произошло... ее искренний взгляд, когда она произнесла эти слова, почти детское выражение лица... чистое, бесхитростное; он точно не знал, что это, но ощутил некий внутренний толчок, как напоминание о чем-то, что уже было в его жизни, — в другой главе, которую он уже читал. Нечто, чем он уже наслаждался и перед чем уже один раз капитулировал. Конечно, ему следовало быть настороже — и, разумеется, он это понимал... но что-то произошло, пока они шли вместе по городу, пока пили пиво в «Голубом фрегате», перебрасывались словами между допросами — шутливо и почти легкомысленно. Что-то столь банальное и легкоформулируемое, что он просто не решался произнести это слово.

— И да, и нет, — проговорил он. — Пожалуй, у меня было такое чувство... вначале. А потом наступает выгорание.

Непохоже, что она пытается его очаровать. Скорее напротив. Вероятно, пытался он убедить себя, знание о том, что он женат, что существует Сюнн, позволило ей немного расслабиться, ненадолго отпустить вожжи... подпустить его близко к себе, поскольку она была уверена в своей безопасности.

А он сам? Уверен ли он в чем бы то ни было?

— О чем ты задумался?

Мюнстер осознал, что она снова смотрит на него.

— Я? Даже не знаю, — пробормотал он. — О Палаче, наверное.

— Скажи, а как твоя жена относится к твоей работе?

— Почему ты спрашиваешь?

— Нет, ты сначала ответь.

— Что Сюнн думает о моей работе?

— Да. О том, что тебе придется надолго отлучаться из дому. Сейчас, например.

— Без восторга.

— Вы поругались, когда ты собирался ехать сюда?

Он секунду поколебался.

— Да. Мы поссорились.

Беата вздохнула:

— Так я и думала. Я спросила потому, что хотела знать, можно ли одновременно быть полицейским и иметь семью.

— Это вечный вопрос, — в свою очередь вздохнул Мюнстер.

— Знаю, — проговорила Беата Мёрк. — А ты можешь дать мне хороший ответ — все-таки уже не первый год во всем этом варишься?

Мюнстер задумался.

— Да, — ответил он. — Можно.

— Так просто?

— Так просто.

— Отлично. Ты снял камень с моей души.

Мюнстер откашлялся, но так и не придумал, что бы еще сказать. Беата Мёрк задумчиво смотрела на него.

— Может быть, сменим тему? — спросила она через некоторое время.

— Пожалуй, это будет лучше всего.

— Давай обсудим мои личные размышления? В смысле, по поводу Палача.

— Почему бы и нет?

— Ну, если ты не считаешь, что уже поздно.

— Поздно? — удивился Мюнстер.

«Единственное, что мешает ей соблазнить меня, — это она сама, — подумал Мюнстер. — Надеюсь, она достаточно тверда. Иначе мне трудно будет смотреть самому себе в глаза завтра утром».

— Хочешь еще вина?

— Нет, черт побери! — воскликнул Мюнстер. — Только черного кофе.

27

— У Мельника желчнокаменная болезнь, — сообщил Кропке.

— Какого черта! — воскликнул Ван Вейтерен. — Впрочем, чему удивляться...

— Поэтому рапорт задерживается, — пояснил Баусен. — Он звонил из больницы.

— Сам звонил? — переспросил Ван Вейтерен. — Неплохо. Ну что, чем займемся сегодня?

Полицеймейстер вздохнул.

— А ваши предложения? — невесело проговорил он. — Видимо, будем продолжать сбор сведений. Скоро каждый житель Кальбрингена даст показания... Впечатляющая документация. Можно попробовать продать материалы в Архив народной памяти, когда закончим...

— Если мы когда-нибудь закончим, — вставил Кропке. — Так как идут дела с топором?

Ван Вейтерен выложил на стол сигарету и зубочистку:

— Ничего особенного. Хотя, мне кажется, это не имеет особого значения. Не думаю, что нам это что-то даст — даже

если удастся разыскать магазин, в котором он куплен... если такие штуки вообще продаются в магазинах. Требовать от продавца, чтобы он вспомнил, кто купил топорик лет двенадцать — пятнадцать назад, если даже предположить, что преступник сам его покупал... Нет, я считаю, что эту улику пока придется отложить.

— А дети Симмеля? — спросила инспектор Мёрк, оторвавшись от своих бумаг.

— От них толку мало, — сказал Баусен. — В последние десять лет ни он, ни она особых отношений с родителями не поддерживали. Встречались на Рождество и на юбилеи. Это скорее характеризует их с положительной стороны. В Испании навещали родителей один-единственный раз.

Ван Вейтерен кивнул и убрал зубочистку.

Кропке поднялся.

— Ну ладно, — сказал он. — Пойду к себе в кабинет, сделаю сводку. Или у начальства есть для меня другие задания?

Баусен пожал плечами.

— Будем работать дальше, — произнес он, бросив взгляд на Ван Вейтерена.

— Да, — решительно кивнул Ван Вейтерен и закурил. — Только не думайте, что тут есть что-то необычное. Дело идет туго, у нас нет никаких вразумительных зацепок, никаких подозрений, только масса бессвязных сведений... но рано или поздно все сдвинется с мертвой точки. Все пойдет, надо только набраться терпения.

«Или же так и не пойдет», — подумал он про себя.

— Мельник сказал, когда будет готов рапорт? — спросила Мёрк.

— Точно не сказал, — ответил Кропке. — Скорее всего, ему понадобится еще несколько дней. Похоже, он очень педантичный...

— Да уж, он такой, — сказал Ван Вейтерен.

— Хорошо, — сказал Баусен. — Тогда мы продолжаем..
продолжаем заниматься тем, чем занимались.

«А чем мы, собственно, занимаемся?» — подумал Мюнстер.

Поселок Киркенау был невелик. Железнодорожная станция и несколько домов в долине реки Гэссе, которая в этой низменной плодородной местности разливалась в целое озеро. Ван Вейтерен не увидел ни магазинов, ни почты, ни школы, а унылая каменная церковь у дороги казалась такой же забытой богом, как и весь поселок.

Дорога в институт Селдона уходила в другую сторону, вверх по склону через полосу хвойного леса — примерно десять минут езды на машине. Припарковавшись возле каменной стены, он задался вопросом, не располагается ли здесь поблизости какой-нибудь туберкулезный санаторий. Воздух был чистый и насыщенный кислородом, и ему не составило труда подавить в себе желание выкурить сигаретку, прежде чем войти в ворота.

Эрих Мейссе оказался человеком высоким и стройным, с ранней лысиной, из-за которой довольно сложно было определить его возраст. «Все же не больше тридцати пяти», — подумал Ван Вейтерен, у которого где-то были записаны точные данные — на случай, если они вдруг пригодятся.

Мейссе пожал ему руку, широко улыбнулся и предложил присесть в одно из больших роскошных кресел, стоявших у высокой сводчатой двери балкона.

— Чай или кофе? — спросил он.

— Кофе, — ответил Ван Вейтерен.

Доктор на мгновение исчез за дверью. Комиссар сел в кресло и стал смотреть на парк. Большой, ухоженный, тщательно подстриженный газон, украшенный кое-где старыми узловатыми фруктовыми деревьями. Подметенные дорожки, мощные белые деревянные скамейки. Несколько теплиц возле каменной стены. Откуда-то появился садовник или кто-то в этом духе, прошел, волоча за собой тележку с компостом, а слева, чуть вдалеке от низенького желтого деревянного павильона, к дому приближались две медсестры в черном, везущие... что-то типа повозки.

Ван Вейтерен сглотнул.

В повозке сидели два существа, и только через несколько секунд он осознал, что это люди.

— Сюда к нам не попадают все подряд, — пояснил Мейссе. — Мы принимаем только в самых тяжелых случаях. Мы не претендуем на то, что сможем их вылечить, просто стараемся обеспечить им достойное существование. Разумеется, насколько это возможно.

— Понимаю, — кивнул Ван Вейтерен. — Сколько у вас пациентов?

— По-разному, — ответил Мейссе. — Обычно человек двадцать пять — тридцать. Большинство из них остаются здесь на всю жизнь — для этого мы и существуем.

— Вы — последняя остановка?

— Да, можно и так выразиться. У нас есть своя философия... не знаю, знакомы ли вы с идеями профессора Селдона, господин комиссар?

Ван Вейтерен покачал головой.

— Ну ладно, — улыбнулся Мейссе. — Обсудим это в другой раз. Предполагаю, что вы приехали к нам не для того, чтобы обсуждать методы лечения тяжелых психиатрических расстройств.

— Нет. — Комиссар откашлялся и достал из портфеля блокнот. — Вы дружили с Морисом Рюме... еще в Арлахе, если я правильно понял?

Мейссе кивнул:

— Да, я познакомился с ним лет пять назад, через жену. Она и Беатрис — Беатрис Линкс — подруги детства, учились в одной школе.

— Когда вы впервые встретились с Морисом Рюме?

Доктор Мейссе задумался.

— Точно не могу сказать, когда нас представили друг другу, но зимой восемьдесят восьмого или восемьдесят девятого мы начали общаться... во всяком случае, время от времени.

— Фрёкен Линкс тоже работает здесь, не так ли?

— Да, в последние полгода...

Комиссар сделал небольшую паузу.

— Это вы устроили для нее это место?

— Вообще нет, — рассмеялся доктор Мейссе. — Таким веком я, к сожалению, не обладаю. Естественно, добавил от себя доброе словечко, и все... а почему вы об этом спрашиваете?

Ван Вейтерен пожал плечами, но не ответил.

— Что вам известно по поводу того, что в Арлахе Рюме злоупотреблял кокаином?

Мейссе снова посерьезнел и провел рукой по своей лысой голове:

— Мне мало что известно. Никаких подробностей — Моррис не хотел говорить об этом. Однажды он доверился мне и рассказал кое-что, когда мы с ним немного перебрали... кажется, это был единственный случай, когда мы говорили на эту тему. Ему ведь удалось с этим завязать, так или иначе... так что он имел полное право перевернуть эту страницу.

— Вы знакомы с Эрнстом Симмелем и Хайнцем Эггерсом?

Доктор вздрогнул:

— С кем? С двумя другими? Нет, разумеется, не знаком. Не понимаю, почему...

— В том, что касается самого Рюме, — прервал его комиссар. — Вы видите какую-нибудь связь между ним и двумя другими?

Доктор Мейссе достал из кармана платок и вытер лоб.

— Нет, — произнес он наконец. — Само собой, я думал об этом, но не нашел ни малейшей связи.

Ван Вейтерен вздохнул и снова посмотрел в окно. Размышляя, есть ли у него еще вопросы к этому молодому доктору, он начал рассеянно следить глазами за тремя фигурами, которые медленно приближались к дому от теплиц... мужчина и женщина, идущие с двух сторон от сторбленной фигуры, поддерживая ее, — видно было, что это особа женского пола. Она волочила ноги по дорожке, и иногда казалось, что сопровождающие приподнимают ее над землей и несут вперед. Внезапно Ван Вейтерен осознал, что мужчина ему знаком. Высокая сухошавая фигура, пышные темные волосы... без сомнения, доктор Мандрейн. Еще некоторое

время он разглядывал это трио, потом обернулся к доктору Мейссе:

— Что здесь делает доктор Мандрейн?

— Доктор Мандрейн?

Ван Вейтерен указал пальцем.

— А... Мандрейн. Это его родственница. Племянница, если я правильно помню. Бригитте Керр. Одна из наших самых новых постояльцев. Попала к нам всего месяц назад, бедная девочка.

— Что с ней такое?

Доктор развел руки в извиняющемся жесте:

— Сожалею. Боюсь, я не имею права рассказывать некоторые обстоятельства. Мы связаны обязательством сохранять профессиональную тайну, и не только по отношению...

— Чушь, — прервал его Ван Вейтерен. — Естественно, у меня нет при себе соответствующих бумаг, но освободить вас от профессиональной тайны — всего лишь вопрос времени. Позвольте напомнить, что мы занимаемся расследованием убийства.

Мейссе колебался.

— Намекните хотя бы, этого достаточно, — сказал Ван Вейтерен. — Например, это как-то связано с наркотиками?

Доктор посмотрел в потолок.

— Да, — ответил он. — Очень даже связано. Но она не в моей группе, так что мне мало что известно.

Некоторое время комиссар сидел молча. Потом посмотрел на часы и поднялся.

— Большое спасибо, — сказал он. — Теперь я намерен переговорить с фрёкен Линкс. Однако позвольте последний вопрос?

— Разумеется, — сказал Мейссе. Он откинулся на стуле и снова улыбнулся.

Ван Вейтерен выдержал эффектную паузу.

— Как вы думаете, кто убил Мориса Рюме?

Улыбка исчезла с лица доктора.

— Что? — изумился доктор. — Кто убил?.. Не имею ни малейшего понятия. Будь у меня хоть какие догадки о том, кто такой Палач, я давным-давно уведомил бы об этом полицию!

— Само собой, — сказал Ван Вейтерен. — Простите, что занял ваше время.

«У этого места удивительная способность притягивать к себе людей», — подумал он, оставив в покое доктора Мейссе и отправившись на поиски кабинета Беатрис Линкс. Сколько людей, с которыми ему довелось столкнуться в этом городе, так или иначе соприкасались с этим унылым учреждением.

Он начал было подсчитывать, но потом увидел в коридоре фрёкен Линкс и решил оставить изучение этого вопроса до другого случая.

Час спустя, выезжая с парковки, Ван Вейтерен размышлял над тем, каковы его впечатления о ней — о красавице Беатрис Линкс. И правда ли то, что она утверждала, — что ее отношения с Морисом Рюме строились на самом прочном и надежном фундаменте — уважении, честности и любви?

«Во всяком случае, звучит красиво», — подумал он и стал вспоминать свой собственный неудавшийся брак.

Но едва в мозгу всплыло имя Ренаты, на машину обрушился ливень, и Ван Вейтерену пришлось сконцентрировать

все усилия на том, чтобы хоть что-то разглядеть сквозь лобовое стекло и удержаться на дороге.

28

Признание последовало рано утром. По некоторым данным, господин Вольнер стоял и ждал у дверей полицейского участка под моросящим дождем с шести утра, но только около семи, когда секретарша фрёкен де Витт пришла и отперла двери, его впустили внутрь.

— По какому вопросу вы пришли? — осведомилась она, устроив его в кресле для посетителей, обшитом коричневым дерматином, сняла плащ и шляпку и включила кофейник в служебной столовой.

— Я хочу сделать признание, — сказал господин Вольнер, глядя в пол.

Фрёкен де Витт посмотрела на него поверх оправы своих очков:

— Признание в чем?

— В убийствах, — произнес господин Вольнер.

Фрёкен де Витт на минутку задумалась.

— В каких убийствах?

— В убийствах топором.

— Так-так, — проговорила фрёкен де Витт. Она ощутила легкое головокружение, которое, кажется, не имело никакого отношения к климактерическим симптомам, появившимся у нее несколько месяцев назад. Она схватилась руками за край стола и крепко зажмурилась.

Затем усилием воли взяла себя в руки. Никто из полицейских не должен был появиться до половины восьмого, в этом

она была совершенно уверена. Оглядев унылую фигуру, сидящую на диване, она констатировала, что посетитель, во всяком случае, не припрятал под одеждой топор.

Выйдя из-за перегородки, фрёкен де Витт положила руку ему на плечо и попросила следовать за ней.

Он без всяких протестов подчинился. Покорно пошел с ней по узкому коридору в дальнюю из двух камер — ту, которую можно было запереть.

— Ждите здесь, — сказала она. — Вас скоро допросят. Каждое ваше слово может быть использовано против вас.

Позднее она сама удивлялась, зачем добавила эти последние слова. Господин Вольнер уселся на кушетку и стал выкручивать себе руки, так что фрёкен де Витт решила предоставить его судьбе. Поначалу у нее была мысль позвонить ассистенту Мосеру, который был в этот день дежурным, но потом все же решила не делать этого. Заварила кофе и стала поджидать инспектора Кропке, который с исключительной точностью появился, когда часы пробили половину восьмого.

— Палач во всем сознался, — сказала она.

— Какого че... — поперхнулся Кропке.

— Я заперла его в камере.

— Какого черта? — пояснил свою мысль инспектор. — Кто... кто это?

— Не знаю, — ответила фрёкен де Витт. — Но у меня сложилось впечатление, что его фамилия Вольнер.

После некоторых колебаний Кропке счел наиболее разумным дожидаться кого-нибудь из комиссаров, поэтому было уже без двадцати девять, когда начался первый допрос потенциального убийцы. Помимо Кропке и полицмейстера,

на нем присутствовали также инспектор Мёрк и ассистент Мосер.

На всякий случай во время всего допроса были включены два магнитофона — отчасти для фиксации всех фактов с учетом возможного судебного процесса, отчасти для того, чтобы оба приглашенных эксперта, комиссар Ван Вейтерен и интендент Мюнстер, могли получить адекватное представление о новом повороте ситуации.

Баусен. Пожалуйста, назовите ваше полное имя.

Вольнер. Петер Матиас Вольнер.

Баусен. Родились?

Вольнер. Пятнадцатого февраля тридцать шестого года.

Баусен. Адрес?

Вольнер. Моргенстрат, шестнадцать.

Баусен. Кальбринген?

Вольнер. Да.

Баусен. Вы женаты?

Вольнер. Нет.

Баусен. Каждое ваше слово может быть использовано против вас. Вы можете молчать, если желаете. Вы хотели бы пригласить адвоката?

Вольнер. Нет.

Баусен. Зачем вы пришли?

Вольнер. Чтобы признаться в убийствах.

Баусен. В убийстве Хайнца Эггерса, Эрнста Симмеля и Мориса Рюме?

Вольнер. Да.

Баусен. Расскажите, как вы это совершили.

Вольнер. Я убил их своим топориком.

Баусен. Что за топорик?

Вольнер. Он у меня уже несколько лет. Думаю, это инструмент мясника для разделывания туш.

Баусен. Вы не могли бы описать его?

Вольнер. Острый. Довольно легкий. Острие легко вонзалось.

Баусен. Откуда он у вас?

Вольнер. Купил его за границей лет пять назад.

Баусен. Где конкретно?

Вольнер. В Италии... Название городка точно не помню.

Баусен. Почему вы убили Эггера, Симмеля и Рюме?

Молчание.

Крокке. Почему вы не отвечаете на вопрос?

Молчание.

Баусен. Вы не могли бы рассказать поподробнее, как вы это сделали?

Вольнер. Про которого рассказать?

Баусен. Например, про Мориса Рюме.

Вольнер. Я позвонил в дверь, он открыл мне... и я убил его.

Баусен. Зачем?

Вольнер. Ради этого я и пришел туда.

Баусен. Опишите в деталях, как это произошло!

Вольнер. Я сказал, что повредил спину. Уронил на пол часы. Поскольку я не мог согнуться, чтобы поднять их, доктор наклонился, и... я ударил его топором по затылку.

Баусен. Вы были ранее знакомы с доктором Рюме?

Вольнер. Я был его пациентом.

Баусен. Он знал о том, что вы придете?

Вольнер. Да.

Баусен. Вы хотите сказать, что он принимал пациентов на дому в вечернее время?

Вольнер. Мне пришлось долго уговаривать принять меня.

Баусен. Как был одет Рюме?

Вольнер. Пуловер... серо-зеленый. Черные брюки, черные носки...

Баусен. В какое время все это было?

Вольнер. Около одиннадцати вечера.

Баусен. Что было на Эрнсте Симмеле, когда вы убили его?

Вольнер. Белая рубашка и галстук. Пиджак и брюки. Ботинки... кажется, коричневые. Было темно...

Баусен. Черт, все сходится. Что скажете, инспектор Мёрк?

Мёрк. Мне трудно вам поверить, господин Вольнер. Зачем вы это сделали?

Вольнер. Я готов понести наказание.

Пауза. Краткий обрыв звука на пленке.

Баусен. Вы утверждаете, господин Вольнер, что убили трех человек. Объясните же, черт побери, зачем вы это сделали! У нас есть другие дела, чем сидеть и выслушивать мазохистов, мечтающих прославиться...

Мёрк. Но...

Вольнер. Я убил их потому, что они плохие люди.

Баусен. Плохие?

Вольнер. Злые.

Баусен. Это единственная причина?

Вольнер. Этого достаточно.

Кропке. Почему вы выбрали именно этих троих?

Ответа нет.

Баусен. Что было на вас в тот вечер, когда вы убили Эрнста Симмеля?

Вольнер. Что было на мне?

Баусен. Да. Как вы были одеты?

Вольнер. Точно не помню... кажется, я был в шляпе и в плаще.

Мёрк. А когда вы убили Рюме?

Вольнер. Спортивный костюм.

Баусен. Зачем вы оставили топор в теле доктора Рюме?

Вольнер. Он был последний.

Баусен. Последний? Значит, плохих людей больше не осталось?

Вольнер. Для меня — нет.

Баусен. Вы не собираетесь убивать еще кого-нибудь?

Вольнер. Нет.

Кропке. А почему вы пришли именно сегодня?

Вольнер. Я был вынужден.

Баусен. Вынужден? А кем вы работаете, господин Вольнер?

Вольнер. Я завхоз.

Мёрк. Где именно?

Вольнер. В «Свете жизни».

Кропке. В той самой церкви?

Вольнер. Да.

Пауза. Перешептывания и грохот стульев.

Баусен. Кто-нибудь приказал вам совершить эти убийства, господин Вольнер?

Вольнер. На меня возложена миссия.

Баусен. Кем возложена?

Молчание.

Мёрк. Может быть, Господом Богом?

Вольнер. Да.

Баусен. Сейчас мы делаем перерыв. Мосер, выведи этого придурка и снова посади под замок... ну, это надо будет потом стереть.

* * *

— Ну, — сказал Баусен. — Что вы думаете?

— Во всяком случае, он вполне сумасшедший, — пожал плечами Кропке.

— Он лжет, — сказала Мёрк.

— А его осведомленность? — настаивал Кропке. — Откуда он может знать такие подробности?

Беата Мёрк пожалала плечами:

— Возможно, из газет...

— А они писали про то, как были одеты жертвы? — спросил Мосер.

— Не знаю. Это нужно проверить... но они очень много писали об этом деле.

— Нисколько не удивлюсь, если выяснится, что это все же он, — проговорил Кропке. — «Свет жизни» — сборище буйнопомешанных.

— Помешанные — вне всяких сомнений, — согласился Баусен. — Но действительно ли они буйные? Кажется, они не имеют обыкновения бегать по городу и убивать людей?

— А где сегодня наши гости? — спросил Кропке, делая многозначительное лицо.

— Комиссар поехал допрашивать какого-то родственника Рюме, — сказал Баусен. — а Мюнстер вот-вот появится.

Беата Мёрк кашлянула.

— Ставлю пятьдесят гульденов, что в газетах не было ни слова об одежде, — сказал Кропке.

— А почему я его об этом расспрашивал, как ты думаешь? — усмехнулся Баусен.

— Религиозный фанатик, — пробормотала Беата Мёрк. — Нет, я сильно сомневаюсь... кстати, они ведь всегда возникают

в связи с громким делом, эти кукушкины дети, — не так ли? Которые готовы все взять на себя и признаться в чем угодно.

— Предполагаю, что дело обстоит именно так, — проговорил Баусен. — Спросим мнение наших экспертов, когда они появятся.

— Доброе утро, — сказал Мюнстер, входя в дверь. — Что-нибудь новенькое?

— Ничего особенного, — сказала Беата Мёрк. — Просто Палач сидит у нас в камере. Всего-навсего.

— Это не он, — констатировал Ван Вейтерен два часа спустя. — Отпустите его или отправьте в психушку. Но не забудьте выставить ему счет за все то время, которое он у нас отнял.

— Почему вы так уверены, господин комиссар? — спросил Кропке.

— Я не первый день этим занимаюсь, — ответил Ван Вейтерен. — По нему видно... но вы можете зажарить его, если вам нужно на ком-то потренироваться. Что скажете, господин полицмейстер?

— Пожалуй, соглашусь с вами, — проговорил Баусен. — Но стопроцентной уверенности у меня нет.

— Он слишком осведомлен о деталях, — сказала Мёрк. — Откуда он может знать, что было надето на Рюме?

Ван Вейтерен пожал плечами:

— Не знаю. Разумных объяснений может быть множество.

— И какие же, например? — продолжал допытываться Кропке.

— Ну, достаточно того, что кто-то не умеет держать язык за зубами... например, фрёкен Линкс могла кому-нибудь разболтать.

— Сомнительно, — проворчал Кропке. — Мне кажется, надо проверить все это досконально. Мы ищем уже несколько месяцев, и, когда наконец появляется подозреваемый, мы не можем просто взять и вытолкать его вон.

— Поступайте, как считаете нужным, — сказал Ван Вейтерен. — У меня, во всяком случае, есть другие дела.

— Да-да, — подвел итог Баусен. — Побеседуем с ним еще раз.

— Простите, — сказал Банг. — Я не знал, что тут идет допрос. Привет, Петер!

— Привет, — ответил Вольнер.

— Что за чертовщина? — простонал Кропке.

— Вы знакомы? — спросил Баусен.

— Ну да, соседи, — ответил Банг. — А почему он сидит здесь?

Вольнер опустил глаза.

— Банг, — проговорил Баусен, с трудом сдерживаясь, — не обсуждал ли ты в последнее время свою работу с этим господином?

Ассистент полиции Банг с озабоченным лицом стал перешагивать на месте.

— Вы имеете в виду Палача, господин полицмейстер?

— Да, я имею в виду Палача.

— Может быть, — пробормотал Банг. — А это имеет значение?

— Кое-какое, — процедил Баусен.

— Ну вот, — сказал Баусен. — Угробили на него целый день. Я прошу прощения, что не поверил вам, господин комиссар.

— Лучше никогда никому не доверять, — ответил ему Ван Вейтерен.

— День туда, день сюда — какая разница? — сказал Кропке. — Единственное, что мы делаем, — это убиваем время.

— Вы можете предложить что-нибудь конструктивное, господин инспектор? — спросил Баусен.

Кропке промолчал.

— Который час? — спросил Мосер.

— Скоро четыре, — сказал Баусен. — Наверное, пора на сегодня поставить точку... или у кого-нибудь есть другие предложения?

Ван Вейтерен сломал зубочистку. Мосер почесал в затылке. Мюнстер посмотрел в потолок. «Что за проклятое расследование! — подумал он. — Похоже, я застрял здесь на всю жизнь. Никогда больше не увижу Сюнн и детей. Лучше сразу уволиться... Сегодня же вечером сяду в машину и уеду домой!»

В кабинет вошла инспектор Мёрк с пачкой бумаг в руках.

— У вас тут что, поминки? — спросила она. — Он прибыл.

— Кто? — спросил Кропке.

— Рапорт из Арлаха. Как там его... Мельник? Похоже, проделана большая работа. Тридцать пять страниц.

— Всего лишь? — удивился Ван Вейтерен.

— Дай взглянуть, — сказал Баусен и взял у нее из рук стопку бумаг. Задумчиво перелистал. — Во всяком случае, это хоть какой-то шанс, — пробормотал он. — Это будет нам всем задание на дом.... я сейчас сниму копии, и пусть каждый прочтет к завтрашнему утру.

— Отлично, — одобрил Ван Вейтерен.

— В эту субботу мы опять работаем? — спросил Мосер.

— Завтра утром — летучка, — решил Баусен. — Все, кто нашел хотя бы одного Палача, получают медаль. Через полчаса у каждого будет по экземпляру.

— Меня это тоже касается? — спросил Мосер.

— Разумеется, — кивнул Баусен. — Мы ведь все члены одного клуба.

— Какого такого клуба? — спросил Мосер.

— Общества слепых куриц, — усмехнулся Баусен.

29

— Мне необходимо прогуляться, — сказал Ван Вейтерен, когда они вышли из спортивного зала. — Ты не мог бы забросить мою сумку в отель?

— Конечно, — ответил Мюнстер. — Что вы думаете по поводу рапорта Мельника?

— Ничего, пока не прочту, — сказал Ван Вейтерен. — Если вечером вы угостите меня пивом в баре, то можем это обсудить. Около одиннадцати, пойдет?

— Может быть, — пробормотал Мюнстер.

— Теплый ветер, — проговорил Ван Вейтерен, втягивая воздух. — Хотя дует с севера. Необычно... где-то в природе нарушено равновесие. Пойду прогуляюсь по пляжу.

В фойе отеля Мюнстер столкнулся с Крэйкшанком, который направлялся в бар с двумя вечерними газетами под мышкой. Прочие охотники за новостями испарились пару дней назад, и только Крэйкшанк по каким-то причинам задержался.

— Добрый вечер, господин интендент! — приветствовал он Мюнстера. — Есть новости?

Мюнстер покачал головой.

— Почему тебя оставили здесь? — спросил он. — Ты ведь уже неделю ничего не писал.

— По собственной инициативе, — проговорил Крэйкшанк. — У меня проблемы дома.

— Да? — удивился Мюнстер.

— Жена не хочет, чтобы я возвращался домой. И не могу сказать, что я ее за это осуждаю... хотя перспектива болтаться целыми днями в этой дыре тоже не сильно вдохновляет. Пытаюсь писать серию статей о беженцах, но это скорее для того, чтобы не лезть на стену от скуки.

— Ай-ай, — сказал Мюнстер.

— А вы как? — спросил Крэйкшанк. — Вам, наверное, тоже невесело, как я понимаю?

Мюнстер задумался.

— Нет, слово «весело» тут определенно не подходит.

Крэйкшанк вздохнул и пожал плечами:

— Пойду посижу в баре. Приходите составить мне компанию.

— Спасибо, — сказал Мюнстер. — Сначала мне надо кое-что прочесть, но попозже, возможно, приду.

Крэйкшанк похлопал его по спине и направился в сторону бара. От него весьма отчетливо пахло коньяком, как отметил Мюнстер, когда тот прошел мимо. Стратегия выживания, по всей видимости.

Мюнстер направился к стойке, чтобы взять ключ от номера.

— Минуточку, — проговорила девушка за стойкой. — Вам сообщение.

Взяв белый конверт, он засунул его в карман. Поднявшись к себе в номер, вскрыл его при помощи карандаша и прочел:

«Привет!

Только что просмотрела рапорт из Арлаха. У меня возникла одна мысль.

Совершенно дикая, но я все же должна кое-что проверить.

Буду дома после пробежки около восьми. Позвони мне.

Обнимаю,

Б.».

Он посмотрел на часы. Двадцать минут восьмого. «Неужели там и впрямь что-то можно выловить? — подумал он, перебирая пальцами стопку бумаг, лежащую на тумбочке. — Вот благодать, если бы это оказалось так!»

Делать нечего, надо прочесть. Но сперва — звонок Сюнн.

Ван Вейтерен прошел вдоль Эспланады до западного пирса, прежде чем спуститься на пляж. Приближались сумерки, однако еще часок светлого времени суток в запасе оставался. Угасающий и слабый свет, но достаточный для того, чтобы сориентироваться на местности. Здесь, у воды, теплый ветер ощущался сильнее, и Ван Вейтерен даже обдумывал, не снять ли ему ботинки и не прогуляться ли по песку босиком... по теплomu песку по верхнему краю пляжа вдоль каменной стены. Но потом он все же передумал. Море выглядело ленивым, как в последние недели на даче, волны катились уныло и безжизненно, без напора...

«Мы надоели друг другу, море и я», — подумал он и осознал, что это осеннее настроение знакомо ему по детству. Конец лета, когда уже хочется домой... в дом, как он это тог-

да называл. Когда ему мечталось о том, что вечность сожмется и станет удобоваримой. Ему так хотелось ввести в рамки все то вечное и необъятное, что тянулось до небес там, на взморье...

Не это ли самое происходило и теперь?

Может быть, вблизи моря сложнее справляться с трудностями? Может, дело в том, что это бескрайнее серое зеркало делает все таким неохватным, неподконтрольным... в данном случае таким безгранично безнадежным? Рейнхарт решительно заявлял, что именно здесь, на стыке земли, воды и неба, все приобретает свой истинный вес и значение.

Или так: свое истинное имя и предназначение.

Трудно сказать. Возможно, дело обстоит как раз наоборот. Во всяком случае, нельзя не заметить, как мысли размывались, становились нечеткими. Когда перед глазами чуть изогнутая береговая линия, теряющаяся в сумеречном тумане где-то вдали за западным пирсом, особенно трудно на чем-либо сконцентрироваться и направить мысли в определенном направлении. Слово все растворялось среди вечности и безвременной тьмы... Пожалуй, Рейнхарт неправ — оно, как палка в колеса, это проклятое море.

Хотя, с другой стороны, нельзя не признать — восприимчивость тоже усиливается. Процесс двусторонний... никаких ограничений, свобода импульсов, свобода выводов. На вход и на выход. Остается только удержать впечатления и ощущения, чтобы он успел рассмотреть их, — хотя бы мгновение.

Так как же обстоит дело с данным случаем? С Палачом? Какие ощущения нахлынули на него с теплым ветром?

Ветер дует не в ту сторону. Что-то не так. Первое предчувствие возникло у него некоторое время назад, но сейчас

оно становилось все очевиднее с каждым шагом, который он делал по безмолвному песку. Вернувшись мыслями назад, он понял, что во время разговора с Беатрис Линкс выплыло что-то... он не мог вспомнить, что именно, он тогда и не понимал, как это важно; одна случайная формулировка — нечто, сказанное мимоходом, даже само необычное сочетание привычных слов. Этого оказалось достаточно, он что-то уловил.

И еще какая-то фраза, произнесенная Баусеном во время последней шахматной партии... полицмейстер вывел вперед пешку и получил преимущество, хотя это был именно тот ход, который Ван Вейтерен предвидел и которого ждал.

Баусен раскурил трубку и что-то проговорил.

И это неясно. В высшей степени неясно — внезапное озарение, возникшее и в следующую секунду растворившееся в воздухе, но оставившее отметину в памяти.

«О боже! — подумал Ван Вейтерен и выплюнул совершенно изгрызенную зубочистку. — Что за поток сознания? Какая точность мысли! Наверное, так бывает, когда болезнь Альцгеймера расцветает пышным цветом».

Хотя, с другой стороны — он мгновенно перекинул мостик между крайностями, — главный признак старческого слабоумия не в том, что память изменяет нам. Напротив! Ворота памяти раскрыты нараспашку. Все вперемешку. Все на показ. Как море. Как волны. Остается лишь выбрать. Все или ничего.

Кто же он? Кто Палач? Сколько еще времени ему придется проболтаться в этом месте, прежде чем удастся упрятать за решетку этого проклятого умника? Что за комбинацию слов обронила Беатрис Линкс? Что такое произнес Баусен?

А Лауридс Рейсин? Видимо, сидит взаперти в собственном доме, повторяя про себя то заверение, которое принесла ему жена от имени полиции. Можно ли ему доверять? Что он там пообещал? Шесть — восемь дней? Когда это было? Не перешел ли он уже поставленную им самим границу?

Наверняка. Ван Вейтерен вздохнул.

Бегун, вернее женщина в красном спортивном костюме, спрыгнул на песок со стороны Эспланады в двадцати метрах впереди него. Темные волосы перехвачены резинкой того же оттенка, что и куртка... Она побежала к урезу воды, где песок плотнее, взяла курс на запад, и уже через несколько секунд расстояние между ними увеличилось в несколько раз. Что-то неоспоримо знакомое было в ее фигуре, но ему понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать ее.

Конечно же... инспектор Мёрк!

Что там сказал о ней Баусен в первый день их встречи?

Красота и интуиция? Во всяком случае, что-то в этом духе. Так или иначе, под этим определением он готов подписаться.

Вздохнув, Ван Вейтерен запустил руки в карманы. Наткнулся на пачку сигарет и некоторое время вел дискуссию с самим собой. «Ну и наплевать», — решил он, и, когда ему удалось раскурить сигарету, Беата Мёрк давно исчезла в темноте далеко впереди.

Тьма поглотила ее.

«Тьма, — подумал он, глубоко затянувшись. — Единственное, что может обнять море».

Неплохая мысль. Надо не забыть озвучить ее Рейнхарту при удобном случае.

«Хотя море, пожалуй, все равно больше, — почти тут же откорректировал он свою сентенцию. — Над другим берегом уже наверняка утро. Ведь всегда есть иной берег».

30

Машину она припарковала на обычном месте, за коптильней. Закрывает двери и чуть расстегнула молнию на куртке. Было теплее, чем ей показалось днем; наверняка она вспотеет во время пробежки.

Она стартовала, и внутреннее возбуждение сразу охватило ее до самых ступней... поначалу темп был взят совершенно невероятный. Она знала, что это потом аукнется, но удержаться не могла. Ей надо было выложиться. Нестись вперед, вкладывая все силы, чтобы навести мало-мальский порядок в мыслях... чтобы избавиться от нервного напряжения, этого вибрирующего, почти истерического чувства надвигающегося триумфа. Скоро разгадка будет у нее в руках.

Наступил прорыв. Прорыв? Ну, пожалуй, это слишком сильно сказано, она просто довела до конца мысль, которую пробудил рапорт Мельника и которая теперь, после первой проверки, оказалась... и чем же?

Во всяком случае, ничто не говорило против этого предположения... никаких аргументов против. Но что все это значит — это следующий вопрос.

Беата Мёрк спрыгнула на берег и пересекла пляж, добравшись до линии воды. Здесь ветер казался еще теплее, и она пожалела, что не оделась полегче.

Ничто не говорило против. Наоборот. Все говорило за. Если только она в спокойной обстановке изложит вече-

ром свои соображения Мюнстеру, все станет предельно ясно...

Стало темнеть, и она задумалась, стоит ли ей пробегать сегодня всю дистанцию. Вероятно, в лесу на обратном пути будет довольно сумеречно, хотя, с другой стороны, она знает эту трассу как свои пять пальцев. Каждый корень и каждую свисающую ветку. Сократить дистанцию — это своего рода жульничество, а Беата Мёрк не любитель жульничать.

И Мюнстер позвонит только в восемь. У нее достаточно времени.

Молочная кислота выделилась быстро. «Ничего удивительного», — подумала она и снизила наконец темп. Зачем доводить себя до полного изнеможения, если ей еще предстоит пробежка по лесу?

Перед ее внутренним взором встал газетный заголовок:
«Женщина-полицейский обезвредила Палача!»

И вступление курсивом в таком ключе:

«Несмотря на приглашение экспертов-криминалистов, именно Беата Мёрк, инспектор полиции Кальбрингена, раскрыла прогремевшее на всю страну дело об убийце с топором. Наш город глубоко благодарен ей за то, что жители снова могут свободно гулять по улицам и спокойно спать по ночам...»

Не в силах сдержать дрожь удовлетворения, она снова прибавила скорость.

Однако не успела она насладиться этой формулировкой, как перед глазами, без всяких на то оснований, возник другой заголовок.

На этот раз — название книги, которую она так и не прочла, однако долго держала в руках на распродаже в книжном

магазине у себя во Фрисене много лет назад. Это была английская книга: «*The loneliness of a Long Distance Runner*» — «Одиночество бегуна на длинную дистанцию», так кажется.

Она оступилась и чуть не рухнула в песок.

Как получилось, что именно эта книга выплыла из забвения именно сейчас?

Она отбросила эту мысль и оглянулась. Пляж был пуст. Ни позади, ни впереди не видно было ни души. Беата посмотрела на часы. Двадцать пять минут восьмого... через несколько минут она достигнет каменных блоков и туннеля под дорогой. Затем — легкий подъем в лесу, и далее прямая дорога домой.

Она, Беата Мёрк, разгадала загадку убийцы с топором!

Одиночество бегуна на длинную дистанцию.

Приближаясь к вершине последнего холма, она почувствовала, что очень устала. Бедрa болели, сердце стучало мощными толчками, кровь пульсировала в жилах где-то на уровне горла... осталось только взобраться на холм на одной силе воли: сжать кулаки, стиснуть зубы и заставить себя преодолеть эти последние метры. Там, за гребнем, дорога шла вниз... можно будет бежать трусцой, дать телу отдохнуть, собраться перед последним участком, ведущим к коптильне и парковке.

Мысль о приятном окончании пути по скату холма, о ждущей машине и горячем душе помогла ей добраться до самого верха и с ветерком пуститься вниз по склону, но даже будь она не такой уставшей и даже будь освещение чуть-чуть лучше этим теплым сентябрьским вечером, все равно не факт, что она вовремя заметила бы темный стальной трос.

Он был натянут в двадцати сантиметрах от земли в самом конце склона... в том месте, где плотная крона липы отбрасы-

вала дополнительную тень в уже сгустившейся тьме. Она кубарем полетела на землю, и прежде чем успела понять, что происходит, он уже навалился на нее.

31

— Боюсь, придется попросить представителей прессы ненадолго оставить нас одних, — сказал Ван Вейтерен и положил руку на плечо Крэйкшанка. — Но я с удовольствием займу твое место.

Мюнстер поднял глаза. Комиссар держал под мышкой рапорт Мельника. Вид у Ван Вейтерена был мрачный, сосудистая сеточка на его лице поменяла цвет с красного на синий. К мешкам под глазами добавились черные круги. Добрый знак, вне всяких сомнений.

— Ах ты черт, — проговорил Крэйкшанк. — После семи лет упорной работы наконец настал победный финал? Можно, я поздравлю вас первым? Как его имя?

— Чье? — спросил Мюнстер.

— Палача, конечно, — сказал Крэйкшанк.

— Тебе обеспечено эксклюзивное послематчевое интервью завтра утром, — пообещал Ван Вейтерен, — если ты будешь пай-мальчиком и немедленно пойдешь в кроватку.

Крэйкшанк допил остатки своего виски с содовой и поднялся. Покачнулся, и на мгновение показалось, что ему придется совершить вынужденную посадку обратно на стул, но он устоял на ногах, встряхнул головой и откашлялся.

— All right, — важно проговорил газетчик. — Джентльменское соглашение. Спокойной ночи, господа! Вы знаете, в каком я номере.

Он поблагодарил Мюнстера за компанию и, покачиваясь, вышел.

— Бедняга, — проговорил Мюнстер.

— Почему это? — удивился Ван Вейтерен. — Пойди возьми мне большую кружку пива.

— Ну? — Ван Вейтерен шумно всосал пену. — Дорогу молодым. Что ты обнаружил?

Мюнстер достал свой экземпляр и перелистал его.

— Ну да, — сказал он. — Этот самый Подворский...

Комиссар кивнул:

— Эуген Подворский, да-да. Что ты думаешь по этому поводу?

— Я ничего о нем не знаю, — сказал Мюнстер. — Но тут, во всяком случае, есть хоть какая-то связь. Думаю, другие, инспекторы и Баусен, смогут лучше оценить эту кандидатуру. Если он, конечно, известен в городе...

Ван Вейтерен закурил.

— Я только что разговаривал с Баусеном, — сказал он. — Он считает, что это вполне возможно. К тому же подходит по типу... одиночка, живущий среди вересковой пустоши в сторону Линдена. Это в глубь страны, примерно полмили отсюда. Кроме того, сидел за непреднамеренное убийство, хотя это было чертовски давно... да, может быть, это нам что-то даст. Не исключено, что это он.

— Человеконенавистник? — спросил Мюнстер.

— Во всяком случае, злопамятен, по словам Баусена. И видимо, не совсем в своем уме. Ни с кем не общается. Вышел на пенсию по инвалидности в семьдесят пятом году, если я не ошибаюсь. Ну вот, обмозгуем это завтра на свежую голову...

неплохо было бы немного подготовиться, прежде чем набрасываться на него. Он может создать нам немало проблем, даже если это и не он. Так считает Баусен.

Мюнстер кивнул. Комиссар выпил несколько больших глотков и причмокнул от удовольствия.

— Черт бы побрал их всех, Мюнстер! — проговорил он. — Если мне только доведется посмотреть на этого типа, я смогу определить, он это или нет. Пора собираться домой, тебе не кажется?

Мюнстер озабоченно заерзал.

— Что такое? — спросил Ван Вейтерен. — Что там у тебя на душе?

— Всего лишь одна маленькая деталь, — поколебавшись, сказал Мюнстер. — Наверняка не имеет никакого значения. Я получил сообщение от инспектора Мёрк. Она натолкнулась на что-то интересное и попросила меня ей позвонить...

— И что?

— А то, что она не отвечает на звонки. Должна была вернуться домой около восьми. Я несколько раз пытался ей дозвониться.

Ван Вейтерен посмотрел на часы.

— Пять минут двенадцатого, — констатировал он. — Попробуй позвонить еще раз, прежде чем ляжешь спать. Наверное, она просто-напросто с мужчиной.

«Да, — подумал Мюнстер. — Конечно, она просто-напросто с мужчиной».

ЧАСМБ III

24-27 сентября

32

Баусен был небрит, однако полон энергии. Свой грязно-коричневый пиджак он повесил на спинку стула, а рукава рубашки закатал гораздо выше локтей.

— Эуген Подворский, — начал он и ткнул желтым карандашом в Кропке. — Что нам известно?

— Много всякого, — с энтузиазмом откликнулся Кропке. — Все с самого начала, или...

— Да, — сказал Баусен. — Думаю, все заметили, что он фигурирует в двух случаях, однако нам не мешает заслушать общие сведения, прежде чем перейти к сути.

— Минуточку, — сказал Ван Вейтерен. — Думаю, мы должны сначала уделить немного внимания инспектору Мёрк.

Баусен окинул взглядом стол, словно только сейчас заметил брешь в рядах.

— Что с Мёрк? Почему ее нет?

— Гм... — пробормотал Ван Вейтерен. — Пусть господин интендент расскажет.

Мюнстер глубоко вздохнул.

— Да, — начал он. — Вчера в отеле меня ждало сообщение... от инспектора Мёрк. Она просила позвонить ей. Ей пришла в голову какая-то мысль — в связи с рапортом Мельника, как там было написано... и такое ощущение, что со вчерашнего вечера она не появлялась дома. Мне не удалось с ней связаться.

— Проклятие! — проревел Баусен. — Какая-то мысль? Про Подворского, стало быть?

Мюнстер развел руками:

— Не знаю. Наверное, но точно неизвестно... она собиралась что-то проверить.

— Проверить?

— Да.

— Что именно? — спросил Кропке.

— Понятия не имею, — вздохнул Мюнстер.

— А само сообщение у вас сохранилось?

Мюнстер кивнул и достал из внутреннего кармана конверт. Отметил уголком глаза, что Ван Вейтерен наблюдает за ним, и почувствовал, что краснеет. С этим он ничего не мог поделать, да и в сложившейся ситуации это не имело значения. За ночь он спал не более двух часов, и с самого момента пробуждения перед глазами у него стояла картина зала заседаний. Либо она будет сидеть, как ни в чем не бывало, на своем обычном месте возле книжных полок, либо нет. Либо она и впрямь была с мужчиной, либо... столкнулась с другим мужчиной. Даже самому себе он не решился бы признаться, что испытал легкое мимолетное удовлетворение, когда оказалось, что первый вариант не верен. *Просто-напросто с мужчиной!* Разумеется, это чувство тут же заглушилось осознанием

всех возможных последствий второго варианта, однако оно все же промелькнуло, и об этом стоило задуматься.

Полицейстер прочел текст. Послал записку по кругу.

— Я уже видел, — сказал Ван Вейтерен, когда записка дошла до него.

Мюнстер взял конверт.

— «Буду дома около восьми», — процитировал Баусен. — Проклятие! Не хотите же вы сказать...

— Как там было сказано? — переспросил Кропке. — «Довольно дикая»?

— «Совершенно дикая, но я все же должна кое-что проверить», — уточнил Мюнстер.

Баусен взял свою трубку и застыл. Внезапно в зале воцарилась тишина. Банг жевал жвачку. Ван Вейтерен был полностью поглощен двумя зубочистками... внимательно сравнил их, прежде чем засунуть одну из них в нагрудный карман, а вторую — между передними зубами. Кропке осторожно барабанил кончиками пальцев друг о друга, а Мосер смотрел в окно.

«Боже мой! — подумал Мюнстер. — Все видят ее сейчас перед собой!» Он слотнул и почувствовал, как что-то холодное и влажное подступило к горлу. В солнечном сплетении стоял спазм.

— Простите, — выдавил он, поднялся и удалился в туалет.

— Кропке! Пойди к себе в кабинет и позвони еще раз! — приказал Баусен.

Кропке ушел. Ван Вейтерен вынул изо рта зубочистку.

— Бесполезно, — сказал он. — Мы уже дважды пытались дозвониться из гостиницы. Ты обратил внимание на обращение?

Баусен кивнул и отошел к окну. Провел рукой по своей щетине, глядя на задний двор и тяжело дыша. Вернулись Мюнстер и Кропке. Кропке покачал головой.

— Не отвечает, — сказал он. — Что вы думаете по этому поводу?

— Подворский? — спросил Баусен и обернулся. — Вы действительно думаете, что ей могло прийти в голову отправиться к Подворскому в одиночку?

Кропке откашлялся.

— Не думаю, — проговорил он. — Это совсем на нее не похоже.

— Чистейшей воды безумие, — сказал Мосер. — Ни один нормальный человек не поедет туда добровольно. Даже при обычных обстоятельствах. Но если к тому же подозревать, что он и есть Палач... я просто не понимаю...

Тут терпение Мюнстера лопнуло.

— Хватит! — прорычал он и стукнул кулаком по столу. — Сколько можно сидеть здесь и жевать жвачку! Пора что-нибудь предпринять, черт бы меня побрал! Сесть в машину и поехать к этому типу. Чего мы ждем?

Баусен наблюдал за ним, приподняв брови.

— Складывается впечатление... — начал он.

— Bravo, господин интендент! — прервал его Ван Вейтерен. — Я склонен согласиться с вами. Немного действия тут не помешало бы.

Мюнстер откинулся на спинку стула и вздохнул.

— Извините, — пробормотал он.

— Да-да, все это ужасно, — проговорил Баусен. — Значит, если мы возьмем и...

— Минуточку, — проговорил Ван Вейтерен и подался вперед. — Мне все же кажется, что мы должны прояснить некоторые обстоятельства, прежде чем предпринимать меры. Во-первых, мне представляется не очень вероятным тот вариант, что инспектор Мёрк отправилась к этому Подворскому... более того, я считаю, что это исключено.

— Почему? — спросил Кропке.

— Фактор времени, — сказал Ван Вейтерен. — Времени бы не хватило. Она ушла отсюда вчера тогда же, когда и все мы, не так ли? Около половины пятого...

Кропке и Мосер закивали.

— Унося в портфеле рапорт Мельника, как и все мы... В двадцать минут седьмого, по свидетельству портъе, инспектор оставила сообщение в отеле «Сее Варф». В записке сказано, что она намеревалась кое-что проверить. Обратите внимание, что она еще этого не сделала... в интервале с половины пятого до двадцати минут седьмого она вряд ли успела что-то еще, кроме как прочесть рапорт и переодеться в спортивный костюм.

— Логично, — согласился Баусен.

— Что бы она там ни собиралась проверить, она сделала это после того, как вышла из отеля... в интервале от половины седьмого до семи пятнадцати. То есть за сорок пять минут.

— До семи пятнадцати? Откуда вы это знаете, господин комиссар? — спросил Кропке.

— Потому что я ее видел, — сказал Ван Вейтерен.

— Видел? — воскликнул Баусен. — Где?

Ван Вейтерен откусил кусок зубочистки.

— Да, я видел ее на пляже... примерно в четверть восьмого.

— И что она там делала? — спросил Мосер.

— Бежала, — ответил Ван Вейтерен. — В западном направлении.

В помещении снова воцарилась тишина.

— Должна была вернуться домой к восьми, — проговорил Мюнстер.

— Она была одна? — спросил Кропке.

Ван Вейтерен пожал плечами и посмотрел на Мюнстера.

— Да, — сказал он. — В полном одиночестве... думаю, нам с господином интендентом стоит поехать на место и посмотреть. Может, мы возьмем с собой ассистента Мосера?

Баусен кивнул.

— Снова встречаемся через два часа, — сказал он. — Тем временем мы с Кропке проедем до дома Подворского. Хотя бы для того, чтобы прозондировать почву.

— Это она? — спросил Ван Вейтерен.

Мосер кивнул.

— Уверены?

— На все сто, — сказал Мосер. — Это ее машина. «Мазда 323», я даже помогал ей менять привод вентилятора.

— Да, это ее машина, — подтвердил Мюнстер.

— Гм... — задумчиво проговорил Ван Вейтерен. — Да, примерно где-то здесь я и видел ее... метрах в двухстах — трехстах отсюда.

Он указал в сторону пляжа. Пляж был совсем не таким пустынным, как накануне вечером. По нему прогуливались отдыхающие — мужчины, женщины, дети. Компания длинноволосых юнцов играла в футбол, вокруг бежали несколько собак, на ветру полоскались два бумажных змея — желтые, как два кусочка масла, на почти идеально ясном голубом небе. За

ночь ветер полностью развеял облачность, туман и тучи, царившие в последние дни; чайки снова парили высоко, воздух очистился, он был свеж и пропитан солью.

Мюнстер стоял и кусал губы. Комиссар покачивался с носков на пятки и, как ни странно, выглядел немного нерешительным. «Или это всего лишь позерство, — подумал Мюнстер. — Я не удивлюсь, если так и есть».

Молчание прервал Мосер:

— Вы думаете, что...

— Я ничего не думаю, — прервал его Ван Вейтерен. — Что вы такое плетете, черт возьми?

— Но... — пробормотал Мосер.

— Цыц! — строго сказал Ван Вейтерен. — Неподходящее время строить догадки. Ты знаешь, по какой дороге она обычно бегала?

— Ну да, — сказал Мосер. — Дороги как таковой нет... туда и обратно по пляжу. Или на обратном пути — по лесу.

— Гм... — снова проговорил Ван Вейтерен. — Она всегда бегала одна?

— Нет, — ответил Мосер. — По-моему, они иногда тренировались вместе с Гертрудой Дункель.

— Кто это? — спросил Мюнстер.

— Подруга. Работает в библиотеке.

— А мужика у нее не было? — спросил Ван Вейтерен.

Мосер задумался.

— Был, но раньше... Она встречалась с одним пару лет... по-моему, он потом свалил. А потом у нее был Янос Хавель, но с ним она порвала.

— Да, порвала, — подтвердил Мюнстер. — Мы переберем всю биографию, прежде чем тронемся с места?

Мосер кашлянул.

— По пляжу туда и по лесу обратно? — предложил он.

— Только по лесу, — сказал комиссар. — На пляже ее уже давно бы обнаружили... он... обычно не утруждает себя тем, чтобы прятать...

— Черт! — проговорил Мюнстер.

— Будем исходить из того, что машина была для нее отправной точкой и конечной целью, — как ни в чем не бывало продолжил Ван Вейтерен. — Что скажете, ассистент Мосер? В лесу несколько дорожек?

— Не думаю, — ответил Мосер. — На самом деле это лишь узкая полоска леса. Там проходит тропинка, которой многие пользуются... кому нравится бегать по пересеченной местности. Пройдем по ней?

— Ну да, давай шевелись! — сказал Ван Вейтерен. — У нас не так много времени.

33

— Куда ты так несешься? — буркнул Баусен. — Мы должны определиться, как будем вести себя, когда прибудем на место.

Кропке сбросил газ.

— У вас табельное оружие с собой, господин комиссар? — спросил он.

— Само собой, — ответил Баусен. — Я догадывался, что здесь нечисто. Хотя твое ведь у тебя тоже с собой, как я полагаю?

Кропке похлопал себя по подмышке.

— Слава богу, что оно у тебя хоть на бедре не болтается, — пробормотал Баусен. — Стоп! Вот поворот!

Кропке притормозил и свернул на узкую асфальтовую дорожку, уходящую в глубь вересковой пустоши. Стая больших черных ворон, занимавшихся дележкой падали, поднялась в воздух, но сразу же опустилась обратно на дорогу, едва машина проехала мимо.

Шумные и наглые птицы... Баусен повернул голову, озирая пустошь. Далеко впереди виднелись остовы нескольких невысоких строений, почти развалившихся... прогнившие стены, дырявые крыши. Когда-то давно, более полувека назад, они служили для определенных целей. Когда из этой болотистой почвы еще добывали торф. Даже странно, что сушильные сараи до сих пор не рухнули. Он вспомнил, что в его молодые годы они выполняли совсем иную функцию — любовные гнездышки для подростков, не имеющих иных мест для встреч. Конечно, добраться сюда было делом нелегким, но если справиться с этой незначительной трудностью, то усилия окупались сполна — одиноко расположенные здания предлагали неограниченные возможности для всякого рода интимного общения... тайные кущи любви. Он легко мог вспомнить два, нет, даже три случая, когда...

— Вот здесь, да? — спросил Кропке.

Баусен сосредоточил внимание на том, что виднелось впереди, и кивнул. Здесь. Перед ними был дом Эугена Подворского, чуть прикрытый со всех сторон посаженными по периметру участка елками. Историю этого дома Баусен знал хорошо. Построенный в конце девятнадцатого века, он какое-то время служил жильем для семьи кого-то из начальников торфяного производства, прежде чем предприятие разорилось, став к началу следующего века совершенно нерентабельным... а затем, как и многое другое в Кальбрингене

и его окрестностях, попал в руки Эрнста Симмеля. Позже в нем поселился Эуген Подворский.

— Выглядит жутковато, — сказал Кропке, припарковав машину под прикрытием более-менее раскидистой елки.

— Знаю, — ответил Баусен. — Ты заметил где-нибудь его грузовик?

Кропке покачал головой.

— Как бы там ни было, подкрасться незаметно нам не удастся, — сказал Баусен. — Если он дома, то уже минут пять следит за нами... достаточно времени, чтобы зарядить дробовик и удобно усесться у кухонного окна.

— Фу, — сказал Кропке. — Чего удивляться, что Симмелю так и не удалось его выселить.

— Гм... — произнес Баусен. — Не понимаю, зачем он вообще пытался это сделать. Кому нужно такое жуткое местечко?

Кропке задумался.

— Понятия не имею, — сказал он. — Может, какой-то сумасшедший и купил бы. Что будем делать?

— Войдем внутрь и посмотрим, — сказал Баусен. — Раз уж мы сюда приехали. Укройся за мной и держи пистолет наготове, если что. Никогда не знаешь...

— Ладно, — сказал Кропке.

— Хотя мне кажется, его нет дома.

Баусен вылез из машины. Прошел вдоль ряда разлапистых елок и зашел в ворота, на которых красовался облупившийся и заржавевший почтовый ящик — живое свидетельство того, что почтовое ведомство по-прежнему брало на себя труд проехать несколько лишних километров по пустоши.

«Возможно, Подворский пригрозил директору почты расправой, если тот откажется его обслуживать», — подумал Баусен и выудил из ящика газету.

— Сегодняшняя, — констатировал он. — Можете засунуть пистолет обратно под мышку, инспектор. — Его точно здесь нет.

Они прошли по протоптанной тропинке к веранде. С двух сторон от двери виднелись ветхое кожаное кресло и гамак. Судя по всему, Эуген Подворский имел привычку наслаждаться теплыми летними и осенними вечерами. Десяток ящиков с пустыми бутылками стояли штабелями у стены... рядом лежали стопки старых газет, на колченогом металлическом столике выстроились почти что в ряд транзистор, большая консервная банка с песком и торчащими из него окурками и плохо вымытая кружка из-под пива. Серый кот подошел и стал тереться о ноги... второй, чуть потемнее, растянулся перед дверью.

— Так-так, — сказал Кропке. — Что будем делать теперь?

— Черт его знает, — откликнулся Баусен. — Кто допрашивал Подворского после убийства Симмеля? Ведь мы его точно допрашивали.

Кропке почесал свободную подмышку.

— Проклятие! — воскликнул он. — Мёрк!.. Да, его допрашивала Мёрк, в этом я совершенно уверен.

Баусен закурил, поднялся на веранду и попробовал дверь. Кот сердито зашипел и отодвинулся в сторону.

— Открыто, — сказал Баусен. — Войдем?

Кропке кивнул.

— Думаете, внутри зрелище лучше, чем снаружи?

— Я бывал тут лет двенадцать — пятнадцать назад, — сказал Баусен и вступил в темный холл. — Не похоже, чтобы он с тех пор озаботился косметическим ремонтом.

Двадцать минут спустя оба снова сидели в машине.

— Совершенно бессмысленный визит, — сказал Кропке.

— Возможно, — ответил Баусен. — Но сколько же у него книг!

— Что вы думаете по этому поводу, господин комиссар?

— А что думаете вы, господин новый полицмейстер?

— Не знаю, — сказал Кропке, стараясь не показать смущения. — Трудно сказать. Этот визит нам ничего не дал. Мы должны разыскать его. Допросить как следует... мне кажется, в виде исключения можно было бы обойтись с ним построже.

— Даже так? — проговорил Баусен.

Кропке завел машину:

— Где он, как вы думаете?

— На Рыночной площади, скорее всего, — предположил Баусен. — По-моему, он имеет обыкновение стоять там по субботам... ты обратил внимание на теплицы позади дома?

— Да, конечно, — ответил Кропке. — Мы задержим его? Или придется отказаться от этой идеи только потому, что мы не нашли под кроватью окровавленной одежды?

Некоторое время Баусен сидел молча.

— Думаю, нам следует сначала посоветоваться с нашими гостями, — сказал он. — Кроме того, у нас остается еще небольшая проблемка с инспектором Мёрк, если помнишь.

Кропке забарабанил пальцами по рулю:

— Как вы ду... как вы думаете, они нашли ее?

— Надеюсь, что нет, — ответил Баусен. — Во всяком случае, в том состоянии, на которое ты намекаешь.

Кропке слотнул и прибавил скорость. Внезапно перед его внутренним взором встали образы предыдущих жертв с поч-

ти отрубленными головами. Опустив глаза, он заметил, что костяшки его пальцев побелели.

«Боже мой, — подумал он, — не может быть, чтобы...»

34

— Ничего? — спросил Баусен.

— Нет, — ответил Ван Вейтерен. — И слава богу, прибавил бы я. Однако радоваться особо нечему — она не вернулась после пробежки.

— Как вы это установили?

— Машина, — сказал Мосер. — Она так и осталась стоять возле коптильни.

Баусен кивнул.

— А у вас? — спросил Мюнстер.

— Птичка улетела, — ответил Баусен и пожал плечами.

— А на площади его нет? — поинтересовался Мосер. — Он обычно стоит там, торгует овощами.

Кропке замотал головой:

— Нет. Мы как раз оттуда. Сегодня он там вообще не появлялся.

— Так-так, — проговорил Ван Вейтерен и повесил пиджак на спинку стула. — Пора собраться и пошевелить мозгами. Похоже, заварилась настоящая каша!

— Банг, — сказал Баусен. — Отправляйся к Сильвии и скажи, что сегодня нам нужно что-нибудь особенное.

Банг отдал честь и удалился. Остальные уселись вокруг стола — все, кроме Ван Вейтерена, который открыл окно и теперь стоял, глядя на крыши домов.

Полицейстер наклонился вперед, опершись головой о руки. Тяжело вздохнул и уставился на портреты трех своих предшественников на противоположной стене.

— Так, — сказал он через некоторое время. — Что будем делать, черт побери? Будьте добры, разъясните это старому полицейскому, которому один шаг до пенсии. Что делать, а?

— Гм... — проговорил Мюнстер. — Хороший вопрос.

— Мне осталось семь дней на этой работе, — продолжил Баусен. — Похоже, придется провести эти дни в поисках одного из своих инспекторов. И не дай бог найти ее где-нибудь в канаве с отрубленной головой. Вот это я называю блестящим окончанием профессиональной карьеры.

— Да уж, — согласился Мюнстер.

Воцарилось молчание. Баусен сцепил руки и закрыл глаза... на мгновение у Мюнстера мелькнула мысль, что полицейстер молится, но тот снова открыл глаза и рот.

— Просто чертовщина какая-то, — сказал он.

— Да-да, — кивнул Ван Вейтерен и сел. — Можно и так выразиться. Однако если бы мы меньше ругались и больше пытались сдвинуться с мертвой точки... это, конечно, всего лишь предложение.

— Прошу прощения, — проговорил Баусен и снова тяжело вздохнул. — Разумеется, вы совершенно правы, господин комиссар... однако мы все же дождемся кофе? Кропке, изложи нам историю Подворского, как планировалось изначально.

Кропке кивнул и стал рыться в своих бумагах.

— Мы предадим это огласке? — спросил Мосер. — В смысле, что она пропала?

— Об этом позже, — решил Ван Вейтерен. — Этот вопрос следует обдумать.

— Подворский, — начал Кропке. — Эуген Павел. Тысяча девятьдесят три года рождения. Попал в Кальбринген в качестве иммигранта в пятидесятые годы. Как и многие другие, устроился на консервный завод. Поначалу жил в тамошних рабочих бараках, а когда их снесли, переселился в дом на пустоши. К тому времени дом уже несколько лет пустовал, а причина его вселения туда заключалась в том, что Подворский был помолвлен и сожительствовал с Марией Массау, сестрой Греты Симмель.

— Ага, — сказал Мюнстер. — Зять Симмеля!

— Да, в какой-то степени, — кивнул Баусен. — Продолжай!

— Можно сказать, что Подворский всегда считался странным типом. С ним трудно было иметь дело, по многочисленным свидетельствам. Временами сурово закладывал за воротник... да и сама идея утащить эту бедную женщину с собой далеко в пустошь... думаю, ей там было невесело.

— Дальше, — велел Баусен.

— В шестьдесят восьмом году произошел этот случай со смертельным исходом. Подворский, что для него нехарактерно, пригласил домой компанию сослуживцев... только мужчин, если я правильно понял?

Баусен кивнул.

— Они крепко выпили, надо полагать, и один из них стал проявлять интерес к Марии... видимо, это был всего лишь легкий флирт, но Подворский вышел из себя. Затеял ссору, а под конец выгнал всех, кроме того парня, который провинился.

Его он задержал у себя и позднее ночью прибил кочергой... Клаус Мольдер — так звали убитого.

— Подворского осудили за непреднамеренное убийство, — продолжал Баусен. — Он отсидел шесть лет в колонии Клеймерсхюс. Тем временем Мария Массау заболела лейкемией. Видимо, страдала она ею с детства, но в латентной форме. Ей становилось все хуже и хуже, и через несколько недель после освобождения Подворского она умерла.

— Его отпускали повидаться с женой? — спросил Ван Вейтерен.

— Да, но она не желала его видеть, — снова вступил Кропке. — По-моему, они так и не встретились. Она в основном жила у Симмелей... хотя под конец все больше времени проводила в больнице. Выйдя из заключения, Подворский тут же снова вселился в дом, хотя владел им Симмель, который разрешил ему попользоваться жильем, так сказать, из родственных соображений. Ну, и затем Симмель несколько раз пытался выселить его, но в конце концов бросил эту затею.

— Почему? — спросил Ван Вейтерен.

— Не знаю, — ответил Кропке.

— Да уж, — покачал головой Баусен. — Так и осталось неясным — то ли ему просто надоело, то ли за этим кроется еще что-то... во всяком случае, слухи ходили разные. Все эти годы.

— Что за слухи? — спросил Мюнстер.

— Например, что Подворский напугал Симмеля до полу-смерти, — ответил Баусен. — Или что Симмель был у него на крючке.

Ван Вейтерен кивнул.

— Понятно, — сказал он. — Похоже, оба этих красавчика не пользовались особой любовью горожан, если я правильно понял?

— Верно, — согласился Кропке.

— По какой причине Подворский получил инвалидность? — спросил Ван Вейтерен. — Это произошло сразу после освобождения?

— В общем-то да, — сказал Баусен. — Ему удалось заработать себе в тюрьме травму позвоночника... к тому же его шансы устроиться на работу были, мягко говоря, невелики.

— Так что с тех пор он живет там, на пустоши, совсем один, — подвел итог Кропке. — С семьдесят четвертого года. Настоящий степной волк.

— Случались у него за это время нелады с законом? — спросил Мюнстер.

— Да, в каком-то смысле, — ответил Баусен. — Говорили, что он производит самогон на продажу... или покупает контрабанду откуда-то с Востока. Я сам был у него в конце семидесятых, но ничего не обнаружил. Возможно, его предупредили.

Ван Вейтерен почесал в затылке карандашом.

— Чудесно, — сказал он. — И далее у нас эта замечательная история из Арлаха.

— Должен сказать, что это исключительно странное совпадение, — сказал полицмейстер. — Не правда ли? Как его туда занесло? Это, как-никак, в двадцати милях отсюда, а Эуген

Подворский никогда не отличался любовью к путешествиям, напротив. Кстати, когда точно это произошло?

— Пятнадцатого марта восемьдесят третьего года, — сказал Кропке. — В одном из баров у него по непонятной причине вышла чудовищная драка с двумя студентами-медиками, одного из которых звали Морис Рюме. Они нанесли ущерб заведению на тысячи гульденов, в результате и Подворского, и приятеля Рюме госпитализировали на пару недель. Поначалу речь шла о возбуждении уголовного дела, но потом все уладилось полюбовно...

— Вмешался Жан-Клод Рюме? — предположил Ван Вейтерен.

— Скорее всего, — проговорил Баусен. — Думаю, нужно разрабатывать эту тему дальше. Попросить у Мельника более подробные сведения и найти этого второго студента, как там его... Кристиана Блэве?

— Увы, — сказал Ван Вейтерен.

— Что значит «увы»?

— Он мертв. Это не отражено в отчете, но я звонил сегодня утром Мельнику, и он подтвердил. Кристиан Блэве погиб при взрыве два года назад. Естественно, я попросил Мельника выяснить, из-за чего у них случилась та драка. Он обещал перезвонить мне.

Кропке записал что-то в своем блокноте.

Баусен нахмурился.

— При взрыве? — переспросил он.

Ван Вейтерен кивнул и стал рыться в нагрудном кармане.

— Зубочистки кончились, — пояснил он. — У вас не найдется сигарет, господин полицмейстер?

Баусен протянул ему всю пачку.

— Так что за взрыв? — спросил он.

— Теракт, — сказал Ван Вейтерен, щелкая зажигалкой. — Баскские сепаратисты, сказал Мельник, но без особой уверенности.

— Где? — спросил Мюнстер.

— Где? — усмехнулся Ван Вейтерен, которому удалось наконец поджечь сигарету. — В Испании, само собой. Где-то на Коста дель Соль. Бомба была подложена в машину. Взрывом убило Блаве и двух испанцев.

Кропке поднялся и переспросил, запинаясь:

— А это было, случайно, не... случайно, не в... как его там...

— Вы имеете в виду — не в Лас Брочас, не так ли, господин инспектор? — проговорил Ван Вейтерен, пытаясь пустить кольцо дыма.

«Иногда он просто неподражаем», — подумал Мюнстер.

— Лас Брочас, да! — воскликнул Кропке.

— Не совсем, — спокойно сказал Ван Вейтерен. — В Фуенгироле... но это всего в двух милях.

— Но что все это означает, черт побери? — воскликнул Кропке. — Кто-нибудь может мне объяснить?

Баусен, набивавший свою трубку, посмотрел на Ван Вейтерена.

— Трудно сказать, — проговорил тот. — В любом случае, нужно дождаться, пока мы получим дополнительную информацию о той драке в баре. Возможно, это всего лишь невероятное совпадение... такое случается на самом деле куда чаще, чем мы представляем. Хотя, возможно, мы попали на верный след.

На несколько секунд воцарилась тишина, и вдруг Мюнстер почувствовал, как вибрирует неподвижный воздух в зале. Полная концентрация внимания, напряженная работа мысли стали почти физически ощутимы. Вдоль позвоночника пробежал знакомый холодок. Неужели дело сдвинулось? Может быть, они уже на пути к разгадке?

— Я свяжусь с Мельником, — сказал Баусен.

— Что будем делать с Мёрк? — спросил Кропке.

Баусен заколебался.

— Что скажете? — проговорил он.

— Мы с Мюнстером поедem к ней на квартиру, — сказал Ван Вейтерен после паузы. — Постараемcя поискать там, не выдавая себя...

— Стало быть, пока будем молчать об этом? — спросил Кропке, переводя взгляд с одного на другого.

— Хотя бы некоторое время, — решил Баусен. — Когда это попадет в газеты, начнется ад кромешный.

— Вне всяких сомнений, — согласился Ван Вейтерен.

— Кропке и Мосер! Вам — найти Подворского! — приказал Баусен.

Кропке кивнул.

— Особые указания?

— Нет.

— А Банг? — спросил Банг.

— Банг садится на свой велосипед, едет к госпоже Симмель и выясняет у нее, что ей известно о том взрыве бомбы. И конечно, о Подворском.

— Да? — переспросил Банг с озабоченным лицом.

— Кропке заранее запишет ему вопросы.

— Хорошо, — вздохнул Кропке.

— Новое совещание с отчетами о проделанной работе в шесть часов, — сказал Баусен.

Ван Вейтерен поднялся.

— У вас есть отмычки? — спросил он.

Баусен покачал головой.

— Ну ладно, тогда придется задурить голову консержку.

Мюнстер скомкал бумажный стаканчик и бросил его в корзину для мусора.

— Разрешите вопрос, — проговорил он. — Разумно ли не бросать сейчас все усилия на поиски инспектора Мёрк?

— Ты имеешь в виду, объявления в СМИ, прочесывание леса и все такое?

— Да.

Баусен с озабоченным видом почесал в затылке.

— Это было бы ошибкой, господин интендент, — твердо сказал Ван Вейтерен. — Думать надо умом, а не сердцем. Если она жива, то жива. Если умерла, то умерла. Может, звучит цинично, но это факт. Ничто не указывает на то, что она лежит сейчас где-то и истекает кровью, нуждаясь в срочной помощи. Мы дадим себе отсрочку в сорок восемь часов — до обеда в понедельник. Если нас все равно ожидает ад крошечный, то нет никаких оснований торопить его наступление...

— Я понял, — вздохнул Мюнстер.

35

Им понадобилось почти полчаса, чтобы добраться пешком до района Врейсбакк и дома Беаты Мёрк — в первую очередь потому, что Ван Вейтерен нисколько не торопился. Всю до-

рогу он шел, засунув руки в карманы брюк и подняв плечи, словно мерз в лучах бледного осеннего солнца. Пару раз Мюнстер пытался задавать ему вопросы, но скоро сдался. Очевидно было, что комиссар глубоко погружен в свои мысли и не желает, чтобы его отвлекали. Судя по всему, он понимал, что Мюнстер знает дорогу, поскольку все время шел позади него, упираясь взглядом в его пятки.

После некоторых усилий Мюнстеру удалось отыскать консьержа — желчного старика, от которого исходил стойкий запах пота. Ссылаясь на то, что ведется следствие, а фрёкен Мёрк находится в другом городе по служебным делам, он убедил его впустить их в квартиру.

— Надеюсь, вы скоро что-нибудь предпримете, — буркнул старикашка, окинув их недобрый взглядом. — Не каждый может себе позволить жить неделю за неделей в «Сее Варф».

Ван Вейтерен пробудился от своих размышлений и устремил на него суровый взгляд.

— Будь я на вашем месте, я бы очень осторожно обращался со словами, — прорычал он. — К тому же я бы отправился домой и помылся. Отоприте дверь!

Консьерж молча отпер дверь.

— Спасибо, дальше мы вполне справимся без вас, — сказал Ван Вейтерен.

— Не думаю, что мы тут что-нибудь найдем.

Мюнстер огляделся:

— Почему?

— Потому что у убийцы было предостаточно времени, чтобы приехать сюда и убрать все лишнее.

Мюнстер кивнул.

— Ты ведь бывал здесь, правда?

— Один раз, — ответил Мюнстер. — Что мы ищем?

— Рапорт Мельника, само собой, — сказал Ван Вейтерен. — Ее экземпляр рапорта Мельника. Но я готов держать пари на сто гульденов, что мы его не найдем.

— Даже так? — удивился Мюнстер. — Почему же?

— Гм... ты сам прекрасно понимаешь. Где он должен находиться, как ты думаешь?

Мюнстер на мгновение задумался.

— В кабинете, — сказал он. — Она разрабатывала собственные версии по поводу этих убийств. У нее было несколько блокнотов с записями.

— Это здесь?

— Да.

— Стоп, — сказал Ван Вейтерен. — Прежде чем мы начнем рыться... ты не видишь ничего необычного? Никаких признаков того, что посторонний побывал здесь и что-то искал?

Мюнстер внимательно оглядел письменный стол — подставка для ручек, блокноты, телефон, бумаги, все в идеальном порядке, все на своих местах. Книжные полки с бамбуковыми жалюзи, репродукции Кандинского и Шафнера на стенах...

— Нет, — сказал он.

— У этой женщины, похоже, во всем порядок, — констатировал комиссар. — Рапорт должен лежать на письменном столе, не так ли?

— Предположительно да, — ответил Мюнстер.

После десятиминутных поисков Ван Вейтерену надоело, и они покинули квартиру, сказав консьержу, что он может запереть дверь. Старик что-то пробурчал под нос, но, видимо,

не решился высказывать свое мнение по поводу сомнительной пользы полицейских для общества.

— Существует только два варианта, — пояснил Ван Вейтерен, когда они вышли на Рейдерс-алле, ведущую обратно к центру. — Либо рапорт лежал у нее в машине, либо убийца побывал ночью у нее дома и забрал его.

— Простите мою недогадливость, — проговорил Мюнстер, — но почему это, на ваш взгляд, так важно, господин комиссар?

Ван Вейтерен фыркнул.

— Потому что она наверняка сделала в нем какую-нибудь пометку, — ответил он. — Она написала тебе, что ей пришла в голову какая-то идея в связи с рапортом Мельника. Что бы это ни было, она наверняка оставила записку на полях. Поставила вопросик, нарисовала крестик, подчеркнула... все что угодно. Возможно, этого вполне достаточно, чтобы засадить его, если только мы будем знать, что привлекло ее внимание. Ты понял?

— Когда вы мне объяснили, господин комиссар, то да, — сказал Мюнстер.

Несколько десятков метров они прошли в полном молчании.

— Так значит, это не Подворский? — спросил Мюнстер.

— Не знаю. Я уже начал в этом сомневаться, но, конечно, это может оказаться и он... честно говоря, меня несколько смущает слово «дикая». Конечно, мало хорошего можно сказать об этом типе, но почему тогда это «дикая идея»?

Мюнстер не ответил. «Надо еще раз перечитать рапорт от корки до корки, как только выпадет возможность. Может быть, что-нибудь и всплывет...»

— Если нам чертовски повезет, может оказаться, что она лежит в машине, — продолжал Ван Вейтерен. — Но это было бы почти невероятным везением. Пошли туда.

— Вы хорошо умеете вскрывать чужие машины, господин интендент? — спросил Ван Вейтерен, когда они приблизились к коптильне.

— Не особо, — ответил Мюнстер.

— Желательно не привлекать внимания. Всё же вокруг люди... обидно будет, если они что-то заподозрят, уж коли мы решили отложить ад до понедельника. — Он достал из кармана моток стальной проволоки: — Это подойдет?

Мюнстер оглядел проволоку:

— Думаю, да.

— Отлично. Я остаюсь здесь. Тыходишь к машине и открываешь ее. У тебя полминуты, не более.

Мюнстер пошел в сторону парковки. Присел на корточки рядом с красной «маздой», и уже через десять секунд все было сделано.

— Отлично, — сказал комиссар, подходя к нему. — Рука у тебя набита. Садись же, черт побери!

Понадобилось всего несколько минут, чтобы констатировать — в машине Беаты Мёрк, как и в ее квартире, зацепок не наблюдалось. Во всяком случае, было очевидно, что ни она, ни ее предполагаемый убийца не были столь легкомысленны, чтобы оставить важную улику в машине.

Впрочем, инспектор Мёрк могла, конечно, и оставить, если уж соблюдать точность...

Ван Вейтерен вздохнул и вылез из машины.

— Пошли, — сказал он. — Пройдем еще раз по беговой тропе. На этот раз и по пляжу тоже.

Мюнстер кивнул.

— И смотрите в оба, господин интендент! Она исчезла где-то здесь вчера вечером, это неоспоримый факт. Один из немногочисленных неоспоримых фактов в данном расследовании.

— Да уж, — проговорил Мюнстер. — Не могу не согласиться.

Ван Вейтерен порылся в карманах в поисках сигарет и, к своей величайшей радости, нащупал пачку Баусена.

— Где-то там... — сказал он, указывая рукой, — где-то там он сидел, спрятавшись, вчера вечером и поджидал ее. И потом...

— И потом — что? — спросил Мюнстер.

Ван Вейтерен поджег кончик сигареты и некоторое время рассматривал сгоревшую спичку, прежде чем швырнуть ее через плечо.

— Не знаю, — сказал он. — Разрази меня гром, если я знаю. Ясно одно. На этот раз он не воспользовался топором... во всяком случае, здесь, на дорожке. Такую лужу крови мы не могли пропустить.

— Очень утешительно, — пробормотал Мюнстер.

— Конечно, — сказал комиссар. — Ну что, пойдём?

36

— Как идут дела? — спросил Хиллер.

Ван Вейтерен с отвращением посмотрел на телефон.

— Хорошо, — сказал он.

— Хорошо? Ты возишься там уже почти месяц... есть люди, которые считают, что уже пора раскрыть это дело.

— Пусть приедут сюда и помогут, — ответил Ван Вейтерен.

— Ты мог бы, по крайней мере, послать нечто вроде отчета. Некоторые хотят знать, чем вы там занимаетесь...

— Некоторые пусть поцелуют собственную задницу.

Хиллер проворчал нечто нечленораздельное.

— Тебе нужно подкрепление?

— Нет, — ответил Ван Вейтерен. — Но Мюнстер наверняка захочет уехать на пару дней домой.

— Почему?

— Жена и дети. Слыхал о таком?

Хиллер снова что-то проворчал.

— Ты хочешь, чтобы его сменил Рейнхарт?

— Возможно, — проговорил Ван Вейтерен. — Поговорю с Мюнстером, но мы подождем до вечера понедельника.

— До вечера понедельника? Почему именно до вечера понедельника?

— В понедельник почитай газеты, и ты сразу все поймешь.

— Какого че...

— Или посмотри телевизор. Дело примет, мягко говоря, совершенно неожиданный оборот.

В трубке слышались странные звуки, но Ван Вейтерен не понял, объяснялись ли они плохой связью на линии или тем, что начальник полиции чуть не задохнулся от такой наглости.

— С каких это пор рапорты подаются через СМИ? Какого дьявола... — удалось ему выговорить через некоторое время, но тут Ван Вейтерен прервал его:

— Сожалею. Мне пора идти выслеживать отвратительного бандита. Позвоню позже.

В трубке снова раздался скрежет. Комиссар положил трубку и выдернул штепсель из розетки.

Поставив три бутылки темного пива в ведро с холодной водой и расположив в пределах досягаемости вазочку с оливками, он забрался в ванну и погасил свет.

Пудобнее устроив голову на краю ванны и закрыв глаза, он протянув руку, достал предварительно открытую бутылку и сделал несколько больших глотков.

«Не вылезу, пока не приду к разгадке», — подумал он, но вскоре осознал, что планку придется опустить пониже. Что скажут остальные в понедельник утром, когда помимо пропавшего инспектора им к тому же придется возиться с утонувшим комиссаром?

«Хватит клятв и пустой болтовни, — решил он. — Вернемся к отправной точке. К Палачу. Полная концентрация внимания».

Существовало старое правило, всплывавшее время от времени в сознании и унаследованное им от Боркманна — одного из немногих полицейских, к кому он испытывал неподдельное уважение. Собственно, единственного, если подумать... хотя тут, конечно, сказывается и временной аспект: Боркманн дослуживал свои последние годы в качестве комиссара во Фригге, когда молодой Ван Вейтерен лишь приступил к своим обязанностям ассистента полиции. Как бы там ни было, уважение и доверие остались, а анализировать их истоки у него не было никакого желания. «Даже тертому старому полицейскому нужна какая-то точка опоры в жизни, свой спасательный круг», — подумал он. Правило Боркманна, собственно говоря, и не являлось правилом — лишь утверждение, наблюдение, отлично подходящее к трудным, запутанным случаям.

В каждом расследовании, утверждал Боркманн, существует точка, пройдя которую мы уже не нуждаемся в дополнительной информации. Когда мы достигаем ее, нам уже известно достаточно, чтобы найти разгадку одними только мыслительными усилиями. Хороший следователь должен научиться чувствовать эту точку, вернее, тот момент, когда она уже пройдена. В своих мемуарах Боркманн утверждал, что именно это умение — или его отсутствие — отличает хорошего детектива от плохого.

Плохой продолжает, когда это уже не нужно.

Ван Вейтерен опорожнил первую бутылку и взял две оливки.

Что происходит с информацией, когда она продолжает поступать уже за пределами точки насыщения? Про нее можно сказать следующее:

в лучшем случае она бесполезна;
в обычном случае она не приносит большого ущерба;
в худшем случае она очень мешает — затеняет, размывает и создает проблемы.

Ван Вейтерен обгрыз и обсосал косточки. Все это совершенно верно. И данное дело — из разряда худших случаев.

Насколько проще выследить человека, который совершил одно убийство, чем окружить серийного убийцу, где сведения, доносы, следы, подозрения и версии почти неизбежно заставляют простое и ясное потонуть в общем потоке.

Насколько проще за счет перевеса в одну пешку прийти к победе, когда на доске мало фигур.

Остался один вопрос: пройдена ли уже эта точка?

Обладает ли он сейчас, сидя в теплой ванне, достаточной информацией, чтобы вычислить убийцу? Имеет ли смысл продолжать искать следы и улики?

Он пошарил на дне ведра в поисках открывашки. Ответ он уже знал. Во всяком случае, решил, что знает.

Да!

Да. Имя убийцы у них уже есть. Но оно надежно спрятано в нагромождении допросов, протоколов и дискуссий. Скрыто в путанице извилин его собственного мозга. Осталось только найти его.

По крайней мере, открывашку он нашел. Уже что-то.

Pro primo, подумал он.

В Кальбрингене убиты трое мужчин. Хайнц Эггерс — двадцать восьмого июня. Эрнст Симмель — тридцать первого августа. Морис Рюме — восьмого сентября. То же оружие, тот же метод. Тот же злоумышленник. Вне всяких сомнений.

Pro secundo.

Несмотря на упорную и обширную работу, не удалось найти ни малейшей связи между тремя жертвами (помимо того, что все они переехали в Кальбринген в течение года), пока в руки следователей не попал рапорт о жизни третьей жертвы в Арлахе. Все сразу же замечают, что некий Эуген Подворский фигурирует на заднем плане (но только на заднем плане, *nota bene*) в двух из трех случаев. Инспектор Мёрк читает рапорт, и у нее возникает «дикая идея». Она сообщает, что намерена проверить свою догадку, осуществляет эту проверку, и...

Pro tertio.

...в момент выполнения этой проверки ее наблюдает или застаёт убийца (возможно, она попадается ему на глаза слу-

чайно). Убийца следует за ней и нападает на нее, когда Мёрк очень кстати находится в лесу, в непроглядной глуши...

Примерно так все и обстояло, да. Собственно, это все. Может ли существовать альтернативный сценарий? Разумеется, может. Просто он не желает в это верить. Дело происходило именно так — и точка. Ван Вейтерен отпил еще глоток и начал размышлять над тем, не сходить ли ему за сигаретами.

Курить в ванной? Какой разврат! Хотя... почему бы и нет?

Мокрый, поеживаясь от холода, он босиком прошлепал в комнату. Взял пепельницу, зажигалку и помятую пачку сигарет, полученную от Баусена, и снова погрузился в тепло. Закурил и сделал пару глубоких затяжек.

Pro... как же будет по латыни «четыре»? Плевать!

В-четвертых — что обнаружила Мёрк? Что?

Что такое, черт возьми, нашла она в этом рапорте, чего не заметил никто другой, даже он сам? Если, конечно, речь идет не о Подворском, но чем больше он над этим размышлял, тем яснее понимал, что это все-таки не то. Сам он еще раз скрупулезнейшим образом прочел рапорт и ничегошеньки в нем не нашел... ни он, ни Баусен, ни Мюнстер, ни Кропке. Совершенно необъяснимо. Дикая мысль.

Дикая?

И куда она поехала?

Проверить?

Проверить — что?

Он ударил кулаком по воде и на мгновение удивился, что кулак почти не встретил сопротивления. Неужели она оказалась такой набитой дурой, что поперлась прямо в логово убийцы? Прямо ему в лапы, как пустоголовая героиня триллера?

Он не мог представить этого. Если уж и есть кто-то в этой полицейской компании, к кому он проникся уважением, так это инспектор Мёрк... ну, и Баусен, конечно, приходится признать. Но чтобы Беата Мёрк могла...

Нет, в это он не мог поверить.

Что остается?

Что убийце очень повезло?

Вполне вероятно.

Что она села ему на хвост раньше и он это почувствовал? Следил за ней?

Да, и это вполне возможно. Мюнстер что-то говорил о ее амбициях и собственном расследовании...

Ван Вейтерен бросил окурок в ведро. «Зря принес пепельницу», — промелькнуло в голове.

И куда же она направилась?

В этом и заключался ключевой вопрос. Ван Вейтерен взял еще пару оливок. Вчера вечером, в промежутке от восемнадцати пятидесяти пяти до девятнадцати десяти, Беата Мёрк проехала на своей красной «мазде» от «Сее Варф» до парковки за коптильней у Эспланады. По дороге она пыталась проверить какую-то дикую догадку и тем самым привлекла к себе внимание убийцы...

«Дай бог, чтобы красная машина привлекла к себе еще чье-нибудь внимание, — подумал Ван Вейтерен. — Этого может оказаться достаточно... Хотя перед тем придется все же пуститься в ад крошечный», — вспомнил он.

Затем в его голове возник Лауридс Рейсин... и госпожа Рейсин в своем потрепанном пальто, и фрёкен Марньер, знакомая Симмеля, которую он допрашивал, как ему теперь казалось, уже сто лет назад, — и он понял, что находится под действием переизбытка информации.

Он включил свет и решил еще раз прочитать рапорт Мельника. Хотя бы в качестве противоядия.

Затем предстоит встреча в баре с Мюнстером.

Он должен убедиться, что интендент действительно стремится домой, к детям и подруге жизни.

— Уже нет, — ответил Мюнстер.

— Что значит — уже нет? И какого черта вы улыбаетесь, господин интендент?

Мюнстер отвернулся и кашлянул в кулак.

— Простите, — проговорил он. — Но Сюнн с детьми завтра приедет сюда. Она звонила мне полчаса назад.

— Приедет сюда? — воскликнул комиссар с изумлением на лице.

— Да, она договорилась с подругой, что поживет у нее на даче в Гельнакте... это не больше мили отсюда. Я переезжаю туда завтра вечером.

Ван Вейтерен задумался.

— Мюнстер, — сказал он. — По-моему, тебе досталась потрясающая женщина.

— Я знаю, — проговорил Мюнстер с несколько смущенным видом.

Они выпили, и комиссар сделал знак бармену, чтобы им налили еще.

— Маленькую кружку, — уточнил он. — Сколько раз ты прочел отчет Мельника?

— Два.

— Что-нибудь нашел?

Мюнстер покачал головой.

— Что вы думаете по поводу этой истории с бомбой, господин комиссар?

Ван Вейтерен заколебался.

— Трудно сказать, — произнес он. — Не совсем понимаю, что такой человек, как Хайнц Эггерс, может иметь общего с баскскими сепаратистами... да и остальные тоже, если честно. Послушаем завтра, что еще удалось узнать Баусену. А что ты сам думаешь об этом?

— Ничего, — признался Мюнстер. — Надеюсь, что мне хотя бы не придется выезжать на побережье Испании — сейчас, когда ко мне приехала семья.

— Этого я не допущу, даю слово, — сказал Ван Вейтерен. — А где Крэйкшанк? Мне казалось, что здесь его основное пристанище в жизни.

— Он пошел к себе минут пятнадцать назад, — сказал Мюнстер. — Немного обиделся из-за того, что вы отменили то обещанное эксклюзивное интервью, господин комиссар.

— Да ведь, черт возьми, — пробормотал Ван Вейтерен. — Ну ладно, если он готов потерпеть до понедельника, то получит еще больше материала.

«Не сомневаюсь», — подумал Мюнстер.

37

В воскресенье перед кошмарным понедельником выдалось ясное утро с теплым юго-восточным ветром. Ван Вейтерен и Мюнстер, даже не обсуждая этот вопрос, дружно решили отправиться в полицейский участок пешком.

Просто само утро располагало к этому, и интендент ясно ощущал, что не только у него, но и у комиссара буквально ноги не идут на работу.

В тот момент, когда они вышли из переуллка на площадь, зазвонили колокола на Бунгекирке, созывая на первую службу. Ван Вейтерен на мгновение остановился, посмотрел в сторону темных церковных ворот и что-то пробормотал. Мюнстер оглядел открывшуюся перед ними картину. Роскошные ганзейские фасады. Мифологические бронзовые скульптуры, красующиеся на солнце под тихое журчание фонтана. Неправильной формы площадь, пустынная и спокойная, залитая нежным звоном... здесь не было ни души, лишь голуби прогуливались, поклевывая в пространствах между булыжниками мостовой в поисках еды. Да темнокожий дворник стоял возле книжного магазина и насвистывал арию из оперы Верди.

Мюнстер запустил руки в карманы, зажал под мышкой тонкий портфель, и, пока они пересекали наискосок неровную поверхность площади, на него вдруг нахлынуло ощущение абсурдности бытия, свойственной ему, бытию, неоспоримой иррациональности.

Вся их работа, все их действия в этом маленьком спящем прибрежном городке в воскресное утро представлялись какой-то нелепостью. Как сказал кто-то из умных, «при свете дня все убийцы кажутся какими-то бледными». Немыслимым казалось, что они снова идут в полицейский участок, бог знает в который раз, чтобы усесться за овальный стол в зале заседаний с грязно-желтыми стенами, закатать рукава и снова начать обсуждать, кто же этот маньяк.

Тот, кто бродит среди всей этой идиллии и отрубает головы ближним своим...

Тот, из-за кого весь город скован страхом и чьи поступки вот уже много недель остаются чуть ли не единственной темой для разговоров...

Тот, кого они с комиссаром и всеми остальными просто обязаны вычислить, чтобы все это наконец прекратилось...

И что люди скажут завтра, черт побери?

«Все это совершенно абсурдно, — подумал Мюнстер, шурясь на солнце, которое стояло высоко над медной крышей полицейского участка. — Или дико, если использовать слова Беаты Мёрк».

Самым загадочным, самым непостижимым оставалось то, что же могло приключиться с ней.

Неужели она и вправду лежит в этот момент с отрубленной головой где-то в окрестностях городка? Постепенно загнивающее тело, которое ожидает, пока его обнаружат. Можно ли вообще представить такое? Та, которую он почти...

Мюнстер слотнул и поддал ногой по пустой пачке от сигарет, которую музыкально одаренный дворник явно пропустил.

А вечером он снова увидит Сюнн и детей.

И как получилось, спрашивал он себя, что Сюнн приняла решение приехать сюда без всякого предупреждения — ее просто озарило, как она объяснила по телефону, — как раз в этот момент?

Без четверти восемь в пятницу вечером.

Что буквально по минутам совпадает с тем, когда...

За долгие годы совместной работы комиссар Ван Вейтерен два или три раза заводил с ним разговор о повторяющихся паттернах. О скрытых связях, непостижимой хореографии и прочих явлениях... детерминантах, что бы ни подразумевалось под этим словом, однако тут нечто совершенно иное...

Он поежился и придержал дверь безмолвствующему оракулу.

— Мы взяли его, — сказал Баусен.

— Кого? — спросил Ван Вейтерен и зевнул.

— Подворского, само собой, — ответил Кропке. — Сидит у нас в камере. Задержали его в порту полчаса назад.

— В порту?

— Да. Он был в море, ловил рыбу — со вчерашнего утра... во всяком случае, с его собственных слов. Взял лодку напрокат у Саулинена — похоже, он время от времени это проделявает.

Ван Вейтерен опустился на свой стул.

— Вы уже допрашивали его? — спросил он.

— Нет, — ответил Баусен. — Он понятия не имеет, в чем дело.

— Отлично, — сказал Ван Вейтерен. — Пусть посидит еще немного.

— Согласен на сто процентов, — кивнул Баусен. — В этот раз нам точно не следует торопиться.

Фрёкен де Витт вошла в зал с подносом.

— Поскольку у Сильви по воскресеньям закрыто... — пояснила она и сняла пленку с двух ароматнейших пирогов.

— С ежевикой? — спросил Баусен.

Фрёкен де Витт кивнула, пытаясь скрыть улыбку.

— Ирма, ты неподражаема, — с чувством сказал Баусен, и все остальные благодарно пробормотали что-то в знак согласия.

— Что нового со вчерашнего дня? — спросил Ван Вейтерен, вытирая уголки рта.

— Я переговорил с Мельником, — сказал Баусен. — Он продолжает разрабатывать ту драку в кабаке... однако, по его мнению, там мало что удастся узнать. Уголовное дело возбуждено не было... он нашел только одну свидетельницу, которая видела, как все происходило, но она, естественно, понятия не имеет о причине ссоры. Возможно, это была просто пьяная свара, начавшаяся из-за ерунды, а потом вышедшая из-под контроля. Как бы там ни было, лучше всего попытаться выжать что-нибудь из самого Подворского.

Ван Вейтерен кивнул.

— А эта история со взрывом? — спросил Мюнстер.

— Как мы и говорили вчера, похоже, что все это лишь случайное совпадение. Блэве не был близким другом Рюме в Арлахе. Ни один из них не имел известных нам связей с Испанией, а взрыв бомбы и впрямь был организован террористами. ЭТА¹ взяла на себя ответственность за взрыв, а они это делают только в том случае, когда действительно сами организуют теракт.

— А Грета Симмель вообще не поняла, о чем толкует Банг, — вставил Кропке.

— Что само по себе еще ничего не значит, — уточнил Баусен.

— Стало быть, совпадение, — сказал Ван Вейтерен, глядя в свою пустую тарелку. — Да, с таким приходится иметь дело достаточно часто, как я уже говорил.

Баусен раскурил трубку.

— Что-нибудь еще, прежде чем мы возьмемся за Подворского?

¹ ЭТА — баскская леворадикальная националистическая организация сепаратистов.

Кропке откашлялся.

— Ну, ничего особенного, — проговорил он. — Так, пустяк. Я тоже пробежался сегодня утром по той дороге, по которой бежала Мёрк.

— И что? — спросил Баусен.

— И тоже ничего не обнаружил, — сказал Кропке.

— Естественно, — усмехнулся Ван Вейтерен.

— Итак, Подворский, — сказал Баусен. — Какую стратегию выберем?

Мюнстер оглядел сидящих вокруг стола... Кропке, Мосер и Баусен. Ван Вейтерен и он сам. Ассистент Банг, видимо, проспал, или же полицмейстер решил не лишать его выходного — вполне логичная мера, если подумать.

Ван Вейтерен взял слово:

— Если вы не возражаете, я хотел бы провести первый допрос лично, вместе с интендентом Мюнстером.

На лице Кропке отразилась тень неудовольствия, но полицмейстер молча кивнул и пошел за магнитофоном.

38

Вид у Эугена Подворского был весьма недовольный.

Когда Кропке и Мосер привели его в кабинет для допросов, изборожденное морщинами лицо пылало от негодования. Чтобы проиллюстрировать свое мнение о происходящем, он постучал огромными кулачищами о стол.

— Немедленно снимите с меня эту хрень, черт бы вас всех побрал! — прорычал он.

Ван Вейтерен кивнул. Кропке расстегнул наручники и вместе с Мосером покинул помещение.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал Ван Вейтерен. — Меня зовут комиссар Ван Вейтерен.

— Да мне плевать, как тебя зовут, — зло проговорил Подворский и сел. — Какого черта вы устроили весь этот цирк?

— Я намерен допросить вас по поводу убийства Хайнца Эггера, Эрнста Симмеля и Мориса Рюме.

— Какого черта? — изумился Подворский. — По второму разу?

Ван Вейтерен сделал знак Мюнстеру включить магнитофон. Мюнстер нажал на кнопку, и комиссар проговорил все формальные фразы. Подворский отвечал в основном фырканьем или руганью, однако после того, как ему предложили закурить, начал выказывать — во всяком случае, по мнению Мюнстера — какую-то готовность к сотрудничеству.

— Хорошо, — сказал он. — Только давайте быстрее, чтобы поскорее покончить с этим. У меня там полтонны рыбы лежит и гниет.

— Что вы делали в пятницу вечером? — начал Ван Вейтерен.

— В пятницу? — переспросил Подворский. — А с какой стати ты спрашиваешь меня, что я делал в пятницу? С тех пор как шлепнули последнего, прошло ведь порядочно времени...

— Если ты будешь отвечать на вопросы, вместо того чтобы повторять их, дело пойдет куда быстрее, — сказал Ван Вейтерен. — Мне показалось, ты спешишь.

Подворский открыл было рот, но потом закрыл его.

— Хм... стало быть... — проговорил он и задумался.

Ван Вейтерен сидел с непроницаемым лицом.

— Вечером в пятницу — ничего особенного, — наконец решился Подворский. — Ходил к Саулинену договориться о лодке. Он дал мне ключи и все такое. Затем поехал домой. Пожалуйста, следующий вопрос.

— Что ты делал в ту ночь, когда убили Симмеля?

— Это я уже рассказывал полицейскому в юбке. Я был дома и спал. Это мое обычное занятие по ночам.

— Кто-нибудь может это подтвердить? — спросил Мюнстер.

— Мои кошки, — сказал Подворский.

— А когда умер Рюме? — продолжал комиссар.

— Когда это было?

— В ночь с восьмого на девятое.

— Черт его знает. То же самое, скорее всего.

— Ты знал Хайнца Эггерса?

— Нет.

— Есть алиби на время убийств Эггерса?

— Я был в Чадоу. Хватит спрашивать меня о том, о чем я уже говорил в прошлый раз!

— Хорошо, — проговорил Ван Вейтерен. — Что ты делал в Арлахе в марте восемьдесят третьего года?

— Что?

— Что слышал.

— В Арлахе в восемьдесят третьем?

— Ну хватит придуриваться, — фыркнул Ван Вейтерен. — Ты ведь, черт возьми, неделю провалялся в больнице.

— Ах, вот что, — пробурчал Подворский. — Вспомнили ту долбаную историю? Какое она имеет отношение ко всему этому?

— Кто здесь задает вопросы — ты или мы?

Подворский застонал:

— Черт бы тебя побрал с твоими вопросами!

— Тогда придется сделать перерыв, — сказал Ван Вейтерен. Он отодвинул стул и поднялся. — Я слышал, что в некоторых странах едят тухлую рыбу. В Швеции, если я не ошибаюсь...

— Дьявол! — прорычал Подворский. — Подожди... Арлах... Ладно, я могу рассказать, если уж тебе так приспичило это знать. Сядь!

Ван Вейтерен сел. Подворский закурил новую сигарету и почесал затылок.

— Ну? — проговорил Ван Вейтерен.

— Каков срок давности за незаконный оборот опьяняющих средств? — спросил Подворский.

— С тобой все будет в порядке.

— Точно?

Ван Вейтерен кивнул.

— Не верю полицейским, — буркнул Подворский. — Вырубите эту штуку!

Комиссар кивнул, и Мюнстер отключил магнитофон.

Подворский хрипло засмеялся:

— Ну, слушайте. Ко мне в руки попала партия водки, которую надо было пустить в оборот...

— Попала? — переспросил Ван Вейтерен.

— Назовем это так, — сказал Подворский.

— Сколько?

— Много.

Ван Вейтерен кивнул.

— А у меня был друг, датчанин, у которого в Арлахе имелся покупатель... долбаный медик... как выяснилось, он и не собирался платить по уговору...

— Как его звали? — вставил Мюнстер.

— Звали? Черт его знает. Не помню. Как-то на Б. Кажется, что-то на Бле..

— Блэве? — предложил Ван Вейтерен.

— Да, похоже на то... заумный пижон, решивший сделать легкие бабки, продавая водку своим расфуфыренным друзьям. Мы обо всем договорились, поставка товара состоялась, все готово, оставалось одно — оплата.

— И?.. — произнес Ван Вейтерен.

— Именно этот вопрос нам и предстояло решить в том кабаке... и тут этот маленький говнюк и его приятель вообразили себе, что они смогут меня надуть! Как это называется, господин комиссар, а?

— О какой сумме шла речь? — спросил Мюнстер.

— О порядочной, — ответил Подворский. — Мы уже успели пропустить не по одной рюмке. И тут я, само собой, вышел из себя. Жалею только...

— О чем? — спросил Ван Вейтерен.

— Что я не дождался датчанина, прежде чем перейти от слов к делу, — сказал Подворский, и тут с ним случился жестокий приступ кашля. Он отвернулся и скорчился, зажав рукой рот. Приступ затянулся на полминуты.

Мюнстер взглянул на комиссара, пытаясь понять, о чем тот думает, но, как всегда, ему это не удалось.

Самому Мюнстеру рассказ Подворского показался убедительным — во всяком случае, не складывалось впечатления, что он сочиняет на ходу.

Хотя никогда нельзя быть на все сто процентов уверенным. Ему уже доводилось ошибаться...

— Как звали его приятеля? — спросил Ван Вейтерен, когда Подворский перестал кашлять.

— Что?

— Приятель Блэве. Как его звали?

— Понятия не имею, — ответил Подворский.

— Он что, не представился? — спросил Мюнстер.

— Может, и представился, но не станете же вы требовать от меня, чтобы я помнил имя человека, которому набил морду двенадцать лет назад...

— Десять, — уточнил Ван Вейтерен. — Как его звали?

— Какого черта? — взревел Подворский. — Вы что, совсем спятили? Что тут вообще происходит?

Ван Вейтерен выдержал паузу, пока Подворский зло смотрел на них, переводя взгляд с одного на другого, словно и впрямь размышлял, не сидят ли перед ним пара сумасшедших вместо двух полицейских.

Хотя в его представлении, как догадался Мюнстер, разница была невелика.

— Его звали Морис Рюме, — сказал Ван Вейтерен.

Подворский разинул рот.

— Вот проклятие! — сказал он наконец.

Откинувшись на стуле, он на некоторое время задумался.

— В общем, так, — выдавил он. — Уясните себе одну вещь — тогда, в том гребаном баре, мне не удалось его укокошить, а после того случая — тем более. У вас есть ко мне еще вопросы?

— В данный момент — нет, — ответил Ван Вейтерен и снова поднялся. — Но ты посиди, подумай об этом. Может, мы еще вернемся к нашему разговору.

Он постучал в дверь, и в помещение вошли Кропке и Мосер с наручниками.

— Тьфу на вас, ни дна вам ни покрышки! — проговорил Подворский, и это явно было сказано от души.

Решение отпустить Эугена Подворского и как можно скорее проинформировать СМИ об исчезновении инспектора Мёрк было принято в воскресенье, в девять часов вечера, тремя голосами против одного. Баусен, Мюнстер и Ван Вейтерен высказались «за», Кропке «против». Мосер воздержался, видимо несколько сбитый с толку неожиданным и исключительно временным демократическим порядком.

— Я поговорю сегодня с Крэйкшанком, — сказал Ван Вейтерен. — Обещал ему некоторое преимущество перед другими. Пресс-конференция завтра во второй половине дня?

Баусен кивнул:

— В три часа. И теперь нам придется учитывать всеобщую шумиху... телевидение, радио, вся тяжелая артиллерия. Не каждый день убийцы поднимают руку на полицейских.

— Многие считают, что должно быть наоборот, — усмехнулся Ван Вейтерен. — Иногда я даже начинаю их понимать.

— Что скажем о Подворском? — спросил Кропке.

— Ни слова, — сказал Баусен. — Вообще, будет лучше, если вы придержите язык. — Он оглядел собравшихся. — С прессой будем общаться я и комиссар, больше никто.

— Как всегда, — проворчал Кропке.

— Это приказ, — сказал Баусен. — А теперь отправляйтесь домой спать. Завтра тоже будет день, и нас наверняка покажут по телевизору. Неплохо, если мы при этом будем похожи на людей. Я пойду отпущу Подворского.

— Я пойду с тобой, — сказал Ван Вейтерен. — Тут не мешает быть вдвоем.

Когда дети наконец улеглись, часы уже показывали начало двенадцатого. Они открыли бутылку вина, поставили на магнитофон запись Мостакиса, после нескольких неуклюжих попыток развели огонь в камине и перетащили матрас на пол в гостиной.

— Мы их разбудим, — проговорил Мюнстер.

— Нет, — улыбнулась Сюнн, погладила его по спине и залезла под одеяло. — Я подмешала им снотворное в горячий шоколад.

— Снотворное? — воскликнул он, пытаясь изобразить возмущение.

— Малюсенькую дозу. Никаких серьезных последствий. Иди ко мне!

— Молодец, — прошептал Мюнстер и обнял жену.

Понедельник начался с назойливого однообразного дождя, который, казалось, зарядил навечно.

Ван Вейтерен проснулся около семи. Некоторое время он уныло смотрел в окно и потом решил лечь обратно в постель. «В этом городке погода меняется чаще, чем я меняю рубашку», — подумал он.

Однако в начале десятого комиссар уже сидел за завтраком в ресторане отеля вместе с Крэйкшанком, который в этот раз казался невероятно бодрым и пребывал в прекрасном настроении, хотя ему и пришлось проработать большую часть ночи.

— Передал сообщение по телефону в три часа, — с энтузиазмом рассказывал он. — Выпускающий был близок к тому,

чтобы остановить типографские прессы, но потом все же решил приберечь новость до вечернего выпуска. Жуткая история в духе Джека Потрошителя!

Комиссар мрачно кивнул.

— Взбодритесь! — воскликнул Крэйкшанк. — Вы скоро раскусите этот орешек. Но на этот раз он зашел слишком далеко. Что, она действительно знала, кто убийца?

— Вероятно, — сказал Ван Вейтерен. — Во всяком случае, он так думал.

Крэйкшанк кивнул.

— Вы уже опубликовали пресс-релиз? — спросил он и оглядел пустой зал. — Не вижу своих коллег...

Ван Вейтерен взглянул на часы:

— Через четверть часа. Хочу успеть доесть и спрятаться. Проклятый дождь!

— Угу, — проговорил Крэйкшанк, дожевывая круассан. — Представляю, какое там будет месиво.

— Где?

— На пляже и в лесу, разумеется. Когда все фотографии и частные детективы хлынут туда.

«Наверняка», — подумал Ван Вейтерен и снова вздохнул:

— Ну что ж, пора мне поехать в участок и запереться.

— Удачи, — ответил Крэйкшанк. — Увидимся на пресс-конференции. А я, пожалуй, посижу здесь в ожидании моих собратьев по перу.

— Ну вот, — проговорил полицмейстер и опустился на кожаный диван. — Честно говоря, газетчики мне больше по душе.

Ван Вейтерен кивнул.

— От этих говорящих роботов с телевидения у меня, черт побери, зуд по всему телу, — продолжал Баусен. — Ты, наверное, более привычен к таким типам?

Он сбросил ботинки и осторожно пошевелил пальцами на ногах, словно боялся, что они вдруг отвалятся.

— Не имею никакого желания к ним привыкать — сказал Ван Вейтерен. — Конечно, их тоже можно понять — у них свое видение ситуации. Но ты довольно ловко их осадил, как мне кажется.

— Спасибо, — проговорил Баусен. — Однако приговор в любом случае будет суров. Хиллер звонил?

Ван Вейтерен уселся за стол полицмейстера.

— Да, — ответил он. — Собирается откомандировать десять человек из Сельстадта и десять из Оствердингена... Плюс техническую лабораторию, которая переберет по травинке всю беговую дорожку.

Баусен заложил руки за голову и посмотрел в окно.

— Прекрасная идея в такую погоду, — усмехнувшись, проговорил он. — А что он сказал по поводу тебя? Хочет, чтобы ты все полностью взял на себя? Мне ведь осталось всего пять дней, черт побери! В пятницу я ухожу, чтобы ни случилось. Принял это решение сегодня ночью... чувствую себя, как тренер футбольной команды, которая за два года не выиграла ни одного матча.

— Вопрос руководства мы не обсуждали, — ответил Ван Вейтерен. — В любом случае, я уже пообещал раскрыть это дело до пятницы.

Баусен посмотрел на него с недоверием.

— Отлично, — сказал он и начал набивать трубку. — На этом и порешим. Ты разговаривал с родителями?

— Да, с госпожой Мёрк, — кивнул Ван Вейтерен.
— Все прошло хорошо?
— Не особенно. Да и почему все должно было пройти хорошо?
— Ты прав, все давно уже летит в тартарары.

— Я смотрела телевизор, — сказала Сюнн. — О вас не очень хорошие отзывы.

— С чего бы это? — проговорил Мюнстер. — Пахнет чем-то вкусным. Что у нас на ужин?

— Цыпленок по-креольски, — ответила жена и поцеловала его. — Ты думаешь, ее убили? — шепнула она ему в ухо; все же есть пределы тому, что можно говорить при детях, даже если это дети полицейского.

— Не знаю, — пробормотал он и снова почувствовал, как в нем поднимается холодная волна отчаяния.

— Папа, ты был в телевизоре! — закричала дочка и укусила его за бедро. — А я купалась в дожде.

— Ты купалась в море, дура, — поправил ее брат.

— У нас есть еще снотворное? — спросил интендент.

Ван Вейтерен откинулся на подушки и взял рапорт Мельника. Взвесил его на руке и закрыл глаза.

«Жуть, — подумал он. — Полный кошмар».

Вернее, немножко стыдно. Где-то среди этих проклятых бумаг таится ответ, а он никак не может его найти. Тридцать четыре страницы, в общей сложности семьдесят пять имен... он подчеркнул их все и пересчитал несколько раз — женщины, любовницы и потенциальные любовницы; старые друзья и однокурсники; коллеги; соседи; товарищи по гольф-

клубу... вплоть до самых поверхностных знакомых и даже случайных фигур, которым довелось пересечься с Морисом Рюме всего-то один или пару раз. И события: поездки, экзамены, зачеты, прием на работу, вечеринки... Новые адреса, конгрессы, лечение от наркомании... Все это отражено здесь, на этих густо исписанных страницах, все четко и скрупулезно изложено комиссаром Мельником на языке фактов. Вне всяких сомнений, шедевр следственной работы, но он ничего не смог из этого извлечь. Ни единой зацепки!

Где же она?

Что, черт возьми, заметила Мёрк?

Или все объясняется проще — возможно, она располагала знаниями, которых не было у других? Ведь могло быть так? И сам он, если разобраться, пока еще не достиг точки Боркманна?

На ночном столике лежали ее блокноты с записями. Три блокнота, которые он так и не смог открыть. Что-то мешало ему сделать это. Если там действительно ключ к разгадке, то почему убийца оставил их лежать в квартире? У убийцы было предостаточно времени, и он, похоже, не из тех, кто полагается на авось...

А если инспектор Мёрк, вопреки всем предположениям, по-прежнему жива — разве это не грубейшее вторжение в частную жизнь? Покушение на ее глубоко личное пространство? Пока блокноты закрыты, он не мог знать, какого рода мысли она доверяла страницам... Так или иначе, для него эти мысли явно не были предназначены.

Кстати, не распространяются ли ограничения и на тот случай, если она мертва?

Пожалуй, да. И даже в большей степени.

Закрыв глаза, Ван Вейтерен некоторое время прислушивался к шуму дождя. Дождь лил уже почти сутки. Тонкие навязчивые струи продолжали срываться с непоколебимо спокойных небес. Свинцово-серых и непроницаемых. «Неужели погода здесь никогда не меняется?» — подумал он.

Между прочим, весьма подходящий фон. Вечное падение, вечное движение. Безнадежное топтание на месте. Волны в мертвом океане...

Колокола на церкви Святой Анны пробили полночь. Он вздохнул, открыл глаза и в четвертый раз впился в рапорт из Арлаха.

40

— А что мне оставалось делать? — вздохнул Вильмотсен, разглядывая лей-аут.

— Ну да, — констатировал выпускающий редактор. — Если уж мы отпечатали двойной тираж, то можем позволить себе делать все в двойном размере.

Новость об исчезновении инспектора Беаты Мёрк в связи со сложившимися обстоятельствами стала проверкой на прочность для верстальщика Вильмотсена, колдовавшего над газетой «де Журнаал». Противоречивые понятия «важная информация» и «крупные буквы» на этот раз никак не удавалось втиснуть в заданные рамки, и впервые за восемьдесят лет существования газеты пришлось сделать двоянную первую полосу. Чтобы не изменять своему долгу информировать население. Чтобы не снижать ценность той чудовищной драмы, четвертый (или пятый?) акт которой разыгрался в идиллическом Кальбрингене.

ОЧЕРЕДНАЯ ЖЕРТВА? — было написано наверху, поверх несколько мутноватой фотографии улыбающейся Беаты Мёрк.

КТО ВИДЕЛ КРАСНУЮ «МАЗДУ»? — вопрошалось ниже и там же констатировалось, что:

ПОЛИЦИЯ В РАСТЕРЯННОСТИ, УМОЛЯЕТ О ПОМОЩИ.

Внутри газеты более половины места уделялось свежайшим подробностям в деле Палача. Иллюстраций оказалось предостаточно: аэрофотоснимок парковки возле коптильни (на котором белым крестиком было отмечено место, где Мёрк припарковала машину, — с вечера воскресенья машина находилась в подвале полицейского участка, после того как криминалисты из Сельстадта потратили восемь часов на ее обследование); пляж и прилегающий к нему лес; еще снимки Мёрк, а также Баусена и Ван Вейтерена во время пресс-конференции. Ван Вейтерен — откинувшийся на стуле, с закрытыми глазами: в состоянии, напоминающем скорее глубочайший покой, как мумия или йог, полностью погруженный в себя, вдали от тщеты и безумств этого мира... Невольно возникал вопрос: действительно ли такие вот фигуры обладают достаточной компетентностью для того, чтобы вычислить и обезвредить преступника необычного формата, с каким пришлось столкнуться в этот раз?

Случалось ли ранее нечто подобное? Это же просто неслыханно — похищена и, вероятно, убита инспектор полиции! В разгар следствия! Куда же мы катимся? Вполне оправданный вопрос.

Текстовые материалы имели самую разную окраску: от холодной констатации в передовице, что отцы города в сложившейся ситуации должны снять с себя полномочия и объявить новые выборы, до многословных и пустопорожних рассуждений о том, является ли преступник сумасшедшем (хладнокровным психопатом) или террористом (членом тайной секты), — а также изложение по-прежнему наиболее популярной версии о самом обычном, честном гражданине. Респектабельный отец семейства, ваш сосед по лестничной площадке с загадочным прошлым...

Наиболее серьезными (и самым полезными с точки зрения следствия) были настойчивые призывы полицмейстера Баусена к общественности незамедлительно сообщать полиции малейшие сведения, которые могут иметь отношение к делу.

Особенно важным представлялось проследить действия инспектора Мёрк в течение часа — с 18.15 до 19.15 пятницы, то есть с того момента, как она покинула отель, и до того, как отправилась на пробежку и попала на глаза комиссару Ван Вейтерену. Эти шестьдесят минут — если бы только удалось установить, куда направлялась в этот период Беата Мёрк на своей красной «мазде» или без нее... «если он не сам дьявол, тогда мы точно возьмем его», — дословно цитировал Герман Шальке слова полицмейстера.

Около четырех часов вечера в тот трудный понедельник Баусен и инспектор Кропке заперлись в кабинете последнего, чтобы систематизировать уже поступившие сигналы — не менее шестидесяти двух прямых наблюдений плюс около двадцати косвенных свидетельств самого разного характера. Интенденту Мюнстеру было поручено принимать и расспра-

шивать неиссякающий поток свидетелей, которых поначалу регистрировали и сдерживали в приемной Банг и фрёкен де Витт.

Чем занимался комиссар Ван Вейтерен, никто доподлинно не знал. Он покинул полицейский участок, чтобы «провести некоторые дополнительные исследования», но в чем они заключались, оставалось тайной. Однако он твердо пообещал вернуться к обязательному совещанию, проходившему в семнадцать часов. На 19.30 была назначена пресс-конференция; этот момент был выбран в угоду региональному телевидению, которое в это время давало обычную сводку новостей. «Все, кроме прямого эфира, будет воспринято зрителями как предательство и нарушение журналистской этики», — было заявлено с некоторым нажимом, и, хотя Баусен многое мог бы сказать юному гению телевизионщику о законах и праве, он вынужден был проглотить свои возражения и пойти навстречу.

— Иезуиты проклятые! — прорычал полицмейстер, положив трубку. — Инквизиторы в шелковых галстуках, черт бы их всех побрал!

Однако в сложившейся ситуации ему ничего не оставалось, кроме как глотать одну за другой горькие пилюли.

41

— Это что еще за чертовщина? — спросил Ван Вейтерен, наклонившись над столом.

— Карта, — пояснил Кропке. — Булавки отображают передвижения инспектора Мёрк и ее «мазды»... вернее, нескольких красных «мазд».

— Да, у нас в городе их несколько, — пояснил Баусен. — Похоже, в пятницу вечером по городу колесили... еще две из них... помимо, собственно, ее машины.

— Булавки с красными и желтыми головками указывают на те точки, где наблюдали машину, — снова заговорил Кропке с достоинством изобретателя. — Красные — для интервала с 18.15 до 18.45, желтые — для интервала с 18.45 до 19.15.

Ван Вейтерен еще ниже склонился над картой.

— Голубые и белые — это свидетели, которые утверждают, что видели ее лично: голубые — в первом получасовом отрезке, белые — во втором. Например, вот это вы, господин комиссар.

Он указал на булавку с белой головкой, воткнутую в районе пляжа.

— Благодарю, — пробормотал Ван Вейтерен. — Сколько их всего?

— Двадцать пять красных и двадцать желтых, — сказал Кропке. — Это то, что касается машины... голубых двенадцать и белых пять.

Мюнстер, протиснувшийся к столу рядом с комиссаром, стал внимательно изучать узор, созданный разноцветными точками. Идея неплохая, вынужден был признать он, если только хватит ума правильно все это истолковать. Точки оказались разбросанными — по всей видимости, наблюдения были сделаны во всех частях города, но в большинстве мест торчали лишь одинокие булавки.

— Преимущество в том, — пояснил Кропке, — что нам нет необходимости ломать голову по поводу вменяемости того или иного свидетеля. Сосредоточение булавок в одном ме-

сте все равно дает некоторое представление о ее перемещениях.

Он сделал паузу, чтобы остальные успели сосчитать булавки и оценить гениальность его метода.

— Все предельно ясно, — пробормотал Мюнстер. — Особенно белые...

— Вне всяких сомнений, — кивнул Ван Вейтерен. — Вне всяких сомнений.

— Вот именно, — снова взял слово Кропке и продолжил с довольным видом: — Как вы видите, существуют только три точки сосредоточения — рыбная площадь перед «Сее Варф», Главная площадь и коптильня. Двадцать четыре булавки возле «Сее Варф», одиннадцать здесь, на площади, и восемь у коптильни... итого сорок три из шестидесяти двух. Остальные достаточно рассредоточены, как вы видите. Похоже, никто не видел ее после вас, господин комиссар. То есть никто, кроме убийцы. Вероятно, на пляже было в тот час достаточно пустынно.

— Истинная правда, — подтвердил Ван Вейтерен.

— Гм... — проговорил Баусен. — Я все же настаиваю на том, что не следует торопиться с выводами. Треть свидетельских показаний нерелевантна, если я правильно понял?

— Да, — пробормотал Кропке, — но вы же прекрасно понимаете...

— А о «Сее Варф» и коптильне было написано в газетах.

— Разумеется, — согласился Кропке. — Однако это, на мой взгляд, ничего не меняет. Самым интересным пунктом является Главная площадь... одиннадцать человек видели саму Мёрк или ее машину здесь, у входа, в интервале примерно от половины седьмого до семи. Двое видели, как она выходила из машины, — это белые булавки.

Он указал пальцем, и Баусен кивнул. Ван Вейтерен сломал зубочистку и уронил ее на кладбище Святого Питера.

— В какую сторону она направилась? — спросил он.

Кропке с Баусеном переглянулись.

— Сюда?

Баусен снова кивнул:

— Да. Многое указывает на то, то она поехала сюда. Вернулась в участок.

— И что? — спросил Мюнстер, чувствуя себя так, словно только что пропустил развязку длинного анекдота.

Ван Вейтерен не произнес ни слова. Засунув руки глубоко в карманы, он медленно выпрямился, выпуская между зубов чуть шелестящий поток воздуха.

Мюнстер вспомнил, что комиссар страдает болями в спине, которые то и дело напоминают о себе.

Все расселись вокруг стола. Вид у Кропке был по-прежнему довольный, но немного растерянный, словно он оказался не в состоянии воспользоваться результатами собственных усилий. Мюнстер снова ощутил легкую, как трепетание крыльев бабочки, вибрацию у висков... обычно это означало, что что-то намечается, что они приблизились к какой-то критической точке. Что скоро настанет прорыв. Он оглядел неубранное помещение. Банг, сидевший напротив него, весь покрылся испариной. Ван Вейтерен, казалось, пребывал в полусне. Баусен продолжал разглядывать утыканную булавками карту, с самым отсутствующим видом втягивая щеки.

В конце концов ассистент полиции Мосер обозначил словами всеобщее недоумение, повисшее в зале.

— Сюда? — воскликнул он. — А что, черт возьми, ей здесь понадобилось?

Прошло три секунды. Потом практически одновременно прозвучали голоса Кропке и Мосера:

— Ее кабинет!

— Проклятие! — развил эту мысль полицеймейстер и уронил на пол нераскуренную сигарету. — Кто-нибудь осмотрел ее кабинет?

Мосер и Кропке были уже в пути. Мюнстер вскочил, а у Баусена было такое лицо, словно его только что срезали на экзамене по основам полицейской работы. Ван Вейтерен сидел на своем месте, как ни в чем не бывало, и рылся в нагрудном кармане.

— Естественно, там ничего интересного нет, — пробормотал он. — Но все же стоит пойти посмотреть... авось три пары глаз увидят лучше, чем одна.

УАСМб IV

27 сентября – 1 октября

42

— Я полагаю, ты знаешь, где находишься, — проговорил он с большой усталостью в голосе.

— Думаю, да, — ответила она в темноту.

Он закашлялся.

— Ты осознаешь, что не сможешь самостоятельно выбраться отсюда?

— Да.

— Ты в моих руках. Мы оба это понимаем, не так ли?

Она промолчала. Ее вдруг поразило — как может такая глубокая решимость в его словах сочетаться с такой необъятной скорбью?

Внезапно она осознала, что именно здесь кроется главный стержень всей этой истории.

Скорбь и решимость.

— Мы оба это понимаем, не так ли?

— Так.

Он сделал паузу и выпрямился на стуле. Видимо, положил одну ногу на другую, но это были лишь ее догадки. Ее окружала непроглядная тьма.

— Я... — начала она.

— Нет, — произнес он без всякого выражения. — Мне не нравится, когда ты говоришь без надобности. Если я захочу знать твое мнение, я скажу об этом. У нас тут не беседа, я просто хочу рассказать одну историю. Единственное, что от тебя требуется, — это слушать... Одну историю, — повторил он после паузы.

Закурил сигарету, и на мгновение его лицо осветилось слабым красным огоньком.

— Я намерен рассказать тебе одну историю, — снова проговорил он. — Не потому, что я нуждаюсь в понимании или прощении, — я далек от этого. Просто хочу еще раз вспомнить, когда все уже позади...

— Что ты собираешься делать со мной? — спросила она.

— Не перебивай меня, — сказал он. — Пожалуйста, не пытайся испортить мой замысел. Возможно, я еще не решил...

В полной тишине и темноте она слышала только его дыхание. В трех-четыре метрах от нее, не далее. Она закрыла глаза, но ничего не изменилось.

Тьма. Запахи — старый запах земли и свежий запах дыма. И убийца.

43

Баусен выудил из портфеля две бутылки пива и открыл их.

— Не следует забывать и о других свидетельствах, — произнес он. — Есть еще семь-восемь человек, которые стопро-

центно уверены, что видели ее совсем в других местах. Возможно, она успела заехать куда-нибудь еще. Те, кто видел ее здесь, утверждают, что это было между половиной седьмого и без четверти семь, не так ли?

Ван Вейтерен не ответил. Закурил сигарету и расставил фигуры.

— Кропке дошел до ста булавок, прежде чем отправиться домой, — продолжил полицейстер. — Красные булавки у него уже кончаются, и он этим очень озабочен. Ну, так что ты думаешь по этому поводу?

Ван Вейтерен пожал плечами.

— Допустим все же, что она поехала сюда, — наконец сказал он. — Хотя бы простоты ради... Прошу, господин полицейстер. Сицилийская защита, если я правильно понял?

— Разумеется, — улыбнулся Баусен и двинул пешку на поле Е. — Хорошо, договорились. Она приехала сюда. Но какого черта ей тут понадобилось?

— Не знаю, — ответил Ван Вейтерен. — Но я намерен это выяснить.

— Ах, вот оно что! — проговорил Баусен. — И каким же образом? Осмотр ее кабинета не дал никаких зацепок.

Ван Вейтерен снова пожал плечами:

— Признаю. Твой ход. Если я выиграю, то буду лидировать — ты это понимаешь?

— Само собой, — ответил Баусен. — Ты придумал какую-то самопальную комбинацию против сицилийской защиты? Хотелось бы знать.

— Скоро увидишь, — сказал Ван Вейтерен и выдавил из себя то, что должно было изображать улыбку, однако скорее навело Баусена на мысль, что у его партнера по игре болят зубы.

«Ну да, жизнь — не шахматная партия, — подумал он, глядя в окно. — В шахматной партии куда больше возможностей».

Площадь, лежавшая в темноте, была совершенно безлюдной. Близилось к двенадцати. Они договорились о часовой партии, но ведь никогда не знаешь... шахматные часы остались дома, на полке, и, если сложится какое-нибудь красивое положение, никто из них не захочет спешить. Напротив, существуют позиции, которые вообще не следовало бы развивать дальше; они уже обсуждали это ранее и пришли к трогательному единодушию — есть партии, которые следует отложить после тридцать пятого или пятидесятого хода и больше уже никогда не продолжать. (Как Линковский против Квеллера в Париже в 1907 году. Или Микоян против Андерссона в 1980-м... кажется, в Бресте. Как бы то ни было, партия была отложена после тридцать пятого или тридцать седьмого хода...) Всякое продолжение только испортило бы красоту и яркость позиции.

«Как и в жизни возникают мгновения, когда хочется, чтобы время остановилось», — подумал Буасен. Хотя ничто не говорило за то, что на этот раз сложится такая партия. Ничто.

Три дня. Через три дня он покинет этот кабинет и никогда больше не переступит его порог...

В связи с этим он испытывал, мягко говоря, странное чувство — и невольно спрашивал себя, как же пройдут эти оставшиеся дни. Он разглядывал Ван Вейтерена, который сидел по другую сторону стола, занеся руку над доской, и какой-то внутренний голос подсказывал ему, что комиссар в состоянии выполнить свое обещание и поймать Палача до пятницы. Каким образом он намеревался сделать это, трудно было представить, однако в поведении коллеги появились некоторые признаки, которых Баусен не мог не заметить. Нарастающая замкну-

тость, раздражительность, какой раньше не было, таинственность, видимо указывающая на то, что он взял след. Заставить его поделиться своими догадками было бесполезной затеей.

Интендент Мюнстер тоже начал замечать эти первые предвестники и пояснил, что ничего необычного в них нет. Скорее хорошо известные сигналы для того, кто уже работал с комиссаром раньше, — явные признаки, что лед тронулся и что в мозгу у Ван Вейтерена происходит интенсивная мыслительная работа. То есть все обстояло именно так, как и предполагал Баусен. Возможно, впереди прорыв, и он на самом деле нисколько не удивится, если мрачный комиссар разложит по местам все фрагменты этой трудной и запутанной мозаики.

«Да-да, — подумал Баусен. — Но всего за три дня? Хватит ли этого?»

Однако, если вдуматься, не только эти три дня оставались в запасе; это сам он выходил из игры в пятницу... тем не менее в последнюю неделю его не покидало ощущение бега наперегонки со временем. Убийца должен быть арестован не позднее первого октября. Так было ему сказано, а первое — этот как раз пятница.

В пятницу он станет пенсионером. Бывший полицмейстер Баусен... Свободный человек, имеющий полное право заполнять свое время по своему усмотрению. Он мог со спокойной душой наплевать на то, как зовут всех на свете Палачей, и заниматься чем угодно.

Или получится, что свобода ему вовсе не в радость? И это дело бросит тень на его заслуженный потом и кровью отдых? Нельзя сказать, чтобы такой вариант казался ему невероят-

ным. Он подумал о своем винном подвале и его драгоценном содержимом.

Три дня?

Посмотрев на тяжелую фигуру Ван Вейтерена напротив себя, он подумал, что даже примерно не представляет, на что в этой ситуации можно было бы держать пари.

— Твой ход, — повторил Ван Вейтерен и поднес бутылку ко рту.

— Фамилия? — спросил Кропке и включил магнитофон.

Рослый мужчина вздохнул:

— Ты это знаешь не хуже меня. Мы с тобой восемь лет отсидели в одном классе.

— Это допрос, — пояснил Кропке. — Мы должны соблюдать все необходимые формальности. Так как ваша фамилия?

— Эрвин Ланге, — ответил великан. — Родился в тысяча девятьсот пятьдесят первом году. Владелец фотомагазина «Блиц» на Хойстрат. Магазин открывается через двадцать минут, так что буду благодарен, если все будет идти побыстрее. Женат, четверо детей. Этого достаточно?

— Да, — сказал Кропке. — Расскажите о ваших наблюдениях в пятницу вечером.

Эрвин Ланге откашлялся.

— Я видел, как инспектор Беата Мёрк выходила отсюда без десяти семь.

— Стало быть, в 18.50. Ты уверен, что именно в это время?

— На сто процентов.

— Почему?

— Я должен был встретиться с дочерью на площади без четверти семь. Как раз взглянул на часы и заметил, что опаздываю на пять минут.

- Ты уверен, что видел именно инспектора Мёрк?
- Да, конечно.
- Ты был знаком с ней ранее?
- Да.
- На каком расстоянии от нее ты находился?
- Метрах в двух.
- Хорошо, — кивнул Кропке. — Еще что-нибудь заметил?
- Что, например?
- Ну, во что она была одета...
- Спортивный костюм... красный. Кроссовки.
- В руках у нее что-нибудь было?
- Нет.
- Понятно. Спасибо, — сказал Кропке и выключил магнитофон. — Надеюсь, ты не собираешься в ближайшее время покидать город?
- А почему ты об этом спрашиваешь?
- Кропке пожал плечами:
- Может быть, нам понадобится что-нибудь уточнить... никогда не знаешь...
- Вот именно, — сказал Эрвин Ланге и поднялся. — В этом ваша главная особенность. Вы никогда ничего не знаете.
- Без десяти семь? — переспросил Баусен. — Ах черт, это означает, что она могла успеть еще куда-нибудь захватить.
- Кропке кивнул:
- Отсюда до коптильни — минут пять, не больше. Остается зазор в пятнадцать минут.
- Как дела с булавками? — спросил Мюнстер.
- Сто двенадцать штук, — сказал Кропке. — Но никаких новых скоплений. Никаких новых интерпретаций... и на пляже больше ни одной.

— Она могла просто посидеть в машине, прежде чем двинуться дальше, — сказал Баусен. — Внизу, у пляжа. Или здесь. Думаю, это наиболее вероятно.

— Не говори, — возразил Ван Вейтерен. — Так или иначе, она должна была успеть привлечь к себе его внимание. Или ты думаешь, что он заранее знал о ее намерении совершить пробежку?

На несколько мгновений воцарилась тишина. Мосер подавил зевок. «Когда же принесут кофе?» — подумал Мюнстер.

— Да уж, — пробормотал Баусен. — Не знаю, но вопрос, конечно, очень важный.

— Чертовски важный, — кивнул Ван Вейтерен. — Когда самый первый свидетель увидел ее у коптильни?

— Около одиннадцати — двенадцати минут восьмого, — ответил Кропке.

Ван Вейтерен снова кивнул и стал разглядывать ноготь на своем большом пальце.

— Угу, — пробормотал он себе под нос. — Ну да, каждый ход следует рассматривать в контексте других... всегда найдется другой остров.

— Чего-чего? — спросил Кропке.

«Он начал впадать в маразм, — подумал Мюнстер. — Двух мнений быть не может».

44

— Что ты только что сказал? — переспросил Мюнстер.

— А что? — удивился Банг.

— Повтори, пожалуйста, что ты только что сказал по поводу инспектора Мёрк и овощного магазина.

Банг оторвался от бумаг, глаза его озабоченно забегали.

— Не понимаю, что такого... я просто сказал, что тоже видел ее в пятницу.. у Кауперса, который держит овощной магазин у Иммельских ворот.

— В котором часу?

— Примерно в четверть шестого... это было до того, как она поехала в «Сее Варф». Будь это позже, я бы немедленно сообщил.

— Что она там делала?

— У Кауперса? Покупала фрукты, что же еще? У него там очень дешевые фрукты... и овощи тоже. Но я все равно не понимаю, какое это имеет значение.

— Подожди-ка, — проговорил Мюнстер. — Она уехала отсюда в половине пятого... ну, допустим, без двадцати пять. Сколько надо времени, чтобы доехать до Иммельских ворот?

— На машине?

— Само собой!

— Точно не знаю... Минут двадцать, наверное.

— А ты видел ее там в четверть шестого. Значит, она вряд ли могла успеть заехать домой, да?

— Да, так, — пробормотал Банг, пытаясь наморщить лоб.

— А сколько времени занимает дорога от Кауперса до ее дома... до Врейсбакка, а?

Банг пожал плечами.

— Ну, по-разному, — проговорил он. — Минут пятнадцать. Конечно, если нет пробок... но я все равно не понимаю, почему вы так за это зацепились, господин интендент.

Мюнстер оглядел розовощекого коллегу с сочувствующей улыбкой.

— Тогда я тебе объясню, — медленно сказал он, делая ударение на каждом слове. — Если инспектор Мёрк была

у Иммельских ворот в четверть шестого, то она могла попасть домой не ранее чем... допустим, без двадцати шесть. В пятнадцать минут седьмого ее видели в отеле «Сее Варф» в спортивном костюме. Вы не могли бы объяснить мне, господин ассистент полиции, успела бы она прочитать рапорт Мельника?

Некоторое время Банг размышлял.

— Тогда-то... конечно... — пробормотал он. — Значит, она его не читала, так, что ли?

— Вот именно, — кивнул Мюнстер. — Она его не читала!

Он постучал и вошел.

Комиссар перенес единственное кресло к балкону. Сидел там, курил и смотрел через распахнутую дверь на Рыночную площадь, на остроконечные силуэты домов и темнеющее небо над бухтой. Кресло было развернуто наискосок. Мюнстер видел только ноги комиссара, его правое плечо и руку. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы он все понял.

Что-то произошло. И дело вовсе не в маразме. Скорее наоборот. «Надо научиться не рубить сплеча, — подумал Мюнстер. — И не только в делах, но и в мыслях».

— Сядь, — устало проговорил Ван Вейтерен и указал рукой.

Мюнстер переставил стул от письменного стола и уселся рядом с комиссаром так, чтобы иметь мало-мальски реальную возможность заглянуть ему в глаза, если это понадобится.

— Расскажи еще раз! — попросил Ван Вейтерен.

Мюнстер откашлялся.

— Банг встретил Мёрк возле Иммельских ворот в пять пятнадцать в пятницу вечером.

— Он уверен в своих показаниях?

— Да. Они поздоровались. Есть ситуации, в которых даже Банг не мог бы ошибиться.

Ван Вейтерен кивнул:

— Я не очень хорошо представляю, где это находится. По времени все складывается?

— Я перепроверил, — ответил Мюнстер. — У нее не было ни малейшей возможности прочесть рапорт. Она вышла из участка в 16.35 вместе с фрёкен де Витт. Они выходили последними. Она села в машину, поехала в этот самый овощной магазин и сделала покупки... затем поехала домой, переоделась, попыталась дозвониться до меня, но никто не ответил. Тогда она написала сообщение и заехала сюда, чтобы завести его... ну, и потом...

Комиссар поморщился и выпрямился в кресле:

— Достаточно. Ну, и какие же выводы из всего этого вы делаете, господин интендент?

Мюнстер развел руками:

— Что она обнаружила что-то, не читая самого отчета... в самом начале... может быть, на первой странице... даже не знаю...

Он замолчал и стал разглядывать комиссара, который сидел, прищурившись на вечернее небо, и медленно покачивал головой из стороны в сторону.

— Банг, — задумчиво произнес он. — Что же нам делать с этим Бангом?

— Что? — переспросил Мюнстер, однако было очевидно, что комиссар разговаривает сам с собой.

Некоторое время он продолжал бормотать что-то себе под нос, держа выкуренную сигарету совершенно вертикаль-

но между большим и указательным пальцами и разглядывая столбик пепла. Только когда налетевший порыв ветра сдул серый прах, комиссар вздрогнул и, кажется, снова вспомнил, что он не один в комнате.

— Да, так и сделаем, — проговорил он и опустил окурок в стакан, стоявший на пороге балкона. — Получится — так получится... Мюнстер!

— Да! — откликнулся Мюнстер.

— Завтра ты берешь выходной и посвящаешь себя Сюнн и детям.

— Что? — удивился Мюнстер. — Но зачем же...

— Это приказ, — сказал Ван Вейтерен. — Но вечером будь у телефона. Думаю, к тому моменту мне очень нужно будет с тобой поговорить.

— Что вы намерены предпринять, господин комиссар?

— Небольшую прогулку.

— Куда?

— Там увидим.

«Ну вот, опять, — подумал Мюнстер и, стиснув зубы, задвинул подальше желание научиться не рубить сплеча. — Опять сидит и напускает на себя таинственность, как частный детектив из кино или романа! Ужасно противно. Почему я должен потакать ему в этих дурацких играх?..»

— У меня есть весомые причины, — заявил Ван Вейтерен, словно прочтя его мысли. — Очень весомые. Надеюсь, ты меня поймешь... потом ты так или иначе все поймешь.

Мюнстер взял себя в руки.

— Хорошо, — сказал он. — Вы уже знаете, кто он, господин комиссар?

— Нет, — ответил Ван Вейтерен. — Просто у меня возникла догадка, и она такого рода, что мне совершенно не хочется ее афишировать... и лучше всего, чтобы никто о ней и не знал — вдруг она неверна?

Мюнстер поднялся.

— Я понял, — сказал он. — Завтра — выходной с семьей. Вечером — дома у телефона... что-нибудь еще?

— Вроде бы нет, — проговорил Ван Вейтерен. — Ну, еще пожелай мне удачи. Это будет кстати.

— Удачной охоты! — сказал Мюнстер и оставил комиссара наедине с его мыслями.

Еще долго он сидел и смотрел на город. Выкурил еще одну сигарету и пожалел, что нечем сполоснуть рот и горло.

«Когда все останется позади, — подумал он, — я предпочту никогда не вспоминать об этом деле. Никогда».

После этого он уселся за стол и сделал один звонок.

Задав своему собеседнику два вопроса, он получил те ответы, которых и ожидал.

— Приеду около двенадцати, — пояснил он. — Нет, не могу сказать, в чем дело. Если я ошибаюсь, то расплата будет слишком высока.

Затем он принял душ и лег в постель. Часы показывали всего одиннадцать, но чем раньше он утром отправится в путь, тем лучше.

«Завтра я получу ответ, — подумал он. — Послезавтра мы его посадим, а в субботу я уеду домой. Получится, что я провёл здесь ровно месяц».

Но прежде чем он успел закрыть глаза, на него накатились мысли о Беате Мёрк, и только под утро ему удалось наконец заснуть.

— Зло, — начал он, и голос его звучал совсем глухо, едва слышно в затхлом воздухе подземелья, — это тот принцип, от которого нам не уйти, единственная прочная ось бытия. Молодому человеку это трудно представить, но для нас, кто понял эту истину, она более чем очевидна. Абсолютная данность, на которую мы можем опереться, на которую можем рассчитывать, — это зло. Оно в конечном счете всегда остается самим собой. Добро... Добро — всего лишь фон, призванный оттенять дьявольское коварство. Всего лишь фон... и ничего более...

Он закашлялся. Закурил новую сигарету — пылающая красная точка задрожала во тьме.

— Когда в конце концов приходишь к осознанию этого факта, это отчасти дает утешение. Труднее всего отделаться от своих несбывшихся надежд, былых иллюзий и воздушных замков, построенных поначалу. В нашем случае ее звали Бригитте, и в возрасте десяти лет она пообещала никогда не делать мне больно... Она бежала мне навстречу по пляжу, это было солнечным и ветреным днем в конце мая. В Гимсвейре. Она обняла меня так крепко, что у меня потом побаливала шея. «Мы будем любить друг друга всю жизнь и никогда не делать друг другу больно» — вот так она сказала мне. Никогда не делать друг другу больно... десять лет... пшеничные косички. Она была у нас единственная, и многие говорили, что никогда не встречали такого радостного ребенка. Никто не умел смеяться, как она, — случалось, она начинала смеяться во сне и сама от этого просыпалась... кто осудит нас за то, что мы лелеяли надежды?

Он снова кашлянул.

— В восемьдесят первом году она закончила школу. Уехала в Англию и год проработала там. А на следующий год по-

ступила в университет в Арлахе. Встретила парня по имени Морис... Морис Рюме... ну вот, мы и дошли до сути. По-моему, она немного знала его и раньше, он ведь родом отсюда. Он изучал медицину. Мальчик из благородной семьи, безумно привлекательный... он научил ее употреблять кокаин... он был первым, но я оставил его напоследок...

Сигарета тлела в темноте.

— Они стали жить вместе. Прожили около года, а затем он выкинул ее на улицу. К этому моменту он уже научил ее многому — LSD, морфин-основание, которые сам не употреблял, а также тому, как молодая женщина может просто и легко заработать деньги. Возможно, она содержала его... или он был ее сутенером... точно не знаю, мы с ней никогда это не обсуждали. Или в то время дело еще не зашло так далеко.

Она оставалась в Арлахе еще полтора года. Не имея собственного жилья, жила у разных мужчин... несколько раз ее клали на лечение, а потом выпускали. Она ложилась на детоксикацию, а потом сбегала и снова переезжала от одного к другому...

Он слотнул, и она услышала, как восстанавливается его дыхание.

— Некоторое время она жила дома, но потом снова уехала туда. Случались периоды просветления, но трясина снова засасывала ее. Потом она попала в какую-то секту, воздерживалась от наркотиков, но погрязла в другом. Складывалось впечатление, что она не выдерживает нормальной жизни, бежит от нее... или обыденность, повседневность уже не могли ее удовлетворить, точно не знаю. После двух лет такой жизни она все же согласилась покинуть Арлах и пожить с нами, но к этому времени от ее радости ничего не осталось... Бригитте...

Битте. Ей было двадцать четыре. Всего лишь двадцать четыре года, но на самом деле она казалась старше меня и жены. Она знала — думаю, она знала уже тогда, — что ее жизнь пошла прахом... она по-прежнему могла заплести волосы в пшеничные косички, но будущего у нее уже не было. Она понимала это, а мы нет... Даже не знаю — может быть, тогда еще существовал луч надежды, возможность все исправить. Во всяком случае, мы себе это внушали... иллюзия тщетной надежды среди отчаяния. Мы верили в то, во что должны были верить. Пока мы не взглянем в глаза истине, мы продолжаем слепо верить. Именно так устроена эта проклятая жизнь. Мы хватаемся за то, что оказывается под рукой. Что бы это ни было...

Он замолк. Она открыла глаза и увидела его лицо, освещенное огоньком сигареты. Вздрогнув, она еще плотнее закуталась в одеяла, всем телом ощущая ту фатальную безнадежность, которой веяло от него. Безнадежность накатывала волнами и, казалось, еще больше сгущала тьму, делая ее непроницаемой для слов и мыслей.

«Я понимаю», — хотела сказать она, но слова не вырвались наружу — оставались где-то в глубине нее, застывшие и лишённые смысла.

— Я пришел к Морису Рюме в ту осень, — продолжил он после долгого молчания. — Однажды, в один из тех редких месяцев, когда она жила с нами дома, я поехал к нему. Поднялся в ту же проклятую роскошную квартиру, где она когда-то жила с ним и где он жил теперь с новой женщиной... молодой красивой женщиной, которая сохранила всю радость жизни и которая так и не поняла, зачем я приходил. Он не стал ее ни во что посвящать, и, когда я сказал, что хочу поговорить с ним о Бригитте, он увел меня в бар на соседней ули-

це. Сидел там на идиотском старинном плюшевом диване, разводил руками и спрашивал меня, о чем, собственно, речь. Оплатил счет и спросил, не за деньгами ли я пришел... думаю, он заронил тогда в мою душу первое зерно, но только когда он вместе с другими вернулся в город, я понял, что настало время. Когда я убил его, наслаждение было острее. Глубже и интенсивнее, чем с Эггерсом и Симмелем, и меня это несколько не удивляет. Все началось с него. Именно образ живого и довольного жизнью Мориса Рюме мучил меня долгими бессонными ночами, пока я не принял решения... Живой и улыбающийся Морис Рюме, сидящий в углу дивана и разводящий руками по поводу того, что Бригитте оказалась такой слабой. Подумать только, что она так низко пала и так больно ушиблась! Он и впрямь не представлял себе такого — богатенький сноб, привыкший выходить сухим из воды...

Он снова замолк и заерзал на стуле.

— Сейчас я вынужден покинуть тебя, — проговорил он. — О двух других я расскажу тебе потом. Если не произойдет ничего непредвиденного...

Еще минуту он сидел неподвижно, потом она услышала, как он поднялся и открыл дверь. Затем услышала звук затворяемой двери — скрип петель, поворот ключа в замке, — и только когда его шаги звучали уже где-то совсем далеко, к ней вернулся дар речи.

— А как же я? — прошептала она, и на мгновение ей показалось, что эти слова повисли в воздухе.

Крошечные, мгновенно гаснущие искорки в черной-черной ночи.

Она попыталась закрыть глаза так, чтобы ничего не ощущать.

Когда он выехал с парковки позади отеля «Сее Варф», часы показывали половину восьмого, и солнце только успело перебраться через прибрежные скалы на востоке. Все указывало на то, что день выдастся ясный, и комиссар не без удовольствия думал о том, что ему предстоит провести несколько часов за рулем.

Сидеть в машине, пролетая среди осенних ландшафтов с их пылающими красками и четкими графическими контурами...

Представлять, что он самый обычный человек, едущий по самому заурядному делу... допустим, в Боххаусен, чтобы прочесть там лекцию о роли руководителя. Или проверить уровень выброса диоксида серы на каком-нибудь химическом заводе. Или встретить родственника в аэропорту.

Или чем еще занимаются обычные нормальные люди...

В начале марта он стоял перед мучительным выбором, поменять ли ему машину или довольствоваться сменой стереосистемы. В конце концов он выбрал последнее и сейчас, пробираясь через узкие улочки Кальбрингена, хвалил себя за это мудрое решение. Роскошные, дорожные колонки с великолепным звуком он никогда не смог бы себе позволить, если бы речь шла об одновременной покупке новой машины.

На сегодняшний день ценность стереосистемы была куда выше, чем та сумма, которую кто-либо согласился бы заплатить за его старенький «опель», и его это вполне устраивало.

Машина была для него средством передвижения. Музыка — средством достижения наслаждения. Никаких сомнений по поводу того, что более приоритетно.

В это утро он отдал предпочтение скандинавской музыке — холодной, ясной и чистой. Сибелиус и Григ. Вставив диск в дисковод и услышав первые такты «Туонельского лебедя»¹, он почувствовал, как по коже побежали мурашки.

Ошеломляюще прекрасная музыка. Словно находишься в пещере Лямминкяйнена, где по всей горе разносится эхо от этой невероятной, гипнотической музыки. Впервые за несколько недель, собственно, впервые с тех пор, как он приехал сюда, ему удалось вытеснить из головы мысли о Палаче. Забыть о нем. Теперь он сидел, окруженный музыкой, словно куполом прозрачных звуков, а утренний туман рассеивался над широкими просторами.

Однако после остановки в скучном и заурядном придорожном кафе где-то недалеко от Урдингена он почувствовал появление новых предвестников. Понял, что удаление переходит в приближение. Отправная точка все удалялась, цель становилась все ближе и яснее... то вверх, то вниз... как всегда. Кульминация пройдена. Приближался момент прибытия к конечной станции. Дайте время, и все подтвердится.

Или рухнет. Ах, это трижды проклятое дело!

И хотя он снова пытался отдалиться от него, избегал думать о нем, оно постоянно возникало в его сознании... не в виде мыслей, размышлений и выводов, а в виде образов.

Сквозь звуки «Пещеры горного короля» и танца Анитры проносился поток четких, неретушированных фотографий.

¹ Симфоническая поэма знаменитого финского композитора Яна Сибелиуса.

Этот поток пульсировал в ровном и настойчивом, но замедленном ритме, как старые диапозитивы на уроки истории в гимназии. Времени было достаточно, чтобы осмыслить каждый слайд... хотя содержание, конечно, было немного иным.

Голова Эрнста Симмеля, лежащая под углом к телу на мраморном столе судмедэксперта, и кончик карандаша, указывающий на что-то в рассеченном горле.

Дрожащий двойной подбородок адвоката Клингфорта, когда он разинул рот от удивления.

Пропитанный кровью ковер в холле квартиры Мориса Рюме.

Топорик мясника, происхождение которого так и не удалось установить.

Луиз Мейер — сожительница Эггерса с черным от макияжа лицом, которую он в течение нескольких часов безуспешно пытался допрашивать, однако она находилась под кайфом и вообще не понимала, о чем он говорит.

Холодные, как сталь, глаза Жан-Клода Рюме и красивые волосы инспектора Мёрк, когда она вошла в зал заседаний с рапортом Мельника в руках...

Доктор Мандрейн и его жена, ведущие под руки скрюченное существо в пансионате Селдона.

И Лауридс Рейсин. Вымышленный, но навязчивый образ человека, который не решается выйти из дому.

И Палач.

Образ самого Палача. Пока еще с размытыми очертаниями, неузнаваемый, но если он на верном пути, то всего лишь через несколько часов этот образ проступит со всей необходимой четкостью.

Небольшая проверка. Подтверждение недоброго предчувствия, и все прояснится.

Может быть.

Он сидел за своим рабочим столом, покусывая кончики усов. Худощавый, в черном костюме, он скорее напоминал похоронного агента, чем кого бы то ни было еще. Именно таким и помнил его Ван Вейтерен — за последние пятнадцать лет тот состарился на месяц, ну, самое большее, на два. Ничто не указывало на то, что всего восемь дней назад он лежал на операционном столе.

Он поприветствовал коллегу кислой улыбкой и указал на стул для посетителей, поставленный напротив него, по другую сторону от письменного стола, на котором царил идеальный порядок.

— В чем, черт побери, суть вопроса?

Ван Вейтерен вспомнил, что о его собеседнике идет слава как о человеке, который рта не может открыть, не выругавшись. Он развел руками и напустил на себя виноватый вид.

— Сожалею...— проговорил он. — Дай мне взглянуть на то, ради чего я сюда приехал. Дело исключительно деликатного свойства.

— Да уж, черт побери! — Он вытащил из ящика стола коричневую папку. — Вот. Кушайте на здоровье!

Ван Вейтерен принял папку и на мгновение подумал, что ему придется прочесть ее содержимое, не сходя с места, но, бросив взгляд через стол, он понял, что дело сделано и разговор окончен. К тому же ему пришло на ум, что его собеседник никогда не питал склонности к излишествам... типа ба-

нальных разговоров. Поэтому он поднялся, пожал ему руку и вышел из кабинета.

Весь визит занял не более двух минут.

«Тем, кто считает, что я человек мрачный, пошла бы на пользу встреча с этим весельчаком», — подумал Ван Вейтерен, сбегая вниз по лестнице.

Он пересек улицу и вернулся к машине. Достал с заднего сиденья портфель и засунул в него папку. Огляделся. В пятидесяти метрах позади себя, на углу улицы, он увидел вывеску кафе.

«То, что нужно», — подумал он и направился туда.

Дождавшись, пока официантка удалится, он выложил папку на стол. Перелистал несколько страниц вперед и кивнул. Потом несколько страниц назад и снова кивнул.

Закурил и начал читать с самого начала.

Долго возиться ему не пришлось. Подтверждение последовало уже на пятой странице; возможно, не совсем то, что он ожидал, однако это, вне всяких сомнений, было то самое подтверждение. Он положил бумаги обратно и закрыл папку.

«Ах ты, дьявол!» — подумал он.

И все же мотив был пока далеко не очевиден... какое отношение ко всему этому могли иметь двое других? Какого черта?..

Ну да ладно, это прояснится само.

Он взглянул на часы. Было пять минут второго.

Четверг, тридцатое сентября. Предпоследний рабочий день полицмейстера Баусена. А дело неожиданно пошло к развязке.

Но, как он и предчувствовал в первые дни, разгадка не явилась результатом напряженной следственной работы, а буквально свалилась на него откуда-то свыше. Странно и даже где-то несправедливо, хотя такое случилось далеко не в первый раз. Он уже оказывался в таких ситуациях и давно осознал, что если есть профессия, в которой приложенные усилия никак не окупаются, так это профессия полицейского.

«Юстиция питает слабость к следователям, которые лежат на диване и думают, вместо того чтобы рвать себе задницу на оперативной работе», — как сказал однажды Рейнхарт.

Но более всего его поразила мысль о том, как тяжело будет вспоминать это дело. Его собственная роль на этот раз оказалась и вовсе незавидной. Скорее зачеркнуть все это. Зачеркнуть и выбросить из памяти.

Иными словами, все пошло не так, как обычно.

47

Тоска, разъедающая тебя изнутри. Или обезболивающее, медленно снимающее боль. Движение, обреченное на то, чтобы прерваться, не достигнув кульминации.

Примерно так. Так это ощущалось. В той мере, в какой она еще в состоянии была что-то ощущать.

Время можно было определить лишь по внутреннему ритму и потребностям собственного организма. В одурманивающей темноте сутки утратили свои очертания; она засыпала и просыпалась, просыпалась и снова засыпала. Невозможно было определить, сколько прошло времени... Снаружи была ночь, а может быть, и день... она проспала восемь часов... или только двадцать минут? Голод и жажда возника-

ли как бледные сигналы чего-то, не имеющего к ней непосредственного отношения, однако она все же ела из миски с хлебом и фруктами, которую он то и дело пополнял, и пила воду из бутылки.

Когда руки и ноги связаны, подвижность сильно ограничена, и не только подвижность в пространстве; большую часть времени она лежала, свернувшись клубком, почти в позе зародыша. Вставала лишь для того, чтобы подойти к ведру и справить надобность... медленно, осторожно пробираясь к нему на ощупь. Запахи, исходящие из ведра, поначалу раздражали ее, но потом она перестала их замечать. Единственный запах, который она все время ощущала, — это насыщенный запах земли. Он проникал в сознание, едва она просыпалась, и не оставлял ее не на минуту.

Этот запах прерывал лишь приятный аромат табака, когда он сидел напротив нее и рассказывал.

Безграничный страх, который она испытывала поначалу, постепенно стерся. Нет, не исчез совсем — сжался, сменился чем-то другим: тяжелым чувством непрекращающегося летаргического сна и страдания; не полная безнадежность, но все нарастающее ощущение того, что она — нечто вегетативное, увядающее, постепенно превращающееся в вялое, невосприимчивое тело... тело, которое все настойчивее и холоднокровнее отгоняло от себя все впечатления, мысли и образы. Внешняя тьма проникала внутрь, медленно забиралась ей под кожу... однако где-то в глубине души она понимала, что это ее единственный шанс выжить, не сойти с ума. Просто лежать под одеялами и стараться сохранять тепло собственного тела, насколько это возможно. Давать мыслям и фантазиям свободу, не пытаясь анализировать их.

И ни на что не надеяться. Ничего не представлять, не размышлять над тем, что же ждет ее в конце. Просто лежать. Просто ждать, что он придет и продолжит свою историю.

О Хайнце Эггерсе и Эрнсте Симмеле.

— Даже не знаю... — проговорил он, и она услышала, как срывается целлофановая упаковка с новой пачки сигарет. — Возможно, все уже было потеряно еще тогда, когда она вернулась из Арлаха. А может, тогда еще были шансы все исправить. Разумеется, теперь, задним числом, это не имеет значения, нет никакого смысла гадать... все вышло так, как вышло...

Внезапно вспыхнувший огонек почти ослепил Беату; он закурил.

— Битте вернулась, и мы не знали, что нам делать — надеяться или отчаиваться. Конечно, мы предавались то одному, то другому; человек не может жить в отчаянии, разве что когда он достигает конечной точки осознания — но, пожалуй, даже и тогда не может. Как бы там ни было, она больше не захотела жить дома. Мы нашли ей квартиру в Дюннингене. В самом начале марта она переехала туда. Квартира состояла всего из одной комнаты и кухни, но все же довольно просторная. Светлая и чистая, на пятом этаже, с видом на море. Она по-прежнему лечилась. Сделала детоксикацию, проходила психотерапевтический курс... во всяком случае, должна была проходить... По вечерам работала на полставки в «Хенкерс». С работой она не справлялась, прогуливала, как потом выяснилось, но до поры до времени мы ничего не знали. Мы не проверяли, не хотели показывать ей своего недоверия. Все должно было происходить на ее условиях, а не на наших, как с важным видом объяснил нам шибко умный социальный

работник. Так что мы скромно держались в стороне... Зачем это было нужно? Ну вот, всю весну она жила там, и все шло неплохо, как нам казалось. Ну, а деньги на то, что ей, как мы думали, уже не требуется, она получала от таких, как Эрнст Симмель. Эрнст Симмель...

Он замолчал и глубоко затянулся. Беата проследила глазами за красной горящей точкой, и ее вдруг охватило острое желание закурить. Может, он и дал бы ей сигаретку, попроси она, но она так и не решилась попросить.

— Однажды вечером, в конце апреля, я заехал туда по какому-то делу. Должно быть, я и не бывал там с тех пор, как она вселилась в новую квартиру. Не помню, какое у меня было дело, видимо какая-то мелочь, но мне тут же стало совершенно не до того, едва я переступил порог квартиры...

Снова пауза, горящий огонек сигареты... Он кашлянул пару раз. Беата прислонилась к стене, ожидая продолжения. Хотя уже знала, что последует.

— Я позвонил в дверной звонок. Видимо, он был испорчен, и тогда я нажал на ручку двери... было не заперто, и я вошел. Зашел в холл, огляделся. Дверь в комнату была приоткрыта... я услышал доносившиеся оттуда звуки и заглянул в щель. И тут я увидел его в тот момент, когда он получал то, за что заплатил.

— Симмель? — прошептала она.

— Да.

Снова повисла тишина. Он закашлялся и снова затянулся. Затем, бросив окурок на пол, растоптал огонек ботинком.

— Я замер на пороге, и тут наши глаза встретились. Она посмотрела прямо на меня поверх плеча этого отвратительного типа... он стоял, прижимая ее к стене. Будь у меня тогда

при себе оружие — топор, или нож, или что угодно другое, — я убил бы его на месте. А может, и нет — я стоял как парализованный... эти глаза... глаза Бригитте, когда она позволяла ему удовлетворять свою похоть... такой взгляд я уже видел у нее однажды. Ей было тогда лет семь-восемь, и она впервые увидела голодных умирающих детей в телевизионном репортаже из Африки. То же самое было в ее глазах и сейчас. То же отчаяние... Та же беспомощность перед злом мира... Я повернулся и ушел... и потом целый месяц не мог глаз сомкнуть...

Он замолчал и достал новую сигарету.

— Это было в тот год, когда Симмель уехал в Испанию? — спросила она, отмечая с удивлением, насколько велико ее любопытство, несмотря ни на что. Она слушала его рассказ, и он задевал ее за живое, словно это были ее собственные раны... возникало чувство, что ее положение и ее собственное отчаяние — лишь отражение чего-то огромного и неохватного.

Все страдания мира?

Победа зла?

«Или все дело в этом проклятом упрямстве, о котором все говорят, — подумала она. — Упрямстве... и силе, которая подпитывается из двух источников... и мое вечное стремление отложить рождение ребенка. Может быть, это оно и есть? То же самое, если разобраться? Но даже если это и так — какая, в сущности, разница?»

Ее мысли разбрелись, она потеряла нить. Она покрепче сжала руки, но через несколько секунд уже не чувствовала их — руки отнялись, исчезли, так, как развеялись ее тщетные попытки следовать ходу собственных мыслей.

— Да, — ответил он наконец. — Это было в тот самый год... Вскоре после того случая он уехал... и вернулся весной этого го-

да, как и все остальные. Само собой, это знак, если все трое вдруг снова появились здесь с интервалом в несколько недель. Только не говорите, что это случайность. Это был знак от Битте. От Битте и Хелены — это так очевидно, что просто невозможно этого не увидеть... Сможет ли кто-нибудь понять меня?

В его голосе снова зазвучали металлические нотки. Оскорбленное достоинство, глубокое возмущение. Как будто не он сам все это сотворил. Как будто он не несет ответственности за убийства.

Словно он был всего лишь орудием...

Внезапно она вспомнила, что сказал однажды Вундермаас, не дословно, но по сути — что-то типа того, что за каждым убийством стоит необходимость, вынужденность, которая гораздо сильнее, чем при всех других преступлениях; не будь ее, убийства никогда не совершались бы... были бы просто не нужны.

Если бы существовала альтернатива.

Необходимость. Скорбь, решимость и необходимость... да, она понимала, что именно так и обстоит дело.

Она ожидала продолжения, но его не последовало. Лишь тяжелое дыхание, разрезающее темноту, и у нее возникла мысль, что именно сейчас, в этот момент затишья, решается и ее собственная судьба.

— Что ты собираешься делать со мной? — прошептала она.

Возможно, она поторопилась. Возможно, ей просто не хотелось, чтобы он успел додумать свою мысль до конца.

Но он не ответил. Поднялся и попятился к двери.

Закрыв дверь и задвинул засовы.

Она снова осталась одна. Прислушалась к его удаляющимся шагам и скорчилась в уголке. Натянула на себя одеяла.

«Остался один, — подумала она. — Ему осталось рассказать еще об одном. А что потом? Что потом?»

48

Если бы он обладал способностью предвидеть будущее, хотя бы на несколько часов вперед, вполне возможно, что отказался бы от обеда.

Для того чтобы как можно скорее двинуться в сторону Кальбрингена. Но в сложившейся ситуации — когда развязка этой затянувшейся истории уже была у него почти в кармане — он решил позволить себе немного попить в погребке Арноса — рыбном ресторане, который запомнился ему по семинару двадцатилетней давности.

К тому же ему нужны были еще парочка часов, чтобы переварить все это в спокойной обстановке... важно было продумать, как он отрежиссирует последний акт этой драмы. Палача нужно задержать как можно более безболезненным способом... и следует досконально изучить вопрос о мотивах. Оставалась еще проблема с инспектором Мёрк. Вероятно, существовало немало шансов наломать дров, если вспомнить слова Баусена: «Все давно уже летит в тартарары».

Так или иначе, лучшего сопровождения, чем хороший обед, он в эту минуту не мог себе представить.

После груши в коньяке и кофе он уже определился в некоторых вещах... выстроил стратегию, где шансы на успех казались ему хорошими, а риск навредить инспектору Мёрк — минимальным.

Конечно, если она до сих пор жива. Естественно, ему хотелось в это верить, но вероятность в данном случае могла не сработать.

«Вероятность? — подумал он. — Из этого случая мне придется сделать выводы».

Часы показывали половину четвертого. Он расплатился, покинул свой столик у окна и направился в вестибюль к телефонной кабинке.

Три звонка. Первый — Баусену, сидящему в своем гнезде, затем Мюнстеру — интендент не отвечал на телефон в дачном домике: конечно, еще не вернулся с прогулки с Сюнн и детьми. А затем Кропке в участок.

Разговор с инспектором отнял у него минут пятнадцать, тот явно не мог угнаться за новыми поворотами, но когда Ван Вейтерен наконец повесил трубку, у него возникло чувство, что все получится по плану.

Он двинулся в путь около четырех часов и где-то в паре миль от Ульминга стал замечать, что лампочка генератора мигает. Вскоре она уже светила постоянным тревожным светом, и, сколько он ни чертыхался, ни стучал кулаком по приборной панели, это не помогало... Наоборот, проклятая машина стала терять скорость, и, когда перед глазами возникла табличка «автомастерская», он понял, что выбора у него нет.

Еще раз смачно выругавшись, Ван Вейтерен включил правый поворотник и свернул с шоссе.

Нужен новый генератор, констатировал молодой автомеханик, едва взглянув под капот... трудно что-то сделать в тот же день. Он засунул руки в задние карманы джинсов и напустил

на себя извиняющийся вид. Ван Вейтерен изверг такой поток брани, что небесам стало жарко.

Хорошо, раз клиент настаивает и готов платить... Пожалуй, за четыре-пять часов можно управиться, ведь еще надо съездить в город и купить новый генератор, но если дело очень срочное, то можно пока взять напрокат другую машину. Есть несколько штук свободных.

— И оставить здесь мой музыкальный центр? — проревел комиссар, гневно указывая рукой на унылое здание мастерской. — Да за кого вы меня принимаете, черт побери?

— Хорошо, — сказал автомеханик. — Тогда могу предложить вам пока подождать в кафе. В киоске есть в продаже книги и газеты.

«Черт бы вас всех подрал! — подумал Ван Вейтерен. — Проклятая развалюха! Я попаду обратно не раньше двух часов ночи».

— Телефон звонит! — крикнул Барт.

Мюнстер с семьей гуляли по пляжу, пока солнце не начало садиться за лес на западе. Они едва успели войти в дом после целого дня, наполненного играми, ничегонеделанием и сладким чувством воссоединения. Мюнстер аккуратно сгрузил спящую дочку в ее кроватку, а Сюнн подошла к телефону.

— Это комиссар, — прошептала она, прикрыв трубку рукой. — Он так вибрирует, что вот-вот взорвется, — у него что-то с машиной...

Мюнстер взял трубку и приложил к уху.

— Ну что? — спросил он.

Затем больше ничего не произносил в течение десяти минут. Стоял у окна, слушал и кивал, в то время как жена

и сын ходили вокруг, все сокращая круги. Сюнн все поняла с одного взгляда, и ее догадка тут же передалась шестилетнему мальчишке, который тоже уже не раз наблюдал такое.

Ошибиться было невозможно. Разговор шел не о машине. Она слышала это по голосу его начальника в трубке, похожем на глухие раскаты приближающейся грозы. Видела по фигуре своего мужа, по его стиснутым зубам, по напрягшимся, даже чуть побелевшим наверху, у самых ушей, скулам.

Час пробил.

И тут к ней подступила тревога. Та, о которой она не могла поговорить даже с ним, но которая хорошо знакома всем женам полицейских во всем мире.

Сама возможность того, что... Вероятность того, что все-таки может случиться...

Сюнн решительно взяла сына за руку и уже не отпускала. В душе она радовалась, что, несмотря на все, решила приехать сюда.

— Около двух? — переспросил наконец Мюнстер. — Да, понимаю. Соберемся здесь, да... конечно, смогу это организовать.

Он положил трубку и некоторое время смотрел в одну точку прямо перед собой.

— Невероятная чертовщина, — пробормотал он. — Но все, похоже, именно так, как он говорит...

Тут он осознал, что жена и сын стоят и смотрят на него с одним и тем же вопросительным выражением лица.

— Завтра утром мы пойдем брать Палача, — пояснил он. — Сегодня ночью остальные придут сюда, чтобы выработать совместную тактику.

— Сюда? — удивилась Сюнн.

— Круто! — воскликнул сын. — А можно я пойду с вами?

К половине пятого основной план был составлен. Его разработка заняла чуть больше времени, чем предполагал комиссар; вопрос о мотиве обсуждался со всех сторон, но как все это было взаимосвязано, никто до конца не знал. Однако все, что можно было прояснить, прояснилось. Пока продвинуться дальше не представлялось возможным, и, хотя некоторые фрагменты мозаики пока отсутствовали, всем было ясно, что в общих чертах будет происходить.

— Ждать дальше нет смысла, — сказал Ван Вейтерен. — Каждый знает, что ему делать... Думаю, мы не сильно рискуем, однако лучше быть готовыми к неожиданностям.

Мосер похлопал себя по выпуклости на бедре.

— Мюнстер?

Мюнстер кивнул.

— Полицмейстер?

Новый кивок, и Ван Вейтерен, захлопнул свой блокнот.

— Отлично. Тогда вперед!

49

Мысль о смерти пришла, как случайный гость, но стоило выпустить ее, и она решила остаться насовсем.

И вот она уже поселилась в мозгу. Незванная и неумолимая. Словно рука, сжимающая в тисках диафрагму. Как медленно растущая опухоль. Серая туча, набухающая и распространяющаяся внутри нее, отбрасывающая тень безнадежности на все ее мысли.

Смерть. Внезапно это слово стало единственной реальностью. «Конец», — сказала она себе, и это не стало травмой или потрясением. Она умрет... либо от его рук, либо сама по себе. Лежа здесь, на полу, свернувшись клубком среди одеял, с ноющим телом и истощенной душой, которая все же оказалась ее самым слабым местом... именно душа сдастся первой, теперь она знала это; с того момента, как она отворила дверь смерти, огонь жизни стал угасать час за часом. Возможно, осталось всего сто, или семьдесят, или двадцать вдохов — и все прервется. Она начала считать; она знала, что так поступали заключенные в тюрьмах, — читала о людях, которые сохранили ясность сознания за счет того, что непрерывно считали. Единственная проблема заключалась в том, что ей нечего было считать. Никаких событий. Никаких звуков. Никакого времени.

Только собственное дыхание и пульс.

Как она ждала его! Словно он был ее любовником — она буквально тосковала по нему. Ее тюремщик, ее палач, ее убийца? Все что угодно. Всякое изменение, всякое событие, каждый мыслимый перерыв... только не это бесконечное общение со смертью.

Ее пронизательный и требовательный гость...

В миске еще оставалась еда, но есть не хотелось. Иногда она смачивала водой язык и губы, но и жажды уже не ощущала. Добиралась до ведра, но ничего не могла из себя исторгнуть... потребности покидали ее, одна за другой. Вот так просто обстояло дело.

Почему он не приходит?

Хотя время перестало существовать, она почувствовала, что его что-то задержало. Она решила досчитать до четы-

рех тысяч ударов пульса, и если за это время он не появится, то она...

Она еще раз досчитает до четырех тысяч ударов пульса.

Можно ли отличить тысячу ударов пульса от другой тысячи ударов пульса? В самом деле, возможно ли это? А если и возможно, то какая от этого польза?

И, пока она считала, невидимая рука сжимала ее все крепче.

Туча росла.

Смерть заполняла ее.

— Я задержался, — проговорил он, и она едва различила его голос.

— Да, — прошептала она.

Он сидел молча, и она поймала себя на том, что начала считать его вдохи. Грубые звуки в темноте, однако его звуки, не ее... хотя бы что-то, не исходящее от нее самой.

— Рассказывай, — попросила она.

Он закурил, и внезапно она почувствовала, как слабый огонек разросся и проник в нее... в следующее мгновение свет пронизал все ее тело, и она потеряла сознание.

Очнулась она среди искрящегося, ослепительно-белого мира, пульсирующего и вибрирующего сияния, столь сильного, что внутри у нее все загудело. Восходящие спирали проносились у нее в голове, она кинулась в этот свет, ее засосало туда, и она повисла в невесомости среди этой адской вращающейся белизны, потока безумно белого света...

Потом все стало меркнуть. Поток света стал приглушеннее, затем стал медленно исчезать, покачиваясь волнами, и вскоре она снова почувствовала запах земли. Земли и табач-

ного дыма. Снова увидела тьму и дрожащую красную точку — и поняла, что что-то произошло. Она точно не могла сказать что именно, но, кажется, она побывала где-то в другом месте и вернулась назад. И туча больше не росла в ней.

Что-то произошло.

— Расскажи, — попросила она, и голос снова повиновался ей, как прежде. — Расскажи про Хайнца Эггерса.

— Хайнц Эггерс, — повторил он, как всегда слегка помедлив в начале. — Да, я расскажу и об Эггерсе тоже. Правда, я так устал... очень устал... однако я намерен довести дело до конца.

Она не успела поразмышлять о том, какой смысл он вкладывает в эти свои слова.

Он откашлялся и начал:

— Это было в Сельстадте. Она переехала туда. Вернее, ее перевезли туда. Социальная служба отправила ее на принудительное лечение в Трикберг. Ты знаешь Трикберг?

— Нет.

— Один из тех реабилитационных центров, которым удается кое-кого спасти... не из тех, где пациентов то выписывают, то берут обратно, пока они не умрут от передозировки или укола грязной иглой. Как я уже сказал, их методика дает результаты... Мы поддерживали связь, навещали ее, она была в неплохом состоянии. Снова забрезжила полоска света, но через пару месяцев мы узнали, что она сбежала... Прошло довольно много времени... слишком много времени, прежде чем мне подсказали, что она может быть в Сельстадте. Трикберг находится в паре миль от него. Я поехал в Сельстадт и стал разыскивать ее. После нескольких дней упорных поисков у меня в руках оказался один адрес, и я отправился туда.

Конечно, это был наркоманский притон... я многое повидал на своем веку, но не могу припомнить, чтобы видел кого-то в худшем состоянии, чем Бригитте и вторая женщина в конюшне Хайнца Эггера... Он так это и называл — конюшной. Видимо, подумал, что я пришел купить дешевый секс с одной из его проституток... или обеими сразу. Допускаю, что у него были и другие...

Он замолчал.

— И что ты сделал? — спросила она после долгой паузы.

— Я ударил его. Дал ему по морде. Ничего другого я не мог сделать. Он исчез. Я вызвал «скорую» и отправил обеих в больницу... Три недели спустя она умерла. Битте умерла в больнице в Сельстадте... Прости меня, я слишком устал, чтобы вдаваться в подробности.

— Как она умерла?

Он снова сделал паузу и докурил сигарету. Бросил ее на пол и растоптал ботинком.

— Перерезала себе вены и выпрыгнула с шестого этажа... хотела быть уверенной в успехе своего предприятия. Это было тридцатого сентября. Тридцатого сентября восемьдесят восьмого года. Ей исполнилось двадцать семь лет.

На этот раз он задержался надолго. Сидел на обычном расстоянии, в трех-четыре метра от нее, в темноте, тяжело дыша. Никто из них не проронил ни слова. Она понимала, что к сказанному нечего добавить.

Он закончил.

Месть осуществилась.

История рассказана.

Все позади.

Они сидели в темноте, и у нее мелькнула мысль, что они — как два актера, оставшиеся на сцене, хотя занавес давно опущен.

«Что будет теперь? — подумала она. — И что потом?»

Что делает Горацио после смерти Гамлета?

Живет и рассказывает историю еще раз, как ему было поручено?

Умирает по собственной воле, как ему самому хочется?

В конце концов она решилась спросить:

— Что ты собираешься делать?

Она услышала, как он вздрогнул. Наверное, он просто застнул на своем стуле. Во всяком случае, от него веяло безграничной усталостью. И она вдруг почувствовала, что ей хотелось бы дать ему совет.

Хоть какое-нибудь утешение. Но его, конечно, не могло быть.

— Не знаю, — проговорил он. — Я свое дело сделал. Мне нужен знак. Я пойду туда и буду ждать знака...

Он поднялся.

— Какой сегодня день? — спросила она, сама не зная почему.

— Сейчас не день, — ответил он. — Сейчас ночь.

И снова ушел, оставив ее одну.

«Однако я жива, — с удивлением подумала она. — А ночь всегда рождает день...»

50

Ван Вейтерен шел первым.

Прокладывал дорогу в темноте, которая начала чуть заметно редеть. Узкая полоса серого рассвета начала проби-

ваться сквозь кроны деревьев, однако пока невозможно было различить ничего, кроме грубых контуров и теней. Звук по-прежнему царил над светом, ухо — над глазом. Легкие шорохи и голоса мелких ночных животных осторожно удалялись при звуке их шагов, когда они пробирались вперед. «Жутковатое местечко», — подумал Мюнстер.

— Идем не дыша, — приказал Ван Вейтерен. — Лучше мы прибудем на место на пятнадцать минут позднее, чем выдадим свое присутствие.

Вскоре они завернули за угол и ступили на каменные плиты. Ван Вейтерен толкнул дверь. Она слабо закрипела, и Мюнстер почувствовал, что комиссар занервничал, но всего за полминуты все вошли в дом.

Разделились. Двое — вверх по лестнице. Он сам и Мюнстер — вниз.

В сплошной темноте он включил карманный фонарик.

— Это всего лишь догадка, — прошептал он через плечо, — но ставлю сто против одного, что я прав!

Мюнстер кивнул на ходу, следуя за ним по пятам.

— Смотри! — воскликнул Ван Вейтерен и остановился, направив свет на старый кукольный домик, наполненный всякими мелочами: куклы, мишки, игрушечная утварь. — Как я сразу не догадался! Хотя, пожалуй, нельзя быть к себе столь требовательным.

Они продолжили путь вниз, Мюнстер — в полушаге за спиной комиссара. Запах земли становился все ощутимее... земли и застывшей струйки сигаретного дыма. Ход сузился, потолок стал ниже. Им пришлось съежиться, наклонить головы, пробираться на ощупь, несмотря на свет фонарика.

— Здесь! — неожиданно произнес комиссар. Остановился и осветил мощную деревянную дверь с двойными засовами и большим висячим замком. — Это здесь!

Он осторожно постучал в дверь.

Изнутри не донеслось ни звука.

Он постучал снова, на этот раз громче, и Мюнстер услышал изнутри слабый звук.

— Инспектор Мёрк? — окликнул Ван Вейтерен, прижавшись щекой к влажной древесине.

Теперь можно было различить отчетливое «да», и в ту же секунду Мюнстер почувствовал, как в нем что-то прорвалось. Из глаз потекли слезы, и не было никакой возможности сдержать их. «Мне сорок два года, я полицейский, и вот стою тут и реву, — подумал он. — Что за черт!»

Но ему было все равно. Он стоял за спиной у комиссара и плакал под прикрытием темноты. «Благодарю!» — подумал он, даже не задумываясь над тем, кого именно он благодарит.

Ван Вейтерен достал ломик, и после двух неудачных попыток ему удалось сбить замок. Он отодвинул засовы и распахнул дверь...

— Уберите свет! — прошептала Беата Мёрк, и единственное, что Мюнстер успел разглядеть, были кандалы, ее спутанные волосы и ладони, которыми она закрывала глаза.

Прежде чем выполнить ее просьбу, комиссар на несколько мгновений осветил лучом фонарика стены подземелья.

Затем пробормотал себе под нос нечто неразборчивое и погасил свет.

Мюнстер на ощупь подошел к ней, поднял ее на ноги. Беата тяжело повисла на нем, и он понял, что ему придется не-

сти ее. Осторожно подняв ее, он заметил, что слезы все еще текут по щекам.

— Как ты себя чувствуешь? — выговорил он, когда она положила голову ему на плечо, и голос его звучал на удивление твердо.

— Не очень, — прошептала она. — Спасибо за то, что вы пришли.

— Не стоит благодарности, — ответил Ван Вейтерен. — Просто жаль, что я не догадался обо всем раньше... боюсь, вам придется побыть в кандалах еще какое-то время. У нас нет с собой нужного инструмента.

— Ничего страшного, — сказала Беата Мёрк. — Но когда их с меня снимут, я желаю три часа отмокать в ванной.

— Само собой, — сказал Ван Вейтерен. — Вы столько отработали сверхурочно, инспектор, что заслужили отгул.

Затем он повел их обратно.

На террасе их уже поджидали Кропке и Мосер.

— Его нет дома, — сказал Кропке.

— Черт побери! — буркнул Ван Вейтерен.

— Ты можешь поставить меня на землю, если тебе тяжело, — сказал Беата Мёрк. — Возможно, я в состоянии идти сама.

— Даже не обсуждается, — ответил Мюнстер.

— Где же он? — насутился комиссар. — Полшестого утра... где ему быть, как не в своей постели?

Беата по-прежнему прикрывала глаза рукой от слабого предутреннего света.

— Он недавно был у меня, — проговорила она.

— Недавно? — переспросил Кропке.

— У меня немного нарушено восприятие времени, — пояснила она. — Час назад... может быть, два.

— Он не сказал, куда направляется? — спросил Ван Вейтерен. Беата задумалась.

— Нет, — сказала она. — Но он сказал, что ему нужен знак..

— Знак? — переспросил Мосер.

— Да.

Ван Вейтереен закурил и стал ходить взад-вперед по вымощенной камнем дорожке.

— Угу, — произнес он наконец и остановился. — Да, это вполне возможно... почему бы и нет? Мюнстер!

— Да.

— Ты освободишь инспектора от кандалов и отвезешь ее в больницу.

— Домой, — сказала Беата Мёрк.

Ван Вейтерен что-то пробормотал себе под нос.

— Хорошо, — согласился он. — Мы пошлем врача на дом.

Она кивнула.

— Кропке и Мосер пойдут со мной!

— Как вы думаете, где он может быть, господин комиссар? — спросил Кропке, когда Мюнстер и Мёрк удалились.

— Со своей семьей, — проговорил Ван Вейтерен. — Там его дом.

51

— Дальше я справлюсь сама, — сказала Беата Мёрк.

— Точно? — спросил Мюнстер.

— Конечно. Посижу немного в ванне и снова буду свежа, как роза.

— Врач придет через полчаса. Думаю, мне лучше остаться до его прихода.

— Да нет, спасибо, — улыбнулась она слабой улыбкой. — Отправляйся к семье.

Он замер, положив руку на ручку двери.

— Этот рапорт... — проговорил он. — Сколько ты успела прочесть?

Она рассмеялась:

— Хорошо, я отвечу. Я ничего не успела прочесть. Просто заметила, что исчезла нумерация страниц. Передавая оригинал, я перелистала его до последней страницы и увидела, что внизу стоит цифра тридцать пять. По-моему, я даже что-то сказала по этому поводу.

— Точно, — вспомнил Мюнстер.

— На копиях пагинация отсутствовала, вот и все. Когда я решила вернуться в участок, я ничего не знала о его дочери. Я проработала здесь всего четыре года — она уже умерла, когда я приехала сюда. Просто хотела проверить, не осталось ли чего-нибудь в комнате, где стоит ксерокс. Должно быть, он увидел меня, когда я вошла или когда уезжала. Возможно, все вышло случайно — не знаю, подозревал ли он, что мне что-то известно. Во всяком случае, он ни словом не упомянул об этом. Ты хотел еще что-нибудь спросить?

Мюнстер покачал головой.

— На самом деле очень многое, — проговорил он. — Но это подождет.

— Иди, — сказала она. — Но сначала обними меня, если тебя не пугает запах.

— Я носил тебя на руках все утро, — напомнил Мюнстер и крепко обнял ее.

— Ай! — сказала Беата Мёрк.

— До свидания, — сказал Мюнстер. — Береги себя.

— Ты тоже.

Он увидел его издалека.

В бледном утреннем свете Баусен стоял на том же месте, где он видел его в тот вечер в самом начале. Тогда он сам не захотел приближаться к нему. Не пожелал мешать ему в его скорби.

Сейчас, как и в тот раз, полицмейстер стоял, засунув руки глубоко в карманы. Голова опущена. Ноги широко расставлены, словно он прождал он уже достаточно долго и ни за что не хотел утратить равновесия.

Неподвижный, в полном сосредоточении... Погруженный во что-то, что могло оказаться молитвой, но, может, и просто в ожидании. В ожидании знака.

Хотя это могла быть и скорбь.

Его спина настолько не располагала к беседе, что Ван Вейтерен не сразу решился подойти. Он сделал знак Мосеру и Кропке остаться на месте, чтобы хоть недолго поговорить с ним наедине.

— Доброе утро, — сказал он, когда ему оставалось не больше двух метров и когда Баусен давно уже должен был услышать его шаги по гравийной дорожке. — Вот я и пришел.

— Доброе утро, — ответил полицмейстер.

Ван Вейтерен положил руку ему на плечо. Некоторое время стоял молча, читая надпись на надгробии.

Бригитте Баусен
18/6 1961 — 30/9 1988

Хелена Баусен
3/2 1932 — 27/9 1991

— Вчера? — спросил Ван Вейтерен.

Баусен кивнул:

— Пять лет назад. Как видишь, ее мать не дожила до трех-летней годовщины... всего три дня.

Они постояли молча. Ван Вейтерен услышал, как у него за спиной кашлянул Кропке, и, не оборачиваясь, остановил его жестом руки.

— Я должен был догадаться раньше, — сказал он. — Ты дал мне несколько знаков.

Поначалу Баусен не ответил. Лишь чуть заметно пожал плечами и покачал головой.

— Знаки... да, — проговорил он. — Мне не посылают никаких знаков... я стоял тут и ждал достаточно долго, и не только сегодня...

— Знаю, — произнес Ван Вейтерен. — Возможно... возможно, само отсутствие знака — уже знак.

Баусен поднял глаза:

— Молчание богов? — Он поежился и взглянул на комиссара: — Я сожалею, что так получилось с Мёрк. Вы ее выпустили?

— Да.

— Мне нужен был кто-то, кому я все мог бы объяснить. Я не понимал этого, когда взял ее, но все было именно так. Я не собирался ее убивать.

— Само собой, — сказал Ван Вейтерен. — Когда ты понял, что я обо всем догадался?

Баусен заколебался:

— Наверное, во время последней шахматной партии... но я не был до конца уверен.

— Я тоже не был до конца уверен, — проговорил Ван Вейтерен. — Мне было сложно понять мотивы.

— Но теперь-то ты понял их?

— Думаю, да. Кропке нашел вчера кое-какие сведения... все это ужасно.

— Мёрк все знает. Тебе придется спросить у нее. Я не в состоянии рассказывать это еще раз. Я очень устал.

Ван Вейтерен кивнул.

— Когда ты звонил мне вчера, — сказал Баусен. — Я, конечно, не дал себя обмануть. Сделал вид... из вежливости, ты уж извини.

— Пожалуйста, — сказал Ван Вейтерен. — Это был самодельный дебют.

— Скорее финал, — сказал Баусен. — Мне показалось, что вы пришли не слишком быстро.

— У меня сломалась машина, — пояснил Ван Вейтерен. — Ну что, пойдём?

— Да, — ответил Баусен. — нужно идти.

УАСМб V

2 октября

52

Пляж казался бесконечным.

Ван Вейтерен остановился и посмотрел на море. Впервые за столько дней поднялось сильное волнение. Свежий ветер дул все сильнее, а из-за горизонта появился темный край тучи. Наверняка скоро пойдет дождь.

— Думаю, пора возвращаться, — сказал он.

Мюнстер кивнул. Они шли уже больше получаса. Сюнн обещала приготовить обед к трем часам, а детей еще предстояло помыть, прежде чем их можно будет сажать за стол.

— Барт! — крикнул он и помахал рукой. — Мы возвращаемся!

— Хорошо! — ответил мальчик и нанес последний удар закопанному в песок врагу.

— Я устала! — захныкала девочка. — Папа, понеси меня!

Он посадил ее к себе на плечи, и они медленно двинулись по пляжу в обратном направлении.

— Как он себя чувствует? — спросил Мюнстер, когда Марика заснула, а Барт убежал далеко вперед.

— По-моему, неплохо, — сказал Ван Вейтерен. — Будущее его мало беспокоит. Для него главное, что он осуществил это.

— Он стремился к тому, чтобы его задержали?

— Нет, но это тоже не имело особенного значения. Конечно, это стало неизбежно, когда Мёрк взяла след.

Мюнстер задумался.

— Сколько строк в рапорте Мельника было посвящено Бригитте Баусен? — спросил он. — Вряд ли слишком много...

— Ровно одна страница. Там речь идет о том годе, когда они жили вместе. Ее имя упоминается два раза. Мельник, конечно, понятия не имел обо всей этой истории, даже он не в состоянии помнить имена всех полицмейстеров... хотя, будь у него чуть побольше времени — я имею виду Баусена, — он мог бы вставить туда другое имя вместо того, чтобы убирать целую страницу. Тогда его, возможно, так и не удалось бы разоблачить. Но мы стояли под дверью и ждали... и все же мы должны были, черт побери, заметить, что в отчете есть пробел.

Мюнстер кивнул в знак согласия.

— Иногда мне кажется, что его поступок совсем не так ужасен, — проговорил он. — Я имею в виду, с моральной точки зрения.

— Да, — проговорил Ван Вейтерен. — В каком-то смысле он был прав... но, конечно, никто не давал ему права рубить головы живым людям, но он должен был что-то сделать со своим огромным горем...

Комиссар порылся в карманах и достал сигареты. Ему пришлось остановиться и прикрыть зажигалку ладонями, прежде чем удалось закурить.

— Огромное горе и огромная решимость, — констатировал он, — вот главные ингредиенты этого случая. Эти слова принадлежат не мне, а Мёрк, однако это прекрасное резюме. Горе и решимость... и необходимость. Мы живем не в самом совершенном мире, но мы уже давно открыли для себя эту истину, не так ли?

Некоторое время они шли молча. Мюнстер вспомнил другие слова, которые упомянула Мёрк, рассказывая о своих беседах с Баусеном в подвале.

Жизнь накладывает на нас некоторые обязательства, якобы сказал он. Если мы не возьмем эту миссию на себе, то впадем в оцепенение, так что выбора у нас фактически нет...

Оцепенение? Действительно так? Значит, вот как она выглядит — эта бесплодная борьба со злом, в которой результат, каким бы нелепым это ни казалось, на самом деле не важен... и только сам процесс, само действие имеет значение...

А награда всего лишь в том, чтобы не впасть в оцепенение. Всего лишь?

Разве этого мало?

Но — три человеческие жизни?

— Что скажете, господин интендент? — прервал его мысли комиссар. — Какое наказание ты назначил бы ему, если бы это зависело от тебя?

— Если бы мир был устроен, как нам хочется?

— Да, именно.

— Даже не знаю, — проговорил Мюнстер. — А вы сами что предложили бы?

Ван Вейтерен задумался.

— Это трудно, — проговорил он. — Запереть его в подвале, как он поступил с Мёрк. Хотя, конечно, на более гуманных условиях — с лампой, книгами... и штопором в придачу.

Они снова замолчали. Продолжали идти бок о бок у линии воды, мысленно подводя итог. Ветер усилился. Тучи казались такими плотными, словно к ним можно было прислониться. Подбежал Барт, неся еще несколько находок для своей коллекции камней. Положил их в карман отцу и снова унесся вперед. Когда показался низенький белый дом, Ван Вейтерен откашлялся.

— Как бы там ни было, — проговорил он, — это один из самых симпатичных убийц, с которыми мне доводилось встречаться. Да и не часто случается, что успеваешь так близко познакомиться... прежде чем засадить их за решетку.

Мюнстер поднял глаза. В голосе комиссара прозвучал новый, совершенно несвойственный ему оттенок самоиронии, которого он никогда раньше не слышал... и даже не представлял, что такой может быть. Мюнстер не смог сдержать улыбку.

— Кстати, чем закончился ваш шахматный поединок? — спросил он.

— Само собой, я выиграл, — ответил Ван Вейтерен. — А ты как думаешь? Просто у меня ушло на это некоторое время.

Пару часов спустя он в последний раз пришел к морю. Закурил последнюю сигарету и долго стоял в одиночестве, докуривая и глядя на яростную водную массу, бившуюся о берег.

Все снова ожило. И небо, и море... все тот же угрожающий серо-фиолетовый аккорд, вся та же необоримая сила. Почувствовав на руке первую каплю дождя, он повернулся ко все- этому этому спиной и пошел к машине.

«Пора уезжать, — подумал он. — Занавес упал. Драма закончена.

Эдип уходит. Уходит Ван Вейтерен».

Он завел машину. Зажег фары навстречу стремительно сгущающейся тьме и поехал в глубь страны.

И все же. Все же, возможно, он покидает это место не навсегда. Может быть, он еще посетит Кальбринген...

Ведь даже палачей на пенсии должны иногда отпускать на побывку? И самые запыленные шахматные фигуры снова могут ринуться в бой.

И чего не сделаешь за бокальчик хорошего вина?

Подумав так, комиссар Ван Вейтерен стал рыться в бардачке в поисках диска Пендерецкого¹.

¹ Кшиштоф Пендерецкий — знаменитый польский композитор и дирижер.

Содержание

Часть I	7
31 августа — 10 сентября	9
Часть II	107
10—24 сентября	109
Часть III	203
24—27 сентября	205
Часть IV	263
27 сентября — 1 октября	265
Часть V	311
2 октября	313

*Литературно-художественное издание
Национальный Bestseller*

Нессер Хокан

ТОЧКА БОРКМАННА

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Ведущий редактор *А. Гришина*

Выпускающий редактор *Л. Данкова*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии © *shutterstock.com*

Художественное оформление: *Е. Васильева*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректор *Л. Агафонова*

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ*

Подписано в печать 04.02.2015 г.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. л. 20,0

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т 8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 495 221-89-80

Проект осуществлен с помощью технологий
print on demand